Иорданский.

Конституционное движение 60 годов

У 2.05/394

Российская Федеративная Советская Республика
Центральная библиотека

Н. И. Іорданскій.

И 205/394

КОНСТИТУЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ

60-хъ годовъ.

1800 1919

ИЗДАНІЕ С. Н. САЛТЫКОВА.

Того же автора:

Земскій либерализмъ, Изданіе второе.

Возвратите книгу не позже обозначенного здесь срока.

9(47)
И 75

Н. И. Іорданскій.

Российская Федеративная Советская Республика
Центральная библіотека Государственн. Контроля

А. I / 493
И 205 / 394
2080 1800
1919 г.

КОНСТИТУЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ

60-хъ ГОДОВЪ.

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад. и ассигн.
10							65 / 1095

71

Того же автора:

Земскій либерализмъ, Изданіе второе. Цѣна 20 коп.

Какъ выбирать рабочихъ депутатовъ въ Государственную Думу? Цѣна 5 коп.

Тираж 10000.

9(47)
И75

Н. И. Лорданскій.

А.I
493
V 205
394
2080
1800
1919 г.

КОНСТИТУЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ

60-хъ ГОДОВЪ.

Инв. 193

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина
Р8202-36

2007237406

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

ГЛАВА I.

Основныя черты дореформеннаго мѣстнаго управленія.

Конституціонное движеніе конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, прошлаго вѣка, тѣсно связано съ паденіемъ крѣпостного права и реформою всей системы управленія.

Уничтоженіе крѣпостной зависимости милліоновъ крестьянскаго населенія съ логическою неизбѣжностью поставило на первую очередь и вопросъ о коренномъ преобразованіи центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій. Это преобразованіе повелительно диктовалось не только многочисленными техническими недостатками дореформенныхъ учрежденій, но и полной ихъ непригодностью въ условіяхъ обновленнаго строя русской жизни.

Дореформенное государство во всѣхъ своихъ частяхъ твердо опиралось на фундаментъ крѣпостного права. Порабощенное населеніе не имѣло и не могло имѣть сколько-нибудь существенныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Оно было подчинено почти неограниченной власти мѣстнаго дворянства, которому принадлежали и личность, и имущество крестьянина. Государственная власть, естественно, отодвигалась въ сторону отъ населенія, такъ какъ экономическія отношенія крѣпостного строя требовали для руководителей и организаторовъ дореформеннаго сельскохозяйствен-

наго производства, помѣстныхъ дворянъ, наиболѣе полнаго и свободнаго распоряженія личностью и трудомъ рабочаго-крестьянина. Всякая попытка государственной власти стать лицомъ къ лицу съ населеніемъ являлась, при такихъ условіяхъ, нарушеніемъ освященныхъ вѣками правъ помѣщика и, дѣйствительно, противорѣчила самой сущности крѣпостныхъ отношеній. Элементарные матеріальные интересы помѣстнаго дворянства вынуждали его къ упорной и стойкой борьбѣ ст нивеллирующими тенденціями государственной власти; и пока дворянство находило опору въ соціально-экономическихъ устояхъ русской жизни, оно всегда оказывалось достаточно сильнымъ, чтобы обезпечить свои привилегіи. Въ моментъ наибольшаго политическаго вліянія русскаго дворянства помѣщичье село, по яркому изображенію г. Побѣдоносцева, «представляется какъ бы маленькимъ государствомъ посреди большого»; «нельзя не замѣтить, какихъ усилій и трудовъ стоитъ центральной государственной власти проникнуть въ это маленькое государство, утвердить тамъ свою силу, исполнить свое распоряженіе. Сплошь да рядомъ мы видимъ, что помѣщикъ въ своемъ имѣніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно упорствуетъ въ неисполненіи всѣхъ требованій правительства, господствуетъ съ полнымъ произволомъ надъ своими крестьянами и даже, съ помощью этого господства, открыто возстаетъ противъ общественной власти... Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчаетъ такъ, какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайку грабителей: съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружіемъ «собрався съ своими крестьяны». Подъячему, который пріѣзжалъ со служилыми людьми во дворъ помѣщиковъ, объявля-

лось прямо: «ступайте вонъ, никого вамъ не дадутъ, а коли поѣдете съ людьми на село, будете побиты до смерти». Случалось даже, что пріѣхавшаго подъячаго помѣщикъ приказывалъ бить, сажать на цѣпь и освобождалъ лишь по усиленнымъ его просьбамъ. Послѣ нѣсколькихъ посылокъ отвѣтчикъ переѣзжалъ въ другую вотчину, гдѣ повторялись такія же продѣлки; большею частью онъ, если былъ силенъ, оставался безъ всякаго наказанія за ослушаніе» *)... Эти слова относятся къ XVIII столѣтію; въ XIX вѣкѣ, съ усиленіемъ государственной власти, открытыя возстанія, разумѣется, прекратились, независимость помѣщичьяго двора отошла въ прошлое, но и тогда дворянство упорно отстаивало неприкосновенность своихъ владѣній отъ посягательствъ государства. Уже въ началѣ XIX столѣтія, напр., нѣкоторые помѣщики Тульской губерніи, при выемкѣ въ ихъ имѣніяхъ дезертировъ и помѣщичьихъ бѣглыхъ людей, оказывали земской полиціи такое сопротивленіе, что убили одного рядового въ находившейся при томъ командѣ и, несмотря на это, были почти оправданы уѣзднымъ судомъ и палатой **). Взгляды дворянства на свое политическое положеніе измѣнялись очень медленно. Сущность же этихъ взглядовъ чрезвычайно выпукло обрисовывается въ писаніяхъ извѣстнаго дѣятеля александровской эпохи, Карамзина, создавшаго цѣлую теорію помѣщичьей власти, теорію, для обоснованія которой авторъ обращался не только къ соображеніямъ чистаго разума, но и къ по-

---

*) Цит. по книгѣ: Романовичъ-Славатинскій—„Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права“. Спб. 1870 г. Стр 352.

**) Ibid Стр 353.

становленіямъ дѣйствовавшаго законодательства. «Народу,—писалъ Карамзинъ,—невозможно пребывать безъ начальниковъ, безъ руководителей: и кому же приличнѣе быть сими орудіями высшей власти, какъ не помѣщикамъ? Помѣщикъ и по отличному воспитанію, и по незыблемости его власти, и по неимѣнію никакихъ видовъ соперничества съ подчиненными, и по пріятной сердцу обязанности передать свое наслѣдіе, предметъ человѣколюбивыхъ его заботъ, дѣтямъ своей крови, точно представляетъ въ маломъ своемъ кругѣ лицо своего монарха»... «Помѣщика я разумѣю наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому верховная власть, давъ землю для населенія, черезъ то ввѣрила ему попеченіе о людяхъ, на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ими и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами, однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству, онъ есть ихъ генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ... Россійскіе помѣщики, по разуму законовъ, не что иное, какъ намѣстники своихъ великихъ государей, каждый во ввѣренной ему части» *). Эта теорія,

---

*) См. написанное Карамзинымъ: „Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества“. Цит. Романовичъ-Славатинскій. „Дворянство въ Россіи“, Стр. 385.

для полнаго пониманія которой необходимо замѣтить, что наслѣдственныя вотчинныя права дворянства Каразинъ считалъ лучшею замѣною парламентскаго представительства, глубоко коренится въ конкретныхъ условіяхъ сословно-крѣпостного строя, и, въ своихъ существенныхъ чертахъ, воплощалась въ дореформенной организаціи мѣстнаго управленія Россіи. Въ то время дворянство было нашимъ pays légal. Оно пользовалось такими правами въ дѣлѣ государственнаго управленія, которыя открывали широкую возможность всесторонняго вліянія на направленіе внутренней политики. Не только предводители, депутаты и другіе представители сословнаго дворянскаго общества, но и цѣлый рядъ чиновниковъ, являющихся органами государства въ мѣстномъ управленіи, были выборными ставленниками дворянства. По закону, дворянство избирало предсѣдателя и двухъ членовъ уѣзднаго суда, земскаго исправника и засѣдателя земскаго суда, предсѣдателя и двухъ членовъ совѣстнаго суда, двухъ членовъ приказа общественнаго призрѣнія. Глава дворянскаго общества, губернскій предводитель, засѣдалъ на первомъ мѣстѣ послѣ губернатора: въ комиссіи народнаго продовольствія, общественнаго здравія, дорожной, оспенномъ комитетѣ, комитетѣ коннозаводства, комитетѣ и особомъ присутствіи по земскимъ повинностямъ. Во всѣхъ временныхъ комитетахъ и комиссіяхъ, касавшихся сколько нибудь значительныхъ нуждъ губерніи, также всегда и непремѣнно участвовали представители дворянства.

Вліяніе дворянства на мѣстныя дѣла, достаточно обезпеченное юридически, усиливалось, кромѣ того, и фактическимъ положеніемъ господствующаго сосло-

вія. Всѣ высшіе чиновники губернской администраціи принадлежали къ дворянству и были крѣпко связаны съ нимъ не только общимъ происхожденіемъ, но и одинаковыми матеріальными интересами. Представители другихъ сословій, обладавшихъ правомъ нѣкотораго участія въ мѣстномъ управленіи, въ дѣйствительности не играли и не могли играть никакой роли въ тѣхъ судебныхъ и полицейскихъ учрежденіяхъ, куда ихъ допускало законодательство. Даже духовенство находилось въ полной фактической зависимости отъ дворянства и нерѣдко служило прямымъ орудіемъ помѣщичьей власти. Вся мѣстная жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, подчинялась, такимъ образомъ, властному руководству первенствующаго сословія. Судъ, администрація, церковь сосредоточивались въ его рукахъ и являлись лишь организаціей господства землевладѣльческаго класса надъ безправнымъ и закрѣпощеннымъ населеніемъ. Этотъ патріархально-аристократическій, почти феодальный строй дореформеннаго русскаго государства неизбѣжно отражался и въ той области мѣстнаго управленія, которая послѣ реформы 1 января 1864 года отошла въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій и которая заключала въ себѣ такъ называемыя земскія повинности. Подъ земскими повинностями, согласно опредѣленію всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ 2 мая 1805 года, разумѣлись «разные денежные сборы и работы, сверхъ учрежденныхъ въ казну податей, по требованію правительства и по внутренней губернской раскладкѣ и по распоряженію по временамъ и ежегодно обывателями отправляемые». Эти повинности обнимали собою даже болѣе широкую область, чѣмъ такъ называемыя хозяйственныя пользы

и нужды мѣстности, вскорѣ составившія предметъ компетенціи новорожденныхъ земскихъ учрежденій. Одно перечисленіе ихъ занимаетъ восемь страницъ Свода законовъ. Сюда относились какъ повинности, имѣвшія цѣлью удовлетвореніе потребностей всего губернскаго населенія и отдѣльныхъ сословныхъ обществъ, такъ и повинности, направленныя на удовлетвореніе общихъ нуждъ государства. Въ виду этого земскія повинности раздѣлялись, по своему значенію, на государственныя и губернскія. По способу же ихъ отправленія, онѣ дѣлились на денежныя и натуральныя. Къ государственнымъ повинностямъ относилось содержаніе почтовыхъ лошадей на главныхъ почтовыхъ дорогахъ, содержаніе почтовыхъ помѣщеній, участіе въ содержаніи главныхъ общеимперскихъ дорогъ, содержаніе земской полиціи, устройство тюремъ для пересыльныхъ арестантовъ и домовъ для стражи по главнымъ этапнымъ путямъ, содержаніе преступниковъ, расходы при совершеніи казни, содержаніе арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, устройство или наемъ зданій для временно квартирующихъ или проходящихъ войскъ, ихъ отопленіе и освѣщеніе, наемъ земли подъ лагери, для маневровъ и для пастбищъ военныхъ лошадей. Къ денежнымъ губернскимъ повинностямъ были отнесены расходы отчасти на тѣ же государственныя потребности, поскольку онѣ касались данной губерніи, отчасти на мѣстныя потребности. Такъ, по дорожной части земскими повинностями являлись: содержаніе шоссе для внутреннихъ сообщеній губерніи и техническія сооруженія на грунтовыхъ дорогахъ, содержаніе воспитанниковъ губерніи въ строительномъ училищѣ; по квартирной части—устройство зданій для губернскихъ и

уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, участіе въ содержаніи губернскихъ и уѣздныхъ тюремъ, вспоможеніе городамъ на отопленіе и освѣщеніе тюремъ, содержаніе нѣкоторыхъ чиновниковъ губернаторской канцеляріи, казенной палаты и уѣзднаго казначейства, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и содержаніе разныхъ чиновъ министерства юстиціи. Далѣе, въ губернскія земскія повинности входили расходы по межеванію, содержаніе земскихъ случныхъ конюшенъ, оспопрививаніе и т. п., а также и частныя повинности, падавшія только на отдѣльныя сословія, дворянъ, горожанъ, крестьянъ. Наконецъ, сюда же причислялись и натуральныя повинности: дорожная, подводная и постойная, лежавшія почти исключительно на податныхъ сословіяхъ.

Въ кругъ обязанностей дореформеннаго земства входили и заботы по общественному призрѣнію, вѣдавшіяся приказомъ общественнаго призрѣнія, предсѣдателемъ котораго былъ губернаторъ, а членами—выборные представители дворянъ, горожанъ и крестьянъ. Приказъ общественнаго призрѣнія содержалъ больницы въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, дома для умалишенныхъ, богадѣльни, воспитательные дома, училища дѣтей канцелярскихъ служителей, сиротскіе дома, фельдшерскія школы, тюремно-исправительныя заведенія; кромѣ того, онъ оказывалъ вспоможеніе гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ, содержалъ стипендіатовъ въ гимназіяхъ, женскихъ учебныхъ заведеніяхъ императрицы Маріи и на медицинскихъ факультетахъ университетовъ.

Этотъ краткій перечень земскихъ повинностей показываетъ, что дореформенное законодательство не возводило въ принципъ строгое раздѣленіе мѣстныхъ

и государственныхъ нуждъ. Земскія повинности были, въ сущности, тѣмъ же государственнымъ дѣломъ, поскольку оно ограничивалось предѣлами данной территоріи, и земскіе органы признавались одними изъ органовъ государственной власти. Ихъ особенный строй объяснялся только тѣмъ, что правительство всегда признавало, по крайней мѣрѣ принципіально, необходимость особаго порядка управленія земскими повинностями, въ виду ихъ своеобразнаго характера. Въ одной изъ резолюцій имцератора Николая I, 3 мая 1821 года, опредѣленно говорится: «лучшіе судьи удобнѣйшаго исполненія земскихъ повинностей суть жители, ибо они ближе знаютъ, гдѣ, кто и что самъ можетъ исправить деньгами, гдѣ, кто и что самъ собою, своими руками, своею лошадью». Въ 1849 году восемь членовъ государственнаго совѣта также указывали въ одномъ мнѣніи, что «никакая правительственная раскладка не можетъ быть уравнительнѣе и справедливѣе той, которую составляютъ сами общества и сословія». Но принципіальное признаніе значенія и необходимости мѣстнаго самоуправленія, въ конкретныхъ условіяхъ сословно-крѣпостного общества, означало только признаніе управляющей власти господствующаго сословія, тѣмъ болѣе, что земскія повинности, по самому существу своему, ложились, главнымъ образомъ, на крестьянское населеніе, находившееся во владѣніи помѣстнаго дворянства. Участіе мѣстныхъ людей въ дѣлахъ государственнаго управленія дореформенной Россіи, какъ показываетъ организація дореформенныхъ земскихъ учрежденій, сводилась преимущественно къ участію дворянскихъ представителей.

Наиболѣе важнымъ земскимъ учрежденіемъ доре-

форменной эпохи являлся комитетъ земскихъ повинностей, который собирался въ губернскомъ городѣ чрезъ каждые три года. Комитетъ составлялся изъ губернатора, какъ предсѣдателя, управляющихъ палатою государственныхъ имуществъ и удѣльною конторою съ подвѣдомственными имъ удѣльными начальниками, предсѣдателя казенной палаты, губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, дворянскихъ депутатовъ, губернскаго городского головы и депутатовъ отъ прочихъ городовъ. Комитетъ имѣлъ два присутствія: *общее*—губернское, *отдѣльныя* или по уѣздамъ. Губернское присутствіе, въ свою очередь, раздѣлялось на *общее*, въ которомъ участвовали всѣ члены комитета, и *особое*, которое составлялось изъ главныхъ лицъ выборнаго и чиновнаго разрядовъ. Отдѣльныя присутствія образовывались подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства изъ прибывшихъ отъ каждаго уѣзда дворянскихъ и городскихъ депутатовъ и окружнаго и прочихъ уѣздныхъ начальниковъ вѣдомства государственныхъ и удѣльныхъ имуществъ. Существеннаго и самостоятельнаго значенія отдѣльныя присутствія не имѣли. Проектъ смѣты по государственнымъ, а по губернскимъ земскимъ повинностямъ и проектъ раскладки, составлялись особымъ присутствіемъ губернскаго комитета на каждое трехлѣтіе. Оно же производило и повѣрку хозяйственныхъ отчетовъ за предшествующіе годы. Проектированная смѣта вносилась въ общее присутствіе, которое разсматривало, сообразно ли съ законами внесены въ смѣту различныя статьи, необходимъ ли самый расходъ, въ какомъ именно размѣрѣ, и, въ случаѣ надобности, исправляло и дополняло представленный проектъ. Дворянскіе де-

путаты, кромѣ того, повѣряли отчетность по земскимъ сборамъ предъ каждымъ періодическимъ собраніемъ дворянства и представляли собранію соотвѣтствующіе доклады. Если собраніе признавало наличность неправильныхъ дѣйствій или безпорядковъ, оно имѣло право представлять объ этомъ на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Составленный и подписанный членами общаго присутствія комитета проектъ смѣтъ и раскладокъ за десять мѣсяцевъ до наступленія новаго трехлѣтія вносился въ подлинникѣ—къ министру финансовъ, въ копіяхъ—къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, удѣловъ, къ генералъ-губернаторамъ, и въ выпискахъ, по касающимся предметамъ,—къ прочимъ министрамъ и главноуправляющимъ. Въ министерствѣ финансовъ составлялся общій сводъ проектовъ въ трехъ отдѣлахъ: повинностей государственныхъ, губернскихъ и частныхъ. По каждому отдѣлу, предварительно департаментомъ государственнаго казначейства, а затѣмъ министромъ финансовъ и его совѣтомъ дѣлались предназначенія объ измѣненіи или утвержденіи и давались заключенія по замѣчаніямъ комитетовъ земскихъ повинностей, генералъ-губернаторовъ и министерствъ. Изъ министерства финансовъ общая роспись денежнымъ сборамъ и расходамъ на земскія повинности переходила въ государственный совѣтъ и разсматривалась первоначально въ департаментѣ экономіи, съ участіемъ министровъ финансовъ, государственныхъ имуществъ и удѣловъ, а затѣмъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Послѣ окончательнаго разсмотрѣнія въ общемъ собраніи роспись восходила на Высочайшее утвержденіе. Исправленные и утвержденные проекты

смѣтъ и раскладокъ возвращались къ исполненію въ губерніи чрезъ правительствующій сенатъ. Исполненіе смѣтъ совершалось обычнымъ порядкомъ. Сборы поступали въ казначейство и выдавались подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ. Значительная часть земскихъ суммъ вполнѣ ввѣрялась тѣмъ центральнымъ учрежденіямъ или ихъ мѣстнымъ агентамъ, къ вѣдомству которыхъ относились потребности, удовлетворявшіяся земскими сборами. Расходованіе и отчетность производились вѣдомствами на основаніи ихъ особыхъ уставовъ, земскимъ же учрежденіямъ сообщались лишь свѣдѣнія, необходимыя для общаго хозяйственнаго учета суммъ. Остальные земско-хозяйственные расходы производились преимущественно по распоряженіямъ начальника губерніи и особаго присутствія по земскимъ повинностямъ. Спеціальныхъ земскихъ исполнительныхъ органовъ не существовало; ихъ замѣняли общія учрежденія, т.-е. почти исключительно земская полиція. Въ уѣздахъ были учреждены различные комитеты и коммиссіи смѣшаннаго состава изъ чиновниковъ и выборныхъ представителей сословій, напримѣръ, дорожныя коммиссіи, квартирные комитеты и т. п., но они, по оффиціальнымъ отзывамъ, числились только на бумагѣ, и фактически не оказывали никакого вліянія на приведеніе въ дѣйствіе земской смѣты. Уѣздный предводитель дворянства и находившаяся въ рукахъ дворянства земская полиція были единственными административными органами, вѣдавшими уѣздныя дѣла. Эта полная неорганизованность уѣзднаго земства составляютъ характерное политическое слѣдствіе сословно-крѣпостного экономическаго строя дореформенной Россіи, въ особенности, если принять во вниманіе, что

и въ общей уѣздной администраціи главнымъ лицомъ являлся уѣздный предводитель дворянства. Вотчинная власть помѣщиковъ оставляла такъ мало мѣста государственной дѣятельности, что задачи государства осуществлялись въ уѣздѣ почти исключительно земскою полиціею, которая служила, главнымъ образомъ, помѣстному дворянству. Государство ограничивалось, въ большинствѣ случаевъ, фиктивнымъ высшимъ надзоромъ за органами сословнаго управленія. Всѣ нужды населенія находились внѣ сферы непосредственнаго вліянія государства и составляли предметъ естественныхъ, по теоріи Каразина, заботъ помѣщика о своемъ достояніи, о своей крещенной собственности. Несомнѣнно, обезпечивая преобладающее вліяніе дворянства въ мѣстной жизни, дореформенный строй земскихъ учрежденій уже заключалъ возможность развитія и усиленія государственнаго начала. Сложный путь утвержденія земскихъ смѣтъ въ законодательномъ порядкѣ создавалъ готовую форму воздѣйствія государственной власти на мѣстное управленіе и, при извѣстныхъ условіяхъ, легко могъ превратиться въ могучее орудіе бюрократическаго господства.

Однако, эти условія вырабатывались весьма медленно, по мѣрѣ разрушенія крѣпостного уклада. Въ теченіе долгаго времени, несмотря на внѣшнюю зависимость отъ бюрократическихъ центровъ, дореформенныя учрежденія по земскимъ повинностямъ оказывались достаточно сильными и самостоятельными, чтобы обезпечить экономическіе интересы помѣстнаго дворянства. «Для всѣхъ сословій, кромѣ податныхъ,—говоритъ кн. Васильчиковъ —прежніе порядки земскаго хозяйства были самые де-

шевые, какіе только можно себѣ представить» *). Главная тяжесть денежныхъ земскихъ сборовъ лежала на крестьянахъ; они же цѣликомъ несли бремя многочисленныхъ натуральныхъ повинностей.

Вообще, дореформенная бюрократическая централизація была гораздо болѣе бумажной, чѣмъ дѣйствительной. По словамъ современника и виднаго дѣятеля эпохи реформъ, А. А. Головачева, «всякія системы, изобрѣтавшіяся законодательствомъ и центральной администраціей, были сами по себѣ, а жизнь—сама по себѣ. Послѣдняя никакъ не укладывалась въ тѣ рамки, которыя предписывались ей свыше» **). И не укладывалась не только потому, что административныя изобрѣтенія были неудачными, а и потому, что никакая централистическая система не могла быть проведена сколько-нибудь выдержанно и послѣдовательно въ государствѣ, гдѣ каждый помѣщикъ являлся судьей, администраторомъ и попечителемъ подавляющаго большинства населенія. Жалобы на бюрократическій централизмъ дореформеннаго строя мѣстнаго управленія, которыми полны записки людей конца пятидесятыхъ годовъ, имѣютъ совершенно иное значеніе, чѣмъ однородныя жалобы людей послѣдующихъ эпохъ. Главное зло дореформенной русской жизни заключалось не въ централизаціи управленія; оно было скорѣе децентрализованнымъ. Это зло и не въ бюрократизмѣ; бюрократизмъ того времени былъ робкимъ и чахлымъ растеніемъ, заглушеннымъ вотчинными привилегіями. Голо-

*) Кн. И. Васильчиковъ. „О самоуправленіи“. С.-Пб. 1872. Т. II, стр. 399.

**) А. А. Головачевъ. „Десять лѣтъ реформъ“. С.-Пб. 1892. стр. 149.

зачевъ вполнѣ справедливо утверждалъ, что дѣйствительное значеніе система административной централизаціи пріобрѣла только въ періодъ, наступившій за преобразованіями шестидесятыхъ годовъ. Недостатки и грѣхи дореформенной системы управленія были неразрывно связаны съ разрушеніемъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка крѣпостного фундамента дореформеннаго государственнаго строя. Патріархально-сословное управленіе могло быть цѣлесообразнымъ въ періодъ процвѣтанія крѣпостного права, какъ формы производственныхъ отношеній. Но, вмѣстѣ съ постепеннымъ разрушеніемъ этой формы организаціи производства, должно было наступить разрушеніе и возвышавшагося надъ ней зданія центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій.

Глава II.

Разложеніе сословно-крѣпостного строя.

Экономическая эволюція, результатомъ которой явилось паденіе крѣпостного права, совершалась медленно и постепенно въ нѣдрахъ народнаго хозяйства; но уже къ первой четверти прошлаго столѣтія она сдѣлалась настолько замѣтной, что была воспринята общественнымъ сознаніемъ. Въ теченіе долгаго царствованія Николая I непрерывно учреждались и засѣдали различные тайные комитеты для обсужденія вопроса о ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній Ихъ работы не принесли никакихъ существенныхъ результатовъ. Между тѣмъ потребность реформы назрѣвала и давала себя чувствовать многочисленными столкновеніями между реальными нуждами жизни и отжившими правовыми и политическими нормами. Пониженіе доходности крѣпостного хозяйства, возраставшая колоссально задолженность дворянскихъ имѣній, паденіе естественнаго прироста населенія, массовое бѣгство крѣпостныхъ крестьянъ, ослабленіе платежныхъ способностей населенія,—всѣ эти симптомы разложенія стараго порядка громко говорили о созрѣваніи новаго строя экономическихъ и правовыхъ отношеній.

Въ области мѣстнаго управленія умираніе исконнаго уклада выражалось еще болѣе рѣзкими признаками.

До тѣхъ поръ, пока кольцо крѣпостного производства крѣпко обхватывало крестьянина, вотчинная власть помѣщика оказывалась достаточно сильной, чтобы обезпечить мирное повседневное теченіе общественной и государственной жизни, хотя отдѣльные случаи возмущенія крестьянъ противъ своихъ господъ наполняютъ всю исторію крѣпостного права. Но съ ослабленіемъ хозяйственной связи вотчинное управленіе не только не поддерживаетъ спокойствія въ странѣ, но, наоборотъ, обостряетъ гнетъ экономическихъ противорѣчій. Въ послѣднія десятилѣтія существованія крѣпостного права Россія находилась, вслѣдствіе непрерывныхъ крестьянскихъ волненій, въ состояніи тяжелой гражданской войны.

Въ 1843 году волненія крестьянъ происходили въ 11 губерніяхъ. Причиною ихъ, по оффиціальному объясненію, были отяготительныя повинности крестьянъ, жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ и слухи объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Въ 1845 году крестьянскія волненія возникали въ 13 губерніяхъ, причемъ въ нѣкоторыхъ повторялись нѣсколько разъ. Въ 1846 г. крестьяне волновались въ 10 губерніяхъ, въ 1847 г.—въ 20, въ 1848 г.—въ 22, въ 1849 г.—въ 15, въ 1850 г.—въ 8 губ. Послѣднія волненія отличались особеннымъ ожесточеніемъ и сопровождались изувѣченіемъ управителей, побоями помѣщиковъ, покушеніями на ихъ жизнь и убійствами. Въ 1851 г. крестьянскія волненія происходили въ 22, а въ 1853 г.—въ 33 имѣніяхъ. Въ 1854 г. было 26 случаевъ, а въ 1855 г.—19 случаевъ крестьянскихъ волненій. Волненія 1854—1855 годовъ носили очень се-

рьезный характеръ. Народъ въ доступной ему формѣ громко требовалъ реформъ *).

Эти цифры, которыя едва ли исчерпываютъ дѣйствительныя волненія крѣпостныхъ крестьянъ, ясно показываютъ, что «генералъ-губернаторы въ маломъ видѣ», какъ Каразинъ именовалъ помѣщиковъ, не имѣли возможности удовлетворить элементарнымъ запросамъ государственнаго управленія. Для подавленія крестьянскихъ возстаній требовались сплошь и рядомъ значительныя военныя силы, располагать которыми могла только центральная власть. Во время волненій 1854—1855 гг., охватившихъ Рязанскую, Владимірскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую, Симбирскую, Воронежскую и Кіевскую губерніи, войскамъ пришлось выдерживать упорныя стычки съ тысячными толпами крестьянъ **).

Необходимость сильнаго вмѣшательства центральной власти въ отношенія между помѣщиками и крестьянами, естественно, вела къ умаленію мѣстнаго значенія дворянства и къ развитію государственнаго вліянія на мѣстныя дѣла. Государство, вынужденное возстановлять миръ внутри страны, не могло ограничиться вооруженнымъ воздѣйствіемъ на мятежныя толпы возставшихъ крестьянъ, но должно было позаботиться о предотвращеніи возстаній болѣе глубокимъ путемъ законодательнаго преобразованія общихъ условій быта. И правительство Николая I неоднократно предпринимало попытки урегулировать ненормальное положеніе, создавшееся

---

*) Романовичъ Славатинскій. „Дворянство въ Россіи“: Стр, 367.

**) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“. 1860. Т. I. Стр. 82.

недовольствомъ крестьянъ и полновластіемъ помѣщиковъ. Въ 1851 г. былъ изданъ законъ о земскихъ повинностяхъ, который имѣлъ цѣлью установить болѣе справедливыя и болѣе равномѣрныя основанія для взиманія земскихъ сборовъ съ различныхъ сословій. Но, на почвѣ крѣпостного права, государственная власть не могла ввести сколько-нибудь существенныхъ улучшеній въ мѣстное управленіе.

Въ трудной борьбѣ между старымъ и новымъ дореформенныя учрежденія, какъ административныя, такъ и земско-хозяйственныя, не могли играть никакой положительной роли. Основанныя на вывѣтрившихся принципахъ вотчинной власти и патріархальной опеки, эти учрежденія возбуждали недовольство всѣхъ сословій. Они потеряли даже техническое значеніе и работали больше для вида, чѣмъ для дѣла, и преимущественно на пользу выборныхъ и коронныхъ чиновниковъ, чѣмъ на пользу государства. Земско-государственная организація переживала полный упадокъ. Земскія смѣты переписывались изъ года въ годъ и представляли скорѣе образцы счетоводнаго искусства, чѣмъ дѣйствительное изображеніе земскихъ расходовъ. Дворянскіе депутаты и собранія относились къ нимъ безучастно, поскольку смѣты не затрогивали помѣщичьихъ интересовъ. Мѣстныя нужды не удовлетворялись, хотя земскія деньги безслѣдно исчезали. Князь Васильчиковъ, бывшій предводителемъ дворянства въ концѣ сороковыхъ годовъ, разсказываетъ «невообразимые» факты изъ исторіи земскаго управленія того времени. Въ Новгородской губерніи, въ теченіи 20 лѣтъ, платилось по 3 или 4 тысячи рублей на ремонтъ упраздненной парусной фабрики, которая во все это время также

якобы чинилась и ремонтировалась изъ суммъ военныхъ поселеній.

Въ сороковыхъ годахъ, по случаю высочайшаго проѣзда, повелѣно было выстроить промежуточную станцію въ селѣ Вишерѣ на московскомъ шоссе; на постройку ассигновано было около 16.000 рублей. Эта сумма, представлявшая единовременный расходъ, взыскивалась въ теченіе 6 или 9 лѣтъ ежегодно; постройка же станціи, вслѣдствіе открытія желѣзной дороги, была отмѣнена и никогда не производилась.

Многіе мосты, на содержаніе которыхъ отпускались суммы, никогда не могли быть отысканы и давно уже не существовали.

Цѣлые тракты состояли въ откупномъ содержаніи мѣстныхъ исправниковъ или строительныхъ комиссій, которые получали на содержаніе ихъ тысячи рублей и, съ вѣдома всѣхъ начальствъ и всѣхъ мѣстныхъ жителей, чинили ихъ всегда натурой, нарядомъ обывателей, и то только передъ проѣздомъ губернаторовъ или другихъ сановниковъ *).

Подобная дезорганизація мѣстныхъ учрежденій, вѣдавшихъ цѣлый рядъ дѣлъ общегосударственнаго значенія, являлась прямымъ слѣдствіемъ разложенія сословно-крѣпостного строя. Вотчинная власть, потерявшая силу и вліяніе, не могла выполнить задачъ государственнаго управленія. Государственная власть, оттѣсненная привилегіями помѣстнаго дворянства отъ непосредственнаго воздѣйствія на мѣстную жизнь, также лишена была возможности осуществить общегосудар-

---

*) Кн. И. Васильчиковъ. „О самоуправленіи“. Спб. 1872. Т. II, стр. 398.

ственныя требованія. Взаимныя столкновенія только осложняли дѣло. Объяснительная записка къ проекту о новомъ земскомъ устройствѣ, составленная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствуетъ, что «въ дѣлахъ по земскимъ повинностямъ представители правительственной власти постоянно указываютъ на бездѣйствіе и невниманіе къ дѣлу представителей мѣстныхъ сословій и, не безъ основанія, упрекаютъ сихъ послѣднихъ въ стремленіи къ одной безплодной и раздражительной оппозиціи; съ другой стороны, земскіе депутаты, безпрерывно и съ горечью, отзываются, что ихъ замѣчанія, возраженія и предположенія не удостоиваются ни разбора, ни даже вниманія и остаются безъ послѣдствій, что правительственная власть рѣшаетъ все по своему усмотрѣнію и распоряженію, часто съ явнымъ вредомъ и дѣлу, и земскимъ интересамъ; при такихъ пререканіяхъ дѣйствительная власть и распоряженія по земскимъ дѣламъ иногда остаются, въ сущности, въ рукахъ канцелярій и второстепенныхъ исполнительныхъ органовъ власти». Въ результатѣ, дореформенныя учрежденія должны были вызвать недовольство и центральной власти, какъ носительницы общенаціональныхъ задачъ государства. Ихъ недостатки, съ точки зрѣнія государственнаго механизма, были признаны и получили довольно обстоятельную формулировку въ цитированной запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. По словамъ этого оффиціальнаго, документа, «общія присутствія комитетовъ земскихъ повинностей, лишенныя дѣйствительной власти въ своемъ дѣлѣ, собирающіяся въ три года одинъ разъ, и то на короткое время, исполняютъ возложенныя на нихъ обязанности весьма неудовлетворительно. Обсужденіе смѣтъ, раскладокъ

и отчетовъ остается одною формальностью, ибо члены комитетовъ не успѣваютъ, по краткости времени, не только разсмотрѣть, но даже прочесть ихъ. Предъявляемыя замѣчанія, если таковыя бываютъ, остаются безъ послѣдствій и даже безъ вниманія, и общее присутствіе, въ сущности, нерѣдко дѣлается только мѣстомъ канцелярской работы, приготовляемой дѣлопроизводителемъ. Особыя присутствія комитетовъ, состоя изъ лицъ должностныхъ, имѣющихъ свои особыя и важныя занятія, предоставляютъ большую часть дѣла канцеляріи; самъ начальникъ губерніи не можетъ слѣдить за всѣмъ и входить въ подробности, иногда весьма важныя, по отвлеченію его прямыми обязанностями его власти. Отдѣльныя присутствія о земскихъ повинностяхъ почти никогда не собираются въ надлежащемъ составѣ для своихъ занятій; свѣдѣнія, отъ нихъ требуемыя, они собирать не имѣютъ возможности и часто вовсе ихъ не доставляютъ, а если доставляютъ, то въ самомъ неисправномъ видѣ... По денежнымъ земскимъ повинностямъ, опредѣленіе размѣра многихъ расходовъ по смѣтамъ зависитъ отъ усмотрѣнія и надобностей отдѣльныхъ вѣдомствъ и не подлежитъ повѣркѣ со стороны представителей земства».

«Самый порядокъ составленія смѣтъ, по требуемымъ закономъ формальностямъ, затруднителенъ для мѣстныхъ учрежденій; утвержденіе, а въ большей части сборовъ и самое установленіе раскладокъ, центральною властью возбуждаетъ жалобы на неуравнительность. Затрудненія въ составленіи смѣтъ нерѣдко имѣютъ послѣдствіемъ при исполненіи сверхсмѣтные расходы, сумма которыхъ по одной изъ губерній сравнялась почти съ суммою смѣтныхъ».

«Удовлетвореніе вновь возникающихъ требованій производится иногда изъ могущихъ быть остатковъ земскаго сбора, вслѣдствіе чего заимствованія обремсняютъ земство и затрудняютъ текущіе необходимые расходы. Исполненіе повинностей, предоставленное лицамъ, чуждымъ мѣстнымъ интересамъ, производится иногда безъ заботливаго соблюденія выгодъ земствъ».

«Повѣрка расходовъ и, вообще, контроль, удовлетворяя только формальнымъ требованіямъ, едва ли имѣютъ какія-либо полезныя послѣдствія».

«По натуральнымъ повинностямъ, хотя по закону управленіе ими возложено преимущественно на губернскія учрежденія, но на практикѣ большею частью находится въ рукахъ мѣстной полиціи; а такъ какъ свойство и размѣръ натуральныхъ повинностей опредѣлены закономъ лишь въ общихъ чертахъ, то это даетъ возможность къ произвольнымъ требованіямъ, что преимущественно замѣтно по отправленію подводной повинности. Разверстки натуральныхъ повинностей между уѣздами губерніи не дѣлается, а на каждомъ уѣздѣ считается лежащею та повинность, которой исполненіе требуется въ границахъ его; изъ внутренней уѣздной раскладки изъемлются въ повинностяхъ дорожной и подводной города и во всѣхъ натуральныхъ повинностяхъ частные уѣздные землевладѣльцы; самая разверстка дѣлается на основаніи только числа ревизскихъ душъ въ селеніяхъ. Всѣ эти причины ведутъ къ неуравнительности раскладки и отягощенію сельскихъ обществъ. Правила обращенія натуральной повинности въ денежную, весьма затруднительныя для выполненія, отнимаютъ возможность уравненія повинности и заставляютъ

обывателей прибѣгать къ тайнымъ денежнымъ сборамъ на ея выполненіе».

Необходимость коренныхъ реформъ была очевидна. Отжившій сословно-крѣпостной порядокъ задерживалъ развитіе производительныхъ силъ, причинялъ ущербъ матеріальнымъ интересамъ всѣхъ сословій, ослаблялъ государственный организмъ и дѣлалъ его неспособнымъ даже къ элементарной національной самообороне. Наиболѣе мощнымъ проявленіемъ общаго стремленія къ новымъ формамъ соціально-политическаго быта были, несомнѣнно, многочисленныя и бурныя крестьянскія возстанія. Наиболѣе сознательнымъ выраженіемъ освободительнаго движенія являлись дворянскія ходатайства и записки уже въ концѣ царствованія Николая I, обращавшіяся къ императору съ указаніями на неотложную потребность страны въ коренныхъ реформахъ и желательность созванія общей земской думы для выработки цѣлесообразнаго и творческаго плана обновленія русской жизни. Высшее правительство, какъ показываютъ многочисленные комитеты николаевской эпохи по вопросу о крѣпостномъ состояніи, улавливало голоса новой жизни, но страхъ политическаго переворота, никогда не оставлявшій Николая I, не позволялъ ему прикоснуться къ исконнымъ устоямъ дореформенной Россіи, и всѣ начинанія правительства оканчивались частичными и безплодными поправками и починками безнадежно испорченнаго механизма. Даже несомнѣнное возрастаніе значенія государственной власти выражалось только или въ отдѣльныхъ случаяхъ вмѣшательства въ междусословныя отношенія, или въ томъ общемъ гнетѣ, который распространялся на всю русскую жизнь, охватывая искусство, науку, литературу, и

подавляя всякую общественную и сословную самодѣятельность. Этотъ гнетъ обострялъ всеобщую неурядицу переходнаго момента и въ особенности болѣзненно чувствовался дворянствомъ, какъ наиболѣе культурнымъ и политически развитымъ элементомъ дореформеннаго русскаго общества. Усиленіе бюрократической опеки одинаково направлялось и противъ старыхъ привилегій дворянства, и противъ новыхъ запросовъ той его части, которая, подъ давленіемъ измѣнившихся экономическихъ условій, пришла къ выводу о необходимости свободы личности и свободы капитала, какъ основныхъ принциповъ успѣшнаго веденія помѣщичьяго хозяйства.

Такимъ образомъ, къ концу царствованія Николая I разложеніе крѣпостного строя и покоившихся на немъ административныхъ и земско-хозяйственныхъ учрежденій опредѣлилось съ полною ясностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ общихъ чертахъ, уже тогда обрисовалось какъ направленіе дальнѣйшей правительственной политики, такъ и содержаніе грядущаго освободительнаго движенія. Крымская война ускорила развитіе событій и приблизила неизбѣжную развязку.

ГЛАВА III.

Пробужденіе общества.

Военныя дѣйствія потребовали громаднаго напряженія духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны, потребовали стройной и чрезвычайной работы всѣхъ частей государственнаго механизма. И это требованіе обнаружило полную негодность старой и расшатанной машины. Севастопольскій разгромъ открылъ глаза самымъ ослѣпленнымъ людямъ и наглядно показалъ невозможность дальнѣйшаго существованія патріархально-крѣпостныхъ условій государственнаго и общественнаго быта. Если до Севастополя внутренняя неурядица покрывалась, въ глазахъ обывателя, внѣшнимъ блескомъ военнаго могущества, то паденіе Севастополя разбило послѣднія иллюзіи. Разстроенный коренными противорѣчіями между формой и содержаніемъ, государственный порядокъ оказался безпомощнымъ и слабымъ даже въ оборонительной войнѣ. Въ мучительныхъ перипетіяхъ севастопольскаго сидѣнія предъ Россіей, какъ въ миніатюрѣ, развертывалась вся русская жизнь съ ея неустройствами и бѣдствіями. Россія была потрясена, нѣмая страна вздрогнула отъ гнѣва и удивленія. Дальше такъ жить нельзя—стало общею мыслью, общимъ чувствомъ. Въ небольшомъ заброшенномъ городкѣ на берегу Чернаго моря былъ под-

писанъ смертный приговоръ сословно-крѣпостному періоду русской исторіи. О частныхъ же исправленіяхъ никто не думалъ. На очереди стояло обновленіе всего строя жизни, весь строй былъ безповоротно осужденъ. Разрушеніе стараго порядка было настолько очевидно, что даже Валуевъ, вскорѣ ставшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы заговорить прямымъ, яснымъ и выразительнымъ языкомъ. «Благопріятствуетъ ли,—писалъ онъ въ своей извѣстной «Думѣ Русскаго»,—развитію духовныхъ и вещественныхъ силъ Россіи нынѣшнее (1855 г.) устройство разныхъ отраслей нашего государственнаго управленія? Отличительныя черты его заключаются въ повсемѣстномъ недостаткѣ истины, въ недовѣріи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому. Многочисленность формъ подавляетъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую оффиціальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное, вездѣ пріобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется, если не вдругъ, то, по крайней мѣрѣ, постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды,—и рѣдко гдѣ окажется прочная плодотворная польза. Сверху блескъ, снизу—гниль. Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины...»

«Всѣ изобрѣтенія внутренней правительственной недовѣрчивости, вся централизація и формалистика управленія, всѣ мѣры законодательной предосторожности, іерархическаго надзора и взаимнаго контроли-

рованія различныхъ вѣдомствъ ежедневно обнаруживаютъ свое безсиліе».

«Неужели результаты нынѣшней системы признаются удовлетворительными? Неужели пагубное вліяніе этой системы доселѣ не доказано ни внѣшними неудачами, ни внутренними недостатками, ни всеобщимъ недовѣріемъ къ нашимъ начальствамъ, ни проявляющимся, въ виду нынѣшнихъ событій, недостаткомъ стойкости въ общемъ направленіи умовъ, ни признаками безнадежности, сопровождающими повсемѣстную смиренную, покорную, безотвѣтную готовность къ пожертвованіямъ»? *).

Суровая критика высокопоставленнаго чиновника являлась, однако, только слабымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія, которое, въ лицѣ наиболѣе чуткихъ своихъ представителей, ясно сознавало послѣдствія севастопольскаго разгрома. «Политическій ударъ, нанесенный намъ, и подъ которымъ мы до сихъ поръ еще находимся,—писалъ Самаринъ князю Черкасскому,—вынуждаетъ насъ стать откровенно на путь прогресса въ нашей внутренней политикѣ... Не въ томъ дѣло, чтобы исправить нѣкоторыя вопіющія несправедливости или раздать нѣкоторыя подачки; надо пробудить отъ сна всѣ производительныя силы страны, какъ нравственныя и умственныя, такъ и матеріальныя, уничтоживъ рабство (казенное и помѣщичье крѣпостное право', возвративъ слово церкви, давъ болѣе широкое основаніе народному просвѣщенію, преобразовавъ нашу подушную податную систему и тоже рекрутскую. Однимъ словомъ, необходимъ опредѣлен-

*) „Русская Старина“ 1891 г., кн. V.

ный планъ, надо знать, чего хотимъ, а не пробавляться изо дня въ день разными изворотами» *).

Русская жизнь всколыхнулась. По непосредственнымъ впечатлѣніямъ современниковъ, «война вызвала въ русскомъ обществѣ явленія доселѣ небывалыя. Она дала ему толчокъ, отъ котораго оно расшевелилось до самыхъ низшихъ слоевъ. Интересы каждаго лица и сословія были живо затронуты тяжелыми обстоятельствами, въ которыхъ находится отечество, и каждый поневолѣ устремилъ все свое вниманіе на общественныя дѣла. Дремавшія дотолѣ мысли внезапно явились на свѣтъ; то, о чемъ думали немногіе, съ неимовѣрною быстротою перешло въ сознаніе всѣхъ. Закравшіеся въ общественную жизнь пороки и недостатки сдѣлались ясны; со всѣхъ сторонъ послышались толки и сужденія; заговорило русское общество. До какой степени политическіе интересы, которые прежде стояли на заднемъ планѣ, сдѣлались теперь насущною пищею всѣхъ сословій, видно изъ неимовѣрнаго умноженія подписчиковъ на политическіе журналы»...

Но рамки подцензурной журналистики были слишкомъ тѣсны, чтобы удовлетворить кипѣвшее общественное чувство и напряженную общественную мысль. Россія «вся, отъ царя до поденщика, встрепенулась отъ мертвеннаго оцѣпенѣнія, въ которое до сихъ поръ была погружена, удивленными глазами измѣрила свое бѣдственное положеніе, и плодомъ этого была какъ бы волшебствомъ вызванная обширная рукописная литература, предлагающая отвѣты на тысячи вопросовъ современной русской жизни».

*) Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго. Москва. 1901 г. Т. I. Стр. 87.

«Въ нѣсколько мѣсяцевъ русская мысль воспрянула и ожила, какъ будто стараясь вознаградить себя за потерянныя сорокъ лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, она является достойною великаго народа; не растрачиваясь въ желчныхъ, безполезныхъ сожалѣніяхъ и мелкой, безплодной злобѣ, она величаво и спокойно устремлена на изученіе нашего прошедшаго, настоящаго и будущаго; безъ малодушія, робости и преувеличенія измѣряетъ она пучину золъ, въ которую мы погружены, и отыскиваетъ врачеванія для нашего болѣющаго политическаго тѣла... Никогда еще Россія не представляла зрѣлища столь многозначительнаго и редостнаго *)...

Смерть Николая Перваго была своевременнымъ внѣшнимъ знакомъ совершившейся перемѣны. Извѣстіе о смерти, по словамъ Кошелева, «немногихъ огорчило, ибо не легко было для Россіи только что закончившееся тридцатилѣтнее царствованіе, но особенно удушливо оно было съ 1848 года. Тутъ подозрительности и своеволію администраціи не было предѣловъ». Вступленіе на престолъ новаго царя, воспитанника Жуковскаго, открывало довѣрчивымъ сердцамъ надежды на лучшее будущее. Въ передовыхъ кружкахъ и славянофилы и западники пили за здоровье новаго императора и выражали увѣренность, что въ его царствованіе совершится освобожденіе крѣпостныхъ людей и созывъ Общей Земской Думы.

Вспоминая въ 1864 году это время, Герценъ, съ обычною мѣткостью и красотою, писалъ: «Въ 1855 и 1857 гг. передъ нами была просыпавшаяся Россія. Камень отъ ея могилы былъ отваленъ и свезенъ въ

**) „Голоса изъ Россіи“. Статьи 1855 года

петропавловскую крѣпость. Новое время сказалось во всемъ, въ правительствѣ, въ литературѣ, въ обществѣ, въ народѣ. Много было неловкаго, неискренняго, смутнаго, но всѣ чувствовали, что мы тронулись, что пошли и идемъ. Нѣмая страна пріучалась къ слову, страна канцелярской тайны—къ гласности, страна крѣпостного рабства—роптать на ошейникъ. Правительство дѣлало, какъ іерусалимскіе паломники, слишкомъ много нагрѣшившіе, три шага впередъ и два назадъ, одинъ все же оставался. Партія дураковъ, партія стариковъ была въ отчаяніи; крѣпостники прикидывались конституціонными либералами»...

Это оживленіе, разумѣется, сосредоточивалось въ имущихъ и болѣе или менѣе образованныхъ слояхъ русскаго общества. Но въ общемъ учетѣ силъ, перестроившихъ крѣпостную Россію, нельзя сбрасывать со счетовъ и крестьянства, несмотря на его политическую отсталость. Народъ, не принимая никакого участія въ разрѣшеніи вопросовъ о его кровныхъ нуждахъ, тѣмъ не менѣе, какъ грозная тѣнь, стоялъ предъ правящими классами: милліоны волнующагося крестьянства невольно чувствовались всѣми. Ю. Самаринъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. О. Смирновой, весьма удачно отмѣтилъ ростъ сознанія въ народной массѣ: «Въ то время, какъ мы муштровали солдатиковъ,—писалъ онъ,—строили театры и цирки, возстановляли въ Европѣ австрійскіе порядки и не думали объ одиннадцати милліонахъ своихъ черныхъ людей, народъ нашъ все-таки жилъ, хотя въ смыслѣ чисто стихійнаго, чисто безсознательнаго развитія. Это развитіе совершалось такъ же незамѣтно и таинственно, какъ постепенное разложеніе зерна, брошеннаго въ глубь

земли, какъ образованіе ростка, корня,—вообще, какъ весь процессъ растительности. Нужды, потребности, боли и муки всякаго рода усиливались съ каждымъ днемъ, удовлетвореніе и уврачеваніе становились болѣе и болѣе необходимыми, а между тѣмъ мы объ нихъ и не думали» *).

Стихійный ростъ крестьянскаго сознанія тѣмъ болѣе вліялъ на сознаніе общества, что «незамѣтный и таинственный» процессъ развитія народныхъ массъ часто принималъ самыя бурныя и замѣтныя формы.

Такимъ образомъ, всѣ слои и всѣ классы населенія сливались въ общемъ недовольствѣ старымъ порядкомъ и въ общемъ стремленіи къ реформамъ. Никакія препятствія не могли заглушить голосъ изстрадавшейся страны. Обветшалый строй безсильно уступалъ напору новой жизни. На общественно-политической сценѣ все ярче и ярче обрисовывались тѣ силы, которымъ суждено было сыграть роль повивальной бабки новаго общества.

*) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго". Т. I стр. 314.

ГЛАВА IV.

Первые шаги дворянской оппозиціи.

Въ 1857 году общественное возбужденіе получило, наконецъ, практическій исходъ. 20-го ноября 1857 года правительство, послѣ долгихъ колебаній, перешло Рубиконъ: высочайшій рескриптъ на имя генералъ-губернатора Назимова далъ литовскому дворянству разрѣшеніе заняться составленіемъ проекта условій освобожденія крестьянъ, а черезъ пять мѣсяцевъ по всей Россіи были учреждены губернскіе комитеты для разработки вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права, и 21-го апрѣля 1858 года имъ была разослана подробная программа занятій, составленная Главнымъ комитетомъ по крестьянскому дѣлу. Эта программа привлекла дворянство къ обсужденію не только экономическихъ, но и правовыхъ послѣдствій уничтоженія крѣпостной зависимости. Представители господствующаго сословія должны были высказаться о желательныхъ преобразованіяхъ въ строѣ мѣстнаго земско-государственнаго управленія, съ паденіемъ крѣпостного права терявшаго возможность существованія. Такая постановка вопроса должна была встряхнуть дворянство до самыхъ низовъ.

Предполагавшаяся коренная реформа затрогивала уже не отдѣльныя частности крѣпостныхъ отношеній и не могла окончиться призывомъ къ христіанскому обращенію съ крестьянами, какъ обыкновенно оканчивались реформы Николая I. На этотъ разъ на очередь была поставлена судьба всего сословно-крѣпостного строя въ его цѣломъ, какъ экономическаго и политическаго явленія исторической жизни. Предъ правящимъ сословіемъ стараго общества раскрывалась перспектива неизбѣжнаго исчезновенія. То, что вчера было всѣмъ, завтра могло сдѣлаться ничѣмъ. Соціально-политическія условія назрѣвшей реформы складывались такимъ образомъ, что правительство вынуждено было объявить войну всѣмъ феодальнымъ привилегіямъ дворянства, опираясь отчасти на остальныя сословія русскаго населенія и, главнымъ образомъ, на крестьянство, убогая политическая идеологія котораго, составлявшая естественное послѣдствіе примитивнаго натуральнаго строя крестьянскаго хозяйства, въ связи вѣковою ненавистью народа къ своимъ угнетателямъ, являлась прочнымъ залогомъ успѣха централистическихъ государственныхъ стремленій. Дворянство, въ лицѣ наиболѣе развитыхъ политически своихъ представителей, ясно предвидѣло, что крестьянская реформа, при данныхъ историческихъ условіяхъ, приведетъ не къ уравненію привилегій съ правами, а къ равенству въ безправіи, къ господству полицейскаго государства съ его бюрократическимъ всевластіемъ. Предъ наиболѣе проницательными умами дворянскаго сословія стояла, слѣдовательно, дилемма: или государственная опека какъ основа грядущаго строя русской жизни, или буржуазный правовой порядокъ, въ которомъ, даже при

сохраненіи нѣкоторыхъ внѣшнихъ формъ сословныхъ преимуществъ, основою общественно-политическаго вліянія явится имущественный цензъ. Эта ситуація опредѣляла содержаніе начинавшейся политической драмы. Исторія толкала дворянство къ знамени правового порядка такъ же, какъ она толкала правительство къ знамени твердой бюрократической власти.

Однако, позиціи противниковъ опредѣлились лишь постепенно, въ процессѣ развитія крестьянскаго дѣла. Первоначально, возвѣщенная сверху реформа вызвала горячее довѣріе къ правительству и сплотила около власти разрозненныхъ сторонниковъ обновленія Россіи. Полная непригодность отжившаго правительственнаго механизма сознавалась, конечно, всѣми, но въ широкихъ кругахъ это сознаніе принимало конкретную форму недовольства «своеволіемъ администраціи». Политическая литература того времени, выражавшая завѣтныя пожеланія общества, не шла дальше требованій преобразованія полиціи, суда и внесенія въ общественныя дѣла общественнаго контроля хотя бы въ видѣ нѣкоторой свободы печати. Даже «Колоколъ» въ 1858 году ограничивалъ свою программу освобожденіемъ крестьянъ съ землею, которую они обрабатываютъ, отмѣной предварительной цензуры, тайнаго слѣдствія, безгласнаго суда и тѣлесныхъ наказаній. При такой умѣренности требованій первый рѣшительный шагъ правительства на путь реформъ легко наполнилъ истомившіяся сердца вѣрою въ окончательную гибель николаевскихъ порядковъ и заставилъ съ надеждою смотрѣть впередъ, ожидая животворныхъ и коренныхъ преобразованій. Знаменитое восклицаніе Герцена: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»—этотъ крикъ по-

бѣжденнаго, радующагося своему пораженію, звучалъ призывомъ къ довѣрію и отдавалъ судьбу реформъ въ руки пробудившейся власти.

Но свѣтлый моментъ кажущагося единства правительства и общества былъ, и не могъ не быть, краткимъ. Неизбѣжное столкновеніе между созрѣвавшимъ и развертывавшимся бюрократическимъ строемъ и политическими стремленіями различныхъ общественныхъ группъ вскорѣ разрушило оптимистическія иллюзіи, причемъ бюрократія одинаковымъ образомъ столкнулась какъ съ защитниками стараго режима, такъ и съ представителями новыхъ жизненныхъ запросовъ. Уже работы губернскихъ дворянскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу вызывали серьезныя тренія между дворянствомъ и администраціей. Первое по вполнѣ понятнымъ причинамъ стремилось къ свободѣ обсужденія вопроса, вторая налагала всевозможные запреты и ограниченія и старалась втиснуть вырабатываемые проекты въ узкія рамки, негодность которыхъ была настолько очевидна, что впослѣдствіи правительство само должно было отказаться отъ нихъ. Значеніе этихъ треній, первоначально затуманивалось тѣмъ, что правительство пользовалось своей властью, чтобы поддерживать болѣе или менѣе прогрессивные, хотя и умѣренные, элементы дворянства. Поэтому первый протестъ противъ стѣсненій свободы обсужденія вопроса вышелъ изъ среды крѣпостниковъ, на которыхъ административное давленіе падало главною тяжестью. Такъ называвшаяся дворянская партія начала группироваться около нѣкоторыхъ представителей петербургской знати и намѣчать свою политическую программу. Оживленныя сношенія между петербургскими и провинціальными сторонни-

ками этой партіи, установившіяся въ половинѣ 1859 года, когда жажда свѣдѣній наполнила столицу предводителями дворянства, членами губернскихъ комитетовъ и простыми помѣщиками, интересовавшимися ходомъ крестьянскаго дѣла, вскорѣ привели къ опредѣленнымъ политическимъ заявленіемъ. Кружокъ дворянъ, группировавшійся вокругъ сенатора Безобразова и его сыновей Михаила и Николая, составилъ проектъ всеподданнѣйшаго адреса, ходившій по рукамъ, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для доставленія адреса отъ дворянства къ государю, собранные въ маѣ 1859 года». Адресъ не былъ поданъ, такъ какъ иниціаторы не могли собрать желательнаго количества подписей, но онъ пользовался значительнымъ успѣхомъ среди людей извѣстнаго направленія, и содержаніе его имѣетъ значительный историческій интересъ. Составители адреса указываютъ, прежде всего, на то, что административная власть угрозами и застращиваніями заставила губернскіе комитеты написать проекты, «которые не выдерживаютъ критики здравомыслія» и представляютъ голько выраженія взглядовъ мѣстныхъ властей. «Мы,—продолжаютъ составители адреса,—не разсуждаемъ, Государь, о намѣреніи и усердіи лицъ, дѣйствующихъ нынѣ, но утвердительно говоримъ, что нужной опытности и знаній нѣтъ въ правительственномъ кругу для исполненія воли Вашего Величества и осуществленія ожиданій государства по предмету устройства быта крестьянъ, и что свойствъ этихъ въ немъ быть не можетъ.

«Убѣжденіе наше подтверждается тѣмъ, что во всѣхъ правительственныхъ актахъ по крестьянскому вопросу не было ни одного правильнаго распоряженія и хорошо обдуманнаго соображенія; они почти всѣ противорѣ-

чили мудрому рескрипту Вашего Величества и противорѣчили одинъ другому. Шаткость мнѣній, нетвердость мыслей, измѣнчивость направленій, соединенныя съ рѣшительнымъ тономъ, обнаруживаютъ всѣмъ, что правительственныя лица незнакомы съ этимъ предметомъ и стараются скрыть свое незнаніе... Нельзя не признать, что положеніе, создаваемое государству этой шаткостью, сопряжено съ большими опасностями; ошибки могутъ сдѣлать ему зло безповоротное и даже гибельное для его твердости и цѣлости, ибо тутъ невозможно въ видѣ опыта класть основанія и возводить на нихъ устройство, рискуя разореніемъ всѣхъ сословій, голодомъ, паденіемъ заводовъ, фабрикъ, торговли, а тѣмъ самымъ всей жизненной силы государства...

«Ручательство, что эта будущность не постигнетъ Россію, мы имѣемъ только въ добромъ желаніи людей, ознаменовавшихъ себя рядомъ ошибокъ и угрозой поставить Россію въ осадное положеніе, создавъ произволъ губернаторовъ и исправниковъ надъ честью и состояніемъ всѣхъ обреченныхъ на то россіянъ, показывая тѣмъ впередъ, что составится не улучшеніе быта, при которомъ крестьяне и дворяне должны тотчасъ почувствовать свое благополучіе, а нѣчто столь притѣснительное, что надо будетъ необычайныя мѣры для подавленія общаго негодованія.

«При накопляющейся и приближающейся со всѣхъ сторонъ грозѣ, дворянство, зная призваніе свое къ тому, что оно есть хранитель престола царскаго, отечественнаго благосостоянія, осмѣливается предстать предъ Вашимъ Величествомъ помимо всѣхъ тѣхъ формъ, коими бюрократія столь тщательно обстановила путь къ государю и посредничествомъ своимъ лишила народъ

и царя прямого, тѣснаго, спасительнаго между ними соединенія...

«Государь, просьба наша состоитъ въ слѣдующемъ...

«Дворянство... проситъ дозволить избрать по два выборныхъ съ каждой губерніи, но съ полнымъ уполномочіемъ отъ своего сословія и составить изъ нихъ Собраніе Дворянства для разсмотрѣнія положеній, какія редакціонной комиссіей и главнымъ комитетомъ заготовлены.

«Собранію этому предоставить изъ числа сановниковъ, окружающихъ престолъ, избрать предсѣдателя, коему открыть прямо доступъ къ Вашему Величеству. Разсмотрѣнное и обсуженное положеніе представить на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества чрезъ государственный совѣтъ.

«Многіе выражаютъ опасенія, что собраніе выборныхъ будетъ имѣть видъ собранія штатовъ и можетъ имѣть направленіе революціонное; это—неправда, и таковыя опасенія выражаются лицемѣрно большею частью тѣми, которые сознательно или безсознательно приняли революціонное направленіе, прикрытое административными формами, и боятся обличителей...

«Предлагаемой мѣрой мы надѣемся, что будетъ достигнута цѣль Высочайшаго рескрипта, къ которой мы, дворяне, отъ всей души стремимся; производительная жизненная сила государства не подвергнется гибели и установятся правомѣрныя отношенія безъ колебанія общественнаго спокойствія» *).

Болѣе ясно политическія идеи дворянской партіи

---

*) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“ Т. II. Стр. 97.

выразились въ появившемся почти одновременно съ адресомъ Безобразова письмѣ графа Орлова-Давыдова, напечатанномъ въ Парижѣ подъ заглавіемъ «Lettre d'un député de Comité a M-r le président de la Commission de rédaction, aido-de-camp général Rostovtzeff». Авторъ утверждаетъ, что вся отвѣтственность по устройству крестьянскаго дѣла принадлежитъ дворянству и исключительно ему одному, что обязанности депутатовъ начнутся только тогда, когда главный комитетъ окончитъ возложенный на него трудъ, и что хотя подобное собраніе представителей дворянства будетъ имѣть лишь временное существованіе, но тѣмъ не менѣе оно необходимо, чтобы положить окончательную печать воли дворянства на дѣло, начавшееся исключительно по его иниціативѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Орловъ-Давыдовъ находитъ крайне несправедливымъ, что въ то время, когда заботятся о подъемѣ массъ, ничего не дѣлаютъ для выгодъ высшей, образованнѣйшей и лучшей части народа. «И для чего,—спрашиваетъ онъ,—ставить крестьянъ въ враждебное отношеніе къ людямъ, на которыхъ до сихъ поръ они смотрѣли какъ на отцовъ? Зачѣмъ отнимать у дворянства право избирать исправниковъ, которые составляютъ первую ступень selgovernement, т.-е. управленія посредствомъ крупной собственности, par la grande propriété?» Затѣмъ слѣдуетъ очень туманная и запутанная фраза, въ которой современники, однако, «ясно усматривали» стремленіе къ конституціонно-аристократическому образу правленія. «No serait-il pas prudent de dérober l'autorité à l'influence de ce hazard et de lui donner un cours légal dans toutes les régions plus rapprochées du trône, d'où elle puisse s'écouler graduellement et également dans les classes inférieures

de la société». Письмо заканчивается рѣзкимъ порицаніемъ бюрократіи и централизаціи и похвалами self-government, между прочимъ, какъ болѣе дешеваго, сравнительно съ правительственной администраціей, средства управленія *).

Въ этихъ документахъ, ставившихъ цѣлью воздѣйствіе на высшія сферы, съ необходимою осторожностью, но въ достаточной степени ясно намѣчаются политическія требованія консервативно-дворянской партіи. Графъ Орловъ-Давыдовъ, говоря о прелестяхъ англійскаго аристократическаго самоуправленія, очевидно, имѣлъ въ виду пересадить на русскую почву и политическое вліяніе англійскаго дворянства. Безобразовъ, предлагая созывъ всероссійскаго дворянскаго собранія, указывалъ практическій способъ установленія такого порядка, при которомъ дворянскія привилегіи могли бы быть расширены. Хотя это собраніе должно было заняться исключительно крестьянскимъ вопросомъ, но въ то время крестьянскій вопросъ, по мнѣнію общества и правительства, заключалъ въ себѣ вопросъ и объ административной и даже судебной реформахъ. Дворянское собраніе, несомнѣнно, могло бы превратиться въ генеральные штаты, несмотря на энергичныя увѣренія Безобразова въ противоположномъ.

Идеи Безобразова и графа Орлова-Давыдова находили многочисленныхъ сторонниковъ въ верхнихъ слояхъ помѣстнаго дворянства, гдѣ суровое Николаевское царствованіе только заглушило, но не истребило традиціи дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка и гдѣ еще слишкомъ живо сохранялось воспоминаніе о 14

---

* Ibid. Стр. 113.

декабря. Но эти идеи встрѣчали горячее сопротивленіе въ среднемъ и мелкомъ дворянствѣ и примыкавшихъ къ нему бюрократическихъ сферахъ, ненавидѣвшихъ аристократію и надѣявшихся найти опору въ милліонахъ крестьянства, освобожденнаго отъ гнета крѣпостной зависимости и помѣщичьяго произвола. Съ негодованіемъ упоминаемое и въ адресѣ Безобразова, и въ брошюрѣ Орлова-Давыдова уничтоженіе выборности земскаго исправника, отнимавшее у дворянства возможность держать въ своихъ рукахъ уѣздную полицію, было первою вѣхою на томъ пути, куда бюрократія старалась направить предстоящія преобразованія. Въ маѣ 1858 года министерство внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ потребовало отъ губернаторовъ отзывовъ на главныя начала реформы уѣзднаго управленія, сущность которыхъ не осталась тайной для дворянства и еще болѣе уяснила грозившую ему опасность.

Проектъ предполагалъ сосредоточить административную власть въ уѣздѣ въ рукахъ уѣзднаго начальника, назначаемаго преимущественно изъ военныхъ и облеченнаго большими полномочіями. Земскій судъ и городническое правленіе соединялись подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго начальника въ одно присутствіе подъ названіемъ уѣзднаго управленія. Онъ же долженъ былъ предсѣдательствовать въ уѣздной расправѣ, особомъ учрежденіи, которое предполагалось образовать для разбора недоумѣній или спорныхъ дѣлъ между крестьянами и помѣщиками. Уѣздный предводитель дворянства, не подчиняясь непосредственно уѣздному начальнику, обязывался, однако, исполнять всѣ его требованія. Это предположеніе вызвало крайнее недовольство дворянства, которое увидѣло въ немъ уни-

женіе званія предводителя и оскорбленіе всего дворянскаго сословія *). Правительству пришлось отказаться отъ первоначальнаго проекта, такъ какъ даже губернаторскіе отзывы отнеслись къ нему отрицательно. Пріемъ же, встрѣченный имъ въ дворянской средѣ, ярко характеризуется словами Самарина, который далеко не былъ сторонникомъ дворянскихъ привилегій. «Проектъ уѣзднаго управленія, составленный въ Петербургѣ,—писалъ Самаринъ, -есть произведеніе нелѣпѣйшее и въ то же время дурной признакъ. Замѣтно стремленіе все земство поставить въ осадное положеніе» **).

Но отказъ отъ «осаднаго положенія» въ этой формѣ не служилъ ручательствомъ, что оно не возродится въ иной. Выработка проектовъ совершалась въ глубокой канцелярской тайнѣ. Бюрократія тщательно опасалась гласности. Литература, въ началѣ работъ по освобожденію крестьянъ получившая нѣкоторую свободу обсужденія назрѣвшихъ жизненныхъ вопросовъ, вскорѣ снова подверглась цензурному гнету и ограниченіямъ, изъявшимъ изъ ея вѣдѣнія наиболѣе жгучія и злободневныя нужды страны. О ходѣ крестьянской и связанныхъ съ нею неразрывно реформъ общество узнавало только по темнымъ и противорѣчивымъ слухамъ, еще болѣе волновавшимъ умы и разжигавшимъ недовольство. Оппозиціонная мысль росла и шла къ послѣднимъ логическимъ выводамъ. Въ августѣ 1858 года въ Петербургъ должны были съѣхаться депутаты губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Ихъ

---

*) Ibid., т. I, стр. 271.

**) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго“, т. I, стр. 153

настроеніе къ этому времени уже настолько опредѣлилось, что бюрократія постаралась приготовиться къ неизбѣжному столкновенію. Депутаты, дѣйствительно, помышляли о рѣшительномъ боѣ. Основываясь на словахъ государя тверскому дворянству по поводу приглашенія членовъ губернскихъ комитетовъ въ Петербургъ, депутаты считали себя равноправными участниками редакціонныхъ комиссій и думали энергично отстаивать свои требованія. Имъ не удалось это сдѣлать. Министерство внутреннихъ дѣлъ употребило всѣ усилія, чтобы свести роль дворянскихъ депутатовъ къ нулю. Изъ законодателей, какими они себя считали, они превратились въ простыхъ экспертовъ, мнѣніе которыхъ пожелали выслушать высшіе чиновники. Кромѣ того, во избѣжаніе нарушенія депутатами указанныхъ имъ границъ, противъ нихъ былъ принятъ рядъ мѣръ полицейскаго характера, какъ, напримѣръ, запрещеніе имъ общихъ совѣщаній, запрещеніе общихъ постановленій, подача письменныхъ отзывовъ только по своей губерніи и только по мѣстнымъ вопросамъ и т. п. Причины такого отношенія къ дворянскимъ представителямъ съ достаточной опредѣленностью, хотя и безъ должной откровенности, выражены въ запискѣ, представленной государю въ августѣ 1859 года земскимъ отдѣломъ редакціонной комиссіи и составленной Николаемъ Милютинымъ и Яковомъ Соловьевымъ.

По мнѣнію авторовъ, губернское дворянство раздѣлилось на три партіи. Первая—партія противниковъ освобожденія крестьянъ вслѣдствіе корыстныхъ побужденій. Она «первоначально старалась остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніями бунта» и усили-

вясь доказать, что, въ освобожденіи крестьянъ «таится глубоко обдуманный планъ демократической революціи въ Россіи». Но твердость правительства убѣдила противниковъ освобожденія въ невозможности противодѣйствовать уничтоженію крѣпостной зависимости, и они, дѣйствуя безъ ясно установленнаго плана, стремятся только къ тому, чтобы обратить реформу въ выгодную для себя операцію. Вторая партія представляетъ «направленіе сословнаго интереса. Оно нашло себѣ приверженцевъ всего болѣе между знатными и богатыми нашими помѣщиками. Поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую поземельную аристократію, подобную англійской, и вмѣсто нынѣшней привилегированной дворянской собственности на крѣпостныхъ началахъ ввести другую, не менѣе привилегированную на началахъ феодальныхъ... Поборники этого направленія нашли себѣ сочувствіе въ дворянствѣ, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ вамъ, государь, и высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ». Вопросъ о «вотчинныхъ правахъ» первоначально былъ возбужденъ въ петербургскомъ комитетѣ, а изъ него перешелъ и въ другіе. Третья партія желаетъ полнаго уничтоженія крѣпостного права и помѣщичьей власти во всѣхъ ея проявленіяхъ. Члены этой партіи расходятся между собою по частнымъ вопросамъ, но, въ общемъ, вполнѣ сочувствуютъ видамъ правительства относительно огражденія отъ произвола личности крестьянина и прочнаго обезпеченія его землею...

«Между лицами, которыя придерживаются первыхъ двухъ мнѣній, стало обнаруживаться въ послѣднее вре-

мя желаніе вызвать какое-либо явное проявленіе того, что они называютъ общественнымъ мнѣніемъ, дабы измѣнить направленіе правительства»... Большинство изъ депутатовъ, по свѣдѣніямъ авторовъ, принадлежитъ къ первымъ двумъ партіямъ (записка говоритъ вмѣсто «партіи» — «мнѣнія»).

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый изъ членовъ явится съ намѣреніемъ поддержать и, если можно, то ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго направленія, выразивъ стремленіе дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, постараются достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями. Такое стремленіе не можетъ не затруднить дѣла. Для спокойствія государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная забота должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились бы въ единомысленныя и не образовались партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено... Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ...» Признавая, однако, необходимымъ вознаградить дворянъ за потерю помѣщичьей власти, записка предполагаетъ «предоставить имъ первенство въ мѣстной хозяйственной администраціи» и «даровать дворянамъ возможность нравственнаго вліянія на мѣстныхъ жителей», для чего, по

мнѣнію составителей записки, «полезно было бы прямое участіе дворянъ въ выборахъ мировыхъ судей и другихъ общихъ для обоихъ сословій должностныхъ лицъ въ собраніяхъ, общихъ какъ дворянскаго, такъ крестьянскаго сословій» *).

Эта записка, несмотря на старательное подчеркиваніе крѣпостническихъ тенденцій дворянства и освободительныхъ намѣреній чиновничества, самыми неприглядными красками рисуетъ ея авторовъ. Даже Джаншіевъ, относившійся съ слѣпымъ благоговѣніемъ къ каждому шагу дѣятелей крестьянской реформы, вынужденъ былъ назвать цитированный документъ «откровеннымъ profesion de foi благонамѣреннаго бюрократа старой школы, пугавшейся, несмотря на всю свою кажущуюся самоувѣренность и самонадѣянность, всякаго самомалѣйшаго общественнаго шороха, шопота нѣсколькихъ единомышленниковъ, всякаго коллективнаго движенія нѣсколькихъ лицъ сообща, скопомъ, въ союзѣ»... **) Джаншіевъ ошибался только въ одномъ: онъ напрасно привлекалъ къ отвѣтственности старую школу чиновниковъ. Милютинъ и Соловьевъ были людьми новой бюрократической школы. Неприглядныя черты записки о направленіяхъ губернскихъ комитетовъ относятся ко всѣмъ бюрократическимъ «школамъ» безъ различія ихъ особенностей. Николай Милютинъ и Яковъ Соловьевъ также боялись народной

---

*) Изъ „Записокъ“ М. А. Милютиной. „Русск. Старина“. 1899 г. кн. 3. См также: Иванюковъ. „Паденіе крѣпостного права въ Россіи“. Стр. 166. Джаншіевъ. „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. Москва. 1894. Стр. 121.

**) Джаншіевъ „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. Стр. 121.

стихіи, также считали себя непогрѣшимыми и также обвиняли несогласно мыслящихъ въ злыхъ умыслахъ, какъ и ихъ многочисленные предшественники и преемники.

Обвиненіе большинства дворянства въ стремленіи сохранить крѣпостное право было, на самомъ дѣлѣ, слишкомъ тенденціознымъ и пристрастнымъ. Во всякомъ случаѣ, для бюрократическихъ сферъ оно служило, прежде всего, пріемомъ борьбы съ «мечтаніями» дворянства и предлогомъ для устраненія депутатовъ отъ участія въ законодательной работѣ. Бюрократія приступала къ созиданію полицейскаго государства и должна была для успѣха своихъ начинаній облечься въ демократическую одежду, чтобы вѣрнѣе поразить своихъ противниковъ. Но этотъ демократизмъ былъ совсѣмъ особаго рода. Уже представленное государю въ томъ же августѣ 1859 года «мнѣніе» министра внутреннихъ дѣлъ по поводу записки В. Апраксина, одного изъ членовъ дворянской оппозиціонной партіи, отмѣчаетъ не только экономическій, но и политическій характеръ борьбы между дворянствомъ и чиновничествомъ. «Прочитавъ со вниманіемъ записку В. Апраксина,—писалъ Ланской,—я убѣдился, что она заключаетъ въ себѣ тѣ же основныя идеи и такія же стремленія, какія высказываются, съ нѣкоторыми лишь оттѣнками, въ рукописномъ проектѣ адреса, ходящаго по рукамъ, въ двухъ печатныхъ запискахъ Николая Безобразова, въ мнѣніи, написанномъ Михаиломъ Безобразовымъ и представленномъ оффиціально членомъ здѣшняго комитета Платоновымъ; въ брошюрѣ графа Орлова-Давыдова, напечатанной въ Парижѣ; наконецъ, въ брошюрахъ Шедо-Ферроти (барона Фиркса) и въ разныхъ статьяхъ, по-

мѣщенныхъ въ теченіе двухъ минувшихъ лѣтъ въ иностранныхъ журналахъ. Во всѣхъ этихъ статьяхъ проявляется мысль о дарованіи русскому дворянству участія и власти въ дѣлахъ политическихъ. Разговоры мои съ упомянутыми лицами и съ другими, не столь явно выражающими свою задушевную мысль, подтверждаютъ мое убѣжденіе. Но если бы на этотъ счетъ могло быть какое-либо сомнѣніе, то оно вполнѣ устраняется послѣднимъ разговоромъ моимъ съ Апраксинымъ. Когда я объявилъ ему приказаніе Вашего Величества, то онъ, покоряясь искренно Вашей волѣ, выразилъ прискорбіе, что Вы могли усомниться въ чистотѣ его побужденій, полагая, что онъ кому-либо сообщилъ изложенную передъ Вами откровенную свою исповѣдь. Но, тѣмъ не менѣе, въ развитіи своихъ мыслей, онъ положительно высказалъ, что, упоминая объ уступкѣ дворянству части правительственной власти, помышлялъ о конституціи, что эта мысль распространена повсемѣстно въ умахъ всѣхъ дворянъ и что, если правительство не внемлетъ такому общему желанію, то должно будетъ ожидать весьма опасныхъ послѣдствій.

«Вотъ окончательная разгадка всѣхъ разнородныхъ брошюръ, мнѣній и записокъ, которыми нѣкоторыя лица старались послѣднее время дѣйствовать на общественное мнѣніе. Съ самаго появленія рескриптовъ, противники освобожденія крестьянъ пугали, что дворянство въ замѣнъ крѣпостного права потребуетъ правъ политическихъ. Думаю, что и теперь есть люди, которые говорятъ о конституціи лишь съ цѣлью напугать правительство и задержать крестьянское дѣло. Но не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые, дѣйствительно, желаютъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы по-

немногу ввести представительное начало въ рѣшеніе дѣлъ государственныхъ. Всѣ поименованныя статьи и брошюры служатъ тому несомнѣннымъ доказательствомъ.

«Вообще послѣднее время, такое стремленіе стало заявляться, особенно въ высшихъ кругахъ, съ такою гласностью и смѣлостью, которыя, какъ думаю, не должны быть терпимы Зараженные аристократическими идеями или, лучше сказать, властолюбіемъ и чванствомъ, нѣкоторые изъ нашихъ баричей мечтаютъ о боярской думѣ, т. е. правленіи олигархическомъ. Другіе прославляютъ англійское устройство и требуютъ сословнаго самоуправленія; къ нимъ присоединяются нѣкоторые изъ провинціальныхъ дворянъ, далеко не аристократы по рожденію, образованію и общественному положенію своему, но требующіе также дворянскаго представительства.

«Это движеніе, очевидно, вызвано горстью людей, которые не могли бы подвинуть массу дворянства, если бъ они не возбуждали страстей, разыгравшихся по случаю крестьянскаго вопроса. Мои сношенія, какъ оффиціальныя, такъ и частныя, убѣждаютъ меня, что дворянство, въ общей массѣ, не можетъ и не должно мечтать о представительномъ правленіи, какъ совершенно противномъ и нашимъ нравамъ, и степени образованія, и кореннымъ государственнымъ интересамъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не полагаться на общій здравый смыслъ и практическій складъ русскаго ума. Но въ настоящее время происки нѣсколькихъ честолюбцевъ могутъ производить минутное дѣйствіе на дворянъ болѣе покойныхъ и благоразумныхъ. Самыя несправедливыя обвиненія, скажу даже—клеветы противъ пра-

вительства, распространяются людьми, не сочувствующими предпринятой реформѣ, не исключая, къ сожалѣнію, даже лицъ высшаго управленія. Такимъ образомъ, искусственно поддерживается и разжигается неудовольствіе въ дворянствѣ, которое безъ того не помышляло бы о конституціонномъ правленіи.

«Самый грустный фактъ тотъ, что противодѣйствіе волѣ Вашего Величества находитъ наиболѣе горячихъ представителей въ томъ кругу, который приближенъ ко двору и своимъ положеніемъ дѣйствуетъ обаятельно на массу. Изъ лицъ этого круга большая часть или вовсе не желаетъ освобожденія крестьянъ, или требуетъ освобожденія безземельнаго. Теперь желаютъ воспользоваться прибытіемъ вызванныхъ сюда членовъ губернскихъ комитетовъ, стараясь дать имъ значеніе депутатовъ дворянства. Нѣкоторые изъ членовъ, наиболѣе властолюбивые, пытаются образовать общіе съѣзды или совѣщанія такъ называемыхъ депутатовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что они не удовольствуются разсужденіями о примѣненіи общихъ правилъ къ каждой мѣстности, но будутъ прямо или косвенно опровергать самыя начала, изложенныя въ рескриптахъ.

«Если губернскимъ членамъ удастся устроить изъ себя особое совѣщательное собраніе, то они не остановятся на этомъ. Уже теперь заявляется ими мысль, что надо дождаться членовъ изъ остальныхъ губерній. Кромѣ того, многіе открыто выражаютъ необходимость общаго дворянскаго собранія для рѣшенія крестьянскаго дѣла, согласно съ извѣстнымъ рукописнымъ проектомъ адреса. Не смѣю скрыть отъ Вашего Императорскаго Величества глубокое убѣжденіе мое, что

такое положеніе дѣлъ весьма важно, ибо грозитъ поколебать государственное спокойствіе.

«Понятно, что руководители всего этого движенія стараются прикрыть его разными законными причинами и выражая свою вѣрноподданническую преданность, громко устраняютъ отъ себя всякое подозрѣніе въ преступномъ посягательствѣ на самодержавную власть. Но справедливо ли это?»

Затѣмъ авторъ «мнѣнія», попытавшись опровергнуть упреки, будто освобожденіе крестьянъ нарушаетъ историческія права дворянства и ведетъ его къ полному разоренію, снова возвращается къ политическимъ требованіямъ дворянскаго движенія. Недовольные «нападаютъ на всю администрацію, на развитіе бюрократіи, на учрежденіе полиціи отъ правительства и особенно на власть губернаторовъ. Отсюда выводятъ необходимость ввѣрить администрацію дворянству и даже предоставить ему постоянныхъ представителей въ высшемъ государственномъ управленіи. Конечная цѣль такого стремленія очевидна»...

Министръ не отрицаетъ, однако, справедливости нѣкоторыхъ «нападокъ». «Недостатки нашей администраціи,—говоритъ онъ,—извѣстны Вашему Величеству. Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ моихъ я излагалъ искренно слабыя стороны внутренняго управленія, и по Высочайшей волѣ предприняты обширныя работы по этой части. Теперь составляются проекты объ устройствѣ уѣздной полиціи согласно съ утвержденными началами. Затѣмъ будутъ представлены соображенія о соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ въ губернскомъ управленіи и даже въ составѣ самого министерства. Всѣ эти перемѣны требуютъ зрѣлаго обсужденія и времени, какъ

на составленіе положенія, такъ особенно на приведеніе его въ дѣйствіе. Онѣ находятся въ тѣсной связи съ преобразованіями по судебной части, изъ коихъ нѣкоторыя уже разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ. Такимъ образомъ, улучшенія предприняты въ широкихъ размѣрахъ и будутъ вводиться съ должною постепенностью. Среди этихъ правительственныхъ трудовъ, вызванныхъ заботливостью Вашею о благѣ Вашего народа, общія и поверхностныя указанія частныхъ лицъ на недостатки административнаго устройства теряютъ всякое значеніе и не заслуживаютъ вниманія.

«Полагаютъ, что стоитъ передать административную власть дворянству, чтобы исправить всѣ нынѣшніе недостатки. Но на чемъ же это основано? Дворянство, какъ сословіе, ничѣмъ еще не доказало своихъ административныхъ знаній и способностей. Напротивъ, всѣ дѣла, которыя до сихъ поручались сословному управленію дворянства, шли крайне дурно. Примѣромъ могутъ служить хозяйственныя распоряженія по бывшему ополченію; другой примѣръ вѣковой—дворянскія опеки. Въ нихъ, какъ и въ другихъ дворянскихъ дѣлахъ, распоряжаются преимущественно канцеляріи, составленныя изъ чиновниковъ низшаго разбора.

«Да и кто главные злоупотребители и лихоимцы, если не исправникъ и не судья, избираемые дворянствомъ? Даже лица, назначаемыя правительствомъ, принадлежатъ почти исключительно къ дворянскому сословію, и потому на него же падаетъ большая часть упрековъ, дѣлаемыхъ мѣстному управленію. И при такомъ низкомъ уровнѣ нашего общества мечтаютъ о сословномъ управленіи и даже конституціи! Все это есть не что иное, какъ пошлое подражаніе иностран-

нымъ памфлетистамъ, происходящее отъ совершеннаго незнанія отечественнаго быта и крайней незрѣлости въ мысляхъ. Этимъ однимъ можно объяснить дерзкія выходки, коими наполнены поименованныя выше записки и статьи.

«Вамъ, Государь, осмѣливаются говорить, что всякое довѣріе къ правительству потеряно, и что оно неспособно для предстоящей реформы; осмѣливаются бездоказательно порицать всѣ правительственныя распоряженія и клевещутъ на мѣстныя управленія, будто они насиловали выборы членовъ въ губернскіе комитеты, доходятъ, наконецъ, до безсмысленной дерзости: будто правительство призвало дворянство къ участію въ крестьянскомъ дѣлѣ лишь для того, чтобы сложить съ себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія...

«Неудовольствіе помѣщиковъ понятно. Оно возбуждено было еще рескриптами. Имъ тяжело разставаться съ плантаторскими преимуществами. Теперь, стыдясь сознаться въ этомъ, силятся принять размѣры политической оппозиціи... Чтобы довершить святое дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить общественное спокойствіе, необходимо устранить враждебные происки, не допуская разыгрываться партіямъ и смыкаться имъ въ политическую оппозицію. Вмѣшательство дворянскихъ депутатовъ въ рѣшеніе крестьянскаго дѣла неминуемо повлечетъ за собою новыя требованія; уже и теперь гласно показываютъ желаніе вмѣшиваться въ финансовые вопросы, преувеличивая затруднительное ихъ положеніе.

«Если вызванные изъ губерній члены проявятъ свое противодѣйствіе Высочайшей волѣ подъ какимъ бы благовиднымъ предлогомъ ни было, то нельзя терпѣть

подобныхъ проявленій въ виду высказанныхъ конституціонныхъ стремленій... По крайнему моему убѣжденію, всякая малѣйшая уступка въ настоящее время была бы несовмѣстна съ достоинствомъ верховной власти. На скользкомъ пути уступокъ было бы трудно остановиться» *)...

Это «мнѣніе», составленное, очевидно, при участіи Н. Милютина, вполнѣ объясняетъ борьбу редакціонныхъ комиссій съ дворянскими депутатами. Бюрократія устами Ланского должна была признать, что противъ нея не только крѣпостники, и ясно опредѣлить свое отношеніе къ общественному движенію. Съ классическими оговорками о томъ, что оппозиція создается горстью злонамѣренныхъ агитаторовъ, незнакомыхъ съ народною жизнью и увлекающихся западно-европейскими идеями, съ горькими жалобами на знатныхъ чистолюбцевъ, съ традиціонными утѣшительными словами о здравомъ смыслѣ русскаго человѣка, Ланской и Милютинъ вынуждены признать наличность общественной группы, которая ставитъ своею цѣлью «ввести представительное начало въ рѣшеніе дѣлъ государственныхъ», не связывая этой цѣли съ сохраненіемъ крѣпостного права, признать наличность либеральной партіи. Но о ней «мнѣніе» говоритъ только туманными намеками. Оно попрежнему старается окрасить общественное движеніе конца пятидесятыхъ годовъ сплошною черною краскою крѣпостничества. Между тѣмъ, въ это время министерство внутреннихъ дѣлъ уже не имѣло основаній предаваться иллюзіямъ. Работы губернскихъ

---

*] Изъ „Записокъ“ М. А. Милютиной. „Русская Старина“ 1899 г., кн. 4.

комитетовъ уже были тогда получены въ Петербургѣ и показали, что недовольство дворянства и его оппозиціонныя требованія представляютъ болѣе сложное явленіе, чѣмъ простое стремленіе удержать крѣпостной строй. Не одни противники освобожденія крестьянъ или сторонники ихъ безземельнаго освобожденія выступили съ опредѣленными политическими требованіями. Тверской комитетъ, первый высказавшійся за земельный надѣлъ и за обязательный выкупъ и, слѣдовательно, ушедшій гораздо дальше пресловутаго экономическаго демократизма редакціонныхъ комиссій, въ своей объяснительной запискѣ категорически настаивалъ на упраздненіи вотчинныхъ отношеній въ ихъ старомъ видѣ. Но, отвергая помѣщичью власть, комитетъ еще болѣе отрицательно отнесся къ бюрократическому строю управленія. «Несмотря на все зло крѣпостного права, — говоритъ объяснительная записка,—власть помѣщика, его мѣстное значеніе, его вліяніе и на крестьянъ и на должностныхъ лицъ служили, съ одной стороны, огромнымъ пособіемъ въ управленіи, съ другой — ограничивали произволъ чиновниковъ». Чѣмъ будетъ ограниченъ этотъ произволъ послѣ уничтоженія помѣстной власти дворянства? Крѣпостное право, глубоко пустившее корни во всѣхъ сферахъ русскаго населенія, проникло насквозь и правительственную власть; если уничтожить крѣпостную зависимость въ тѣсномъ смыслѣ слова, оставивъ все прежнее по старому, это будетъ не уничтоженіемъ крѣпостного права, а только передачей его изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ и расширеніе его предѣловъ. Это будетъ раздѣленіе всѣхъ сословій въ государствѣ на два враждебныхъ лагеря: на лагерь

полноправныхъ чиновниковъ, вооруженныхъ всею необузданностью безотвѣтственнаго произвола, и безгласныхъ жителей. Такой порядокъ порождаетъ боязливыхъ рабовъ, но не истинныхъ гражданъ. Единственнымъ цѣлесообразнымъ выходомъ изъ дореформенной неурядицы мѣстной и государственной жизни тверской комитетъ считалъ развитіе самоуправленія, т. е. самостоятельнаго управленія общинъ.

Въ основаніе своей системы комитетъ клалъ бессословность съ нѣкоторымъ преобладаніемъ дворянскаго элемента, причемъ во главѣ самоуправляющихся единицъ должны были стоять волостной попечитель и уѣздный предводитель, избираемые волостнымъ и уѣзднымъ собраніями, вѣдѣнію которыхъ подлежали бы всѣ мѣстныя дѣла по управленію и суду. Объединеніе сословій на почвѣ общихъ интересовъ и постепенное уничтоженіе всѣхъ привилегій являлись, по мнѣнію тверского комитета, наиболѣе настоятельными требованіями переживаемаго историческаго момента. Кромѣ того, комитетъ высказался за необходимость точнаго раздѣленія властей, учрежденія независимаго суда присяжныхъ и свободу печати. Программа тверского комитета, очевидно, не заключала въ себѣ ничего крѣпостническаго и плантаторскаго. И она не была единичнымъ исключеніемъ. Тверскіе либералы имѣли многочисленныхъ сторонниковъ въ дворянской средѣ. Нѣкоторыя требованія этой программы не были чужды и прогрессивнымъ элементамъ бюрократіи. Но основная идея либерализма, безъ которой его практическія положенія превращаются въ безжизненныя части разрозненнаго цѣлаго и теряютъ всякое значеніе, находилась въ коренномъ противорѣчіи со всѣмъ политическимъ

міросозерцаніемъ даже передового чиновничества того времени и возбуждала въ немъ органическую ненависть. Для Ланского и Милютина всякія общественныя указанія, всякая общественная помощь въ разработкѣ правительственныхъ проектовъ были непріемлемы. «Среди правительственныхъ трудовъ» «указанія частныхъ лицъ на недостатки административнаго устройства» «теряютъ всякое значеніе и не заслуживаютъ вниманія», потому что эти частныя лица исходятъ изъ совсѣмъ иныхъ общихъ воззрѣній на государственную жизнь, чѣмъ бюрократія. Поэтому даже наиболѣе прогрессивные представители правящихъ сферъ конца пятидесятыхъ годовъ считали своимъ долгомъ объявить непримиримую войну обществу, употребить всѣ силы, чтобы раздѣлить группировавшіяся коллективныя единицы и не дать имъ сложиться въ политическія партіи, вліяніе которыхъ могло бы помѣшать дѣйствіямъ бюрократіи.

Эти усилія по самому существу своему являлись безнадежно утопическими. Правительственная власть обладала, конечно, всѣми средствами для того, чтобы разбить извѣстную общественную организацію, но она никогда и нигдѣ не имѣла силы разбить общественное движеніе. Въ то время, какъ Ланской и Милютинъ на бумагѣ строили планы разсѣянія своихъ противниковъ и заблаговременнаго разрушенія назрѣвавшихъ политическихъ партій, эти партіи складывались у всѣхъ на глазахъ и, подъ ударами бюрократіи, пріобрѣтали все большую и большую опредѣленность. Если первоначально открытыми противниками правительства выступали только представители консервативно-помѣщичьей партіи, либеральная же часть дворянства

считала необходимымъ поддерживать оффиціальную программу реформъ, то полное презрѣніе къ самостоятельной общественной мысли и настойчивое проведеніе въ жизнь далеко несовершенныхъ плановъ преобразованій, выработанныхъ въ различныхъ канцеляріяхъ, рвали одна за другою нити, связывавшія общество и правительство. Дворянство, очевидно, формировалось въ двѣ большія партіи: партію аристократической конституціи, привлекавшей наиболѣе знатные и богатые элементы дворянства, и партію конституціи болѣе или менѣе либерально-демократической, которая отвѣчала пожеланіямъ мелкаго и средняго дворянства и немногочисленныхъ еще тогда представителей русской промышленной буржуазіи. Въ главныхъ чертахъ эти партіи намѣтились уже въ періодъ засѣданій губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Но— и въ этомъ записка министра внутреннихъ дѣлъ приближается къ истинѣ—борьба дворянства въ тѣсномъ кругу провинціальныхъ учрежденій задерживала развитіе политической мысли и выдвигала впередъ преимущественно отдѣльные, наиболѣе сознательные элементы, которые постепенно строили содержаніе грядущей партійной программы. Дворянская масса еще только бродила, только переживала общее недовольство и частныя стѣсненія, не дѣлая окончательныхъ политическихъ выводовъ. И крѣпостники-конституціоналисты, и либералы,—и либералы болѣе чѣмъ крѣпостники—посвящали силы преимущественно положительной работѣ, создавая реформаторскіе планы и еще не теряя увѣренности въ возможность склонить государственную власть на свою сторону. Мѣры, принятыя противъ дворянскихъ депутатовъ въ Петербургѣ, открыли гла-

за на дѣйствительное политическое положеніе, и дворянское оппозиціонное движеніе сдѣлало слѣдующій шагъ впередъ.

Борьба депутатовъ съ редакціонной комиссіей расширила и углубила оппозиціонныя теченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она объединила ихъ усилія, въ значительной степени очистивъ конституціонно-аристократическую партію отъ элементовъ реакціоннаго утопизма, сблизивъ ее съ болѣе послѣдовательною и жизненною либеральною партіею. Гнетъ бюрократическаго произвола сплотилъ, вопреки ожиданіямъ Ланского и Милютина, въ сомкнутый строй разрозненные элементы оппозиціи.

Глава V.

Вопросъ о мѣстной реформѣ въ редакціонной комиссіи.

Необходимость вмѣстѣ съ упраздненіемъ крѣпостного права кореннымъ образомъ реформировать покоившуюся на немъ систему мѣстнаго управленія была настолько очевидна, что вполнѣ признавалась не только обществомъ, но и правительствомъ. Въ то время, какъ въ губернскихъ комитетахъ и дворянскихъ собраніяхъ складывались и формулировались общественно-политическія желанія дворянства, въ петербургскихъ канцеляріяхъ бюрократическая мысль также усиленно работала надъ вопросомъ о мѣстной реформѣ. Однако, эта работа, въ значительной степени осложненная чисто полицейскими заботами о сохраненіи государственнаго спокойствія, которому будто бы могло угрожать освобожденіе крестьянъ, шла крайне вяло и противорѣчиво. Послѣ «предположеній» министерства внутреннихъ дѣлъ 16-го мая 1858 года, въ которыхъ дворянство увидѣло оскорбленіе своему сословію и желаніе поставить въ осадное положеніе все русское земство и которыя подверглись неодобрительной критикѣ даже въ губернаторскихъ отзывахъ, земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ выработалъ въ концѣ 1858 года новый планъ мѣстной реформы. По этому плану полицейское и хозяйственное земское управленіе распадалось на двѣ самостоятельныя отрасли.

Вся хозяйственная земская дѣятельность, строительная, земскихъ сборовъ, продовольственная, общественнаго призрѣнія и т. д., сосредоточивалась въ отдѣльномъ управленіи съ участіемъ въ немъ всѣхъ сословій. 25-го марта 1859 года эти общія начала получили высочайшее утвержденіе. Подробная и окончательная разработка проекта была возложена на особую комиссію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, образованную при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ Николая Милютина. По высочайшему повелѣнію, комиссія должна была обсудить необходимость предоставленія хозяйственному управленію въ уѣздѣ *большаго единства, большей самостоятельности и большаго довѣрія*, а также опредѣлить степень участія каждаго сословія въ дѣлахъ хозяйственнаго управленія. 23-го октября 1859 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о выработкѣ на такихъ началахъ проекта преобразованія губернскихъ земско-хозяйственныхъ учрежденій.

Слова о необходимости большей самостоятельности и большаго довѣрія, какъ желательныхъ основахъ преобразованнаго земскаго управленія, очевидно, имѣли цѣлью внушить мѣстнымъ людямъ вѣру въ либеральныя намѣренія правительства, но они не принесли ожидаемыхъ результатовъ и не успокоили встревоженнаго дворянства. Работы комиссіи протекали подъ покровомъ канцелярской тайны, при ревнивомъ недовѣріи къ представителямъ общества, при глубокомъ презрѣніи даже прогрессивныхъ чиновниковъ къ голосу мѣстныхъ людей. Какъ писалъ Ланской въ цитированной выше запискѣ, «улучшенія предприняты, въ широкихъ размѣрахъ и будутъ вводиться съ должною постепен-

ностью. Среди этихъ правительственныхъ трудовъ... общія и поверхностныя указанія частныхъ лицъ на недостатки административнаго устройства теряютъ всякое значеніе и не заслуживаютъ вниманія». Заранѣе клеймя мысль, не состоящую на коронной службѣ, какъ общую и поверхностную, бюрократія, естественно, не показывала готовности считаться съ мнѣніями общества и въ частности дворянства. Комиссія дѣлала свое дѣло вполнѣ самостоятельно, руководствуясь только собственными взглядами и разсчетами. Нѣкоторыя изъ ея предположеній немедленно проводились въ жизнь и возбуждали еще большія опасенія въ дворянствѣ. Такъ, 16-го іюня 1859 года былъ обнародованъ указъ сената о преобразованіи полицейской и слѣдственной власти, который, вводя кое-какія улучшенія, вызывалъ, однако, сильное недовольство въ дворянствѣ, такъ какъ значительно усиливалъ губернаторскую власть и отнималъ у дворянскихъ обществъ право выбора земскихъ исправниковъ.

Идеи полицейскаго централизма, проникавшія этотъ указъ, заставляли подозрѣвать, что и остальныя преобразованія, вырабатываемыя комиссіей, отмѣчены тѣмъ же направленіемъ. Канцелярская тайна способствовала распространенію самыхъ разнообразныхъ слуховъ. Негодованіе противъ бюрократіи росло, и первыя же столкновенія дворянскихъ депутатовъ съ петербургскими чиновниками укрѣпили и усилили это чувство. Направленіе, по которому слѣдовали фактическіе руководители реформаторской дѣятельности правительства, скоро выяснилось даже для самыхъ непроницательныхъ представителей дворянства, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ этихъ руководителей не старались скрывать свои взгляды.

Одинъ изъ наиболѣе расположенныхъ къ бюрократіи дворянскихъ депутатовъ, Стремоуховъ, разсказываетъ, что въ салонѣ Николая Милютина шли откровенныя бесѣды на текущія политическія темы. «Всего интереснѣе,—пишетъ онъ,—были вечера у Н. А. Милютина. Здѣсь собирались представители нашей либеральной интеллигенціи и выдающіеся дѣятели редакціонныхъ комиссій. Здѣсь, можно сказать, лежалъ и центръ тяжести преобладавшаго въ то время въ высшихъ сферахъ направленія, душой котораго былъ Н. А. Милютинъ. Въ этой средѣ интересы дворянства находили весьма мало защитниковъ,—а еще менѣе какія бы то ни было права его на преобладающее въ государственномъ строѣ значеніе. Самъ Н. А. Милютинъ относился къ этой послѣдней темѣ съ какимъ-то особеннымъ раздраженіемъ. Не допуская за дворянствомъ никакихъ особыхъ политическихъ правъ, онъ энергически возставалъ противъ всякой иниціаторской его дѣятельности въ дѣлахъ, касавшихся общихъ нуждъ и интересовъ. Не забуду, какъ разъ, когда въ особомъ разговорѣ я коснулся этой темы, онъ вскочилъ, какъ ужаленный. «Никогда,—сказалъ онъ,—никогда, пока я стою у власти, я не допущу какихъ бы то ни было притязаній дворянства на роль иниціаторовъ въ дѣлахъ, касающихся интересовъ и нуждъ всего народа. Забота о нихъ принадлежитъ правительству; ему и только ему одному принадлежитъ и всякій починъ въ какихъ бы то ни было реформахъ на благо страны. Tout pour le peuple, rien par le peuple,—при этомъ добавилъ онъ» *).

---

*) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, к. XVII, стр. 132.

Все —для народа, ничего—чрезъ посредство народа,—такою формулою полицейскаго государства опредѣлялись политическія воззрѣнія Милютина, предъ глазами котораго, очевидно, носился образъ наполеоновской Франціи «съ цесаризмомъ во главѣ и тайной полиціей въ подножьи», Франціи, привлекавшей въ то время мечты бюрократовъ всей Европы. И если простодушная «либеральная интеллигенція», собиравшаяся на вечерахъ вліятельнаго сановника, чистосердечно полагала, что Н. А. Милютинъ является представителемъ демократическихъ идей, то дворянство классовымъ и сословнымъ инстиктомъ весьма вѣрно угадывало истинную цѣну этого направленія. Человѣкъ, политическая опытность котораго не подлежитъ сомнѣнію, сразу раскрылъ суть демократизма Н. Милютина и далъ ей мѣткую характеристику.

Мы говоримъ о Бисмаркѣ, который въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ состоялъ прусскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. Недавно въ Берлинѣ вышла въ свѣтъ переписка Бисмарка съ баропомъ Шлейницемъ, тогдашнимъ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Характеризуя своему шефу положеніе дѣлъ въ Россіи, Бисмаркъ, между прочимъ, писалъ: «Н. Милютинъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, самый умный и смѣлый человѣкъ изъ прогрессистовъ, рисуетъ себѣ будущую Россію крестьянскимъ государствомъ съ равенствомъ, но безъ свободы, съ сильнымъ развитіемъ просвѣщенія, промышленности, бюрократіи, печати—по наполеоновскому образцу». Но система Наполеона III, приводившая въ восторгъ бюрократію, отнюдь не представляла ничего привлекательнаго для депутатовъ русскаго дворянства, которые до извѣстной

степени чувствовали себя выразителями общаго стремленія къ реформамъ.

На нихъ возлагались многочисленныя и разнообразныя надежды. «Прибытіе въ Петербургъ депутатовъ,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Стремоуховъ,—внесло чрезвычайное оживленіе въ столичную жизнь. Отъ дѣятельности ихъ ожидали почина во всякихъ преобразованіяхъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ крестьянскою реформою. Настроеніе общества было приподнятымъ и возбужденнымъ подъ вліяніемъ идей, навѣянныхъ изученіемъ исторіи Франціи въ періодъ, предшествовавшій первой революціи. Незадолго передъ тѣмъ появилось и широко распространилось въ Петербургѣ новое сочиненіе Токвиля: «L'ancien régime et la révolution»... Разъ, встрѣтившись со мною на раутѣ у министра С. С. Ланского, графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ, отведя меня въ сторону и спросивъ, что думаю я о роли депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, приглашенныхъ въ Петербургъ, сталъ догматически доказывать, что депутаты не только въ правѣ, но и обязаны сомкнуться въ дружную оппозиціонную силу противъ правительства, дѣйствія котораго въ крестьянской реформѣ явно ведутъ къ подрыву не только матеріальнаго благосостоянія дворянства, но и политическаго его значенія, какъ сословія, служащаго исконнымъ оплотомъ престола, что организованная въ такомъ смыслѣ оппозиція имѣла бы значеніе оппозиціи его величества, подобно англійской парламентской оппозиціи, которая, служа охранительною для королевы силою противъ ошибокъ, заблужденій и, вообще, ложной политики ея министровъ,

по праву именуетъ себя her majesty's opposition» *). Разсужденія гр. Орлова-Давыдова, принадлежавшаго къ партіи такъ называвшихся плантаторовъ или крѣпостниковъ, показываютъ, что ко времени съѣзда дворянскихъ депутатовъ въ Петербургѣ мысль о сохраненіи крѣпостного права была оставлена защитниками дворянскихъ привилегій, и что они сосредоточили свое главное вниманіе на политической сторонѣ вопроса, какъ и представители либеральной части дворянства. Это подтверждается и свидѣтельствомъ Кошелева, убѣжденнаго противника крѣпостного права.

«Вообще, можно сказать,—пишетъ онъ въ брошюрѣ «Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу»,—что всѣ депутаты безъ исключенія были за уничтоженіе крѣпостного состоянія; что всѣ они желали развязки скорѣйшей и окончательной, и что большинство изъ нихъ было одушевлено самыми миролюбивыми чувствами. Что касается до сопротивленія волѣ государя, насчетъ освобожденія крестьянъ, до желанія затянуть дѣло и, подъ видомъ увольненія, устроить иное обязательное и столь же для крестьянъ тягостное положеніе,—то такихъ намѣреній никто изъ депутатовъ рѣшительно не имѣлъ, и слухи, въ семъ смыслѣ распущенные, суть чистѣйшія клеветы. По окончаніи занятій въ губернскихъ комитетахъ, члены ихъ пожили въ своихъ деревняхъ, убѣдились въ невозможности удержать крѣпостное право, въ необходимости разрѣшить вопросъ въ скорѣйшемъ, по возможности, времени и пріѣхали въ Петербургъ съ

---

*) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина". Кн. XVII, стр. 129.

искреннимъ желаніемъ помочь правительству въ установленіи новаго порядка вещей въ сельскомъ быту на прочныхъ основаніяхъ» *). «По многимъ губерніямъ произошли въ Петербургѣ явленія неожиданныя: люди, которые въ губернскихъ комитетахъ въ теченіе 6, 7 и 8 мѣсяцевъ между собою боролись, и которыхъ проекты были весьма различны, согласились между собою и стали говорить въ одинъ голосъ» **). Депутаты во многомъ расходились съ редакціонной комиссіей въ вопросѣ о конкретной формѣ освобожденія крестьянъ, но принципіально они вполнѣ признавали его необходимость. Болѣе существенное и болѣе острое разногласіе заключалось въ томъ, что, по проекту комиссіи, «чиновничье вмѣшательство водворялось въ дѣла сельскія, и что вліяніе дворянства на крестьянъ вовсе устранялось. Хотя бережно скрывалось отъ депутатовъ будущее устройство какъ земской полиціи, такъ и мировыхъ судей, однако, сдухи насчетъ назначенія всѣхъ этихъ чиновниковъ не по выбору сельскаго населенія вообще, а по произволу губернаторовъ; слухи насчетъ чисто бюрократическаго устройства всего уѣзднаго управленія полиціи и суда сильно волновали членовъ губернскихъ комитетовъ и представляли имъ въ будущемъ совершенную невозможность жить въ деревняхъ. А потому не удивительно, что депутаты въ своихъ замѣчаніяхъ дозволяли себѣ самыя рѣзкія выходки противъ чиновничества вообще и противъ вмѣшательства администраціи въ

---

*) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія". Т. II., Стр. 201.

**) Ibid. Стр. 210.

дѣла сельскаго населенія» *). «Депутаты должны были дружно стать противъ редакціонной комиссіи, указать энергически ея заблужденія и заявить правительству, что ея заключенія не только уничтожаютъ значеніе дворянства, какъ землевладѣльца, но усиливаютъ, быть можетъ, вопреки ея желанію, то, что всего ненавистнѣе въ Россіи—чиновничество. Депутаты это исполнили по совѣсти» **).

Еще болѣе опредѣленно формулировалъ политическія стремленія дворянскихъ депутатовъ представитель либераловъ-западниковъ, Унковскій. «Какъ я, такъ и всѣ ближайшіе сотрудники мои да, наконецъ, и вся, примкнувшая къ намъ впослѣдствіи, лучшая, наиболѣе разумная часть дворянства, составлявшая большинство въ Тверской губерніи, готовы были на значительныя, не только личныя, но и сословныя пожертвованія, но не иначе, какъ при условіи уничтоженія крѣпостного права не для однихъ крестьянъ, но для всего народа... Между тѣмъ, въ редакціонныхъ комитетахъ все дѣло свелось къ однимъ хозяйственнымъ расчетамъ, и никто изъ членовъ комиссіи самъ не начиналъ и намъ не давалъ начать серьезный разговоръ объ измѣненіи порядка управленія, хотя бы только мѣстнаго. Они даже исходатайствовали высочайшее повелѣніе намъ, пріѣхавшимъ депутатамъ изъ разныхъ комитетовъ, не имѣть между собою какія-либо совѣщанія, а засадили насъ за письменное изложеніе нашихъ отвѣтовъ на ихъ вопросы въ отдѣльныхъ номерахъ петербургскихъ гостиницъ, вызывая по одиночкѣ въ комиссію, и то лишь въ хозяй-

*) Ibid. Стр. 199.
**) Ibid Стр. 208.

ственное ея отдѣленіе, для допроса... Такимъ образомъ, осенью 1859 года все дѣло получаетъ такое направленіе, что на долгое время оставлялся весь крѣпостной строй съ барщиною и оброкомъ (безъ выкупа), и ограничивается одними лишь имущественными и политическими потерями для дворянства, а главное оставленіемъ въ силѣ прежняго произвола какъ въ мѣстномъ, такъ и въ государственномъ управленіи» *)

Этотъ поворотъ вызвалъ одинаковое недовольство въ депутатахъ всѣхъ направленій, между которыми, впрочемъ, никогда не существовало серьезныхъ и глубокихъ разногласій въ вопросѣ объ отношеніи къ бюрократіи. По своимъ экономическимъ требованіямъ депутаты раздѣлялись тогда на три группы. Первая группа, состоявшая преимущественно изъ представителей промышленныхъ губерній, высказывалась за обязательный выкупъ и надѣленіе крестьянъ землей въ достаточномъ количествѣ; она являлась также наиболѣе прогрессивной въ своихъ политическихъ пожеланіяхъ. Сюда принадлежали депутаты губерній: Ярославской, Костромской, Владимірской, Тверской и Харьковской. Вторая группа, образовавшаяся изъ депутатовъ отъ Рязанской, Тамбовской, Саратовской, одного депутата отъ Воронежской, одного отъ Черниговской и московскаго депутата, въ общемъ, примыкала къ первой группѣ, хотя и расходилась съ нею въ вопросѣ о размѣрѣ земельнаго крестьянскаго надѣла. Третья группа, состоявшая изъ депутатовъ отъ Полтавской, Петербургской, Псковской, Новгородской губерній, одного депутата Воронежской, одного—Сим-

*) Джаншіевъ. „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ". Стр. 132, примѣчаніе.

бирской и одного—Черниговской, была наиболѣе консервативна по отношенію къ крѣпостному праву, но, во-первыхъ, она не могла выработать опредѣленныхъ программныхъ требованій, во-вторыхъ, она скоро распалась. Слѣдовательно, большинство депутатовъ, съ которымъ только и могла считаться редакціонная комиссія, было болѣе или менѣе ярко окрашено въ либеральный цвѣтъ, и недовольство этого большинства бюрократическими замыслами Милютина и его сторонниковъ явилось дальнѣйшимъ развитіемъ стараго антагонизма между обществомъ и правительствомъ. Либеральная часть дворянства окончательно убѣдилась, что первоначальныя надежды на то, что власть искренно и безповоротно станетъ на новый путь, лишены основанія, и что единственнымъ правильнымъ шагомъ для сторонниковъ дѣйствительнаго обновленія русской жизни будетъ переходъ въ оппозицію. Но, становясь въ ряды оппозиціи, либеральные представители губернскихъ комитетовъ открывали себѣ возможность временнаго союза съ консервативными депутатами, которые, исходя изъ иныхъ побужденій, еще ранѣе пришли къ выводу о необходимости политическаго обезпеченія интересовъ различныхъ общественныхъ группъ отъ покушеній бюрократіи. Единство ближайшихъ практическихъ задачъ сблизило разномыслящія группы дворянства, и онѣ, по справедливому выраженію Кошелева, дружно выступили противъ чиновническаго quasi-демократизма редакціонной комиссіи. Прогрессивная бюрократія стремилась изобразить эту борьбу, какъ сопротивленіе крѣпостниковъ освобожденію крестьянъ. Въ дѣйствительности она, имѣя, конечно, корни въ экономическихъ отношеніяхъ,

происходила въ иной плоскости. Любопытна характеристика, которую даетъ И. С. Аксаковъ этой борьбѣ. «Въ Петербургѣ,—писалъ онъ Тургеневу въ октябрѣ 1859 года,—депутаты съ ростовцевскою комиссіею рѣжутся не на животъ, а на смерть. Эта борьба представляетъ любопытное зрѣлище. Съ одной стороны,—либерализмъ безкорыстный и благоразумный, но чиновничій, тѣмъ болѣе дерзкій, что отрѣшенъ отъ жизни, либерализмъ деспотовъ-бюрократовъ, нивелирующій, искажающій начала народной жизни, поклоняющійся петровской палкѣ; съ другой стороны,—либерализмъ озлобившихся помѣщиковъ, дерзость людей, которымъ уже нечего больше терять, либерализмъ болѣе жизненный и способный къ жизненному воплощенію, но являющійся все же во имя личныхъ корыстныхъ интересовъ. Обѣ стороны выбили другъ друга изъ позиціи, не имѣютъ почвы подъ ногами и болтаются ногами по воздуху. А третье лицо этой драмы—народъ, молчитъ и не раскрываетъ своихъ тайнъ, и ждетъ» *). Аксаковъ, несомнѣнно, далеко не точно называлъ политическое міросозерцаніе Милютина либерализмомъ, но по отношенію къ дворянскимъ депутатамъ онъ былъ вполнѣ правъ. Зерно извѣстнаго демократизма, заключавшееся въ славянофильствѣ, позволило Аксакову понять, что борьба редакціонныхъ комиссій съ членами губернскихъ комитетовъ является не борьбой крѣпостниковъ со сторонниками освобожденія крестьянъ, а борьбою двухъ политическихъ идеаловъ, одинаково прогрес-

*) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина". Кн. XVII стр. 129.

сивныхъ по сравненію съ крѣпостнымъ строемъ, но одинаково недемократическихъ по своему существу. Дворянская оппозиція, въ цѣломъ, стремилась къ осуществленію въ государственной жизни системы политическаго либерализма, какъ она сложилась въ своемъ историческомъ развитіи, т.-е. какъ системы политическаго преобладанія имущихъ классовъ. На этой общей цѣли, расходясь въ частностяхъ, сходились представители и консервативной и либеральной дворянской оппозиціи. Поэтому, по нѣмецкой поговоркѣ, они «били вмѣстѣ» даже тогда, когда «шли врозь».

Но, при всей энергіи, дворянская оппозиція не имѣла возможности достигнуть сколько-нибудь существенныхъ практическихъ результатовъ въ редакціонной комиссіи. Послѣ того, какъ правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы разрознить депутатовъ, и превратило ихъ въ простыхъ экспертовъ, мнѣніе которыхъ сочли полезнымъ выслушать бюрократическія комиссіи, депутаты могли высказать свои взгляды только въ письменныхъ отзывахъ на заданные имъ вопросы. Они въ полной мѣрѣ пользовались этой возможностью. Нѣкоторые отзывы представляютъ выдающіеся политическіе трактаты. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ по полнотѣ и разработанности отзывъ тверского депутата Унковскаго, представившаго мотивированную и подробную программу реформъ, требовавшихся либеральною частью дворянства. Этотъ отзывъ настолько удачно выражалъ стремленія либеральнаго общества, что разошелся по рукамъ въ тысячахъ списковъ. И, дѣйствительно, для своего времени онъ является замѣчательнымъ произведеніемъ русской политической

мысли. «Въ настоящее время,—говорилъ Унковскій,—новое устройство управленія является въ Россіи первою и главною потребностью. При существованіи крѣпостного права настоящее управленіе, близкое по характеру своему къ вотчиннымъ крѣпостнымъ отношеніямъ, еще могло быть терпимо. Вся Россія раздѣляется на вотчины частныя и вотчины государственныя, и повсюду господствуетъ полный произволъ... Если само правительство охраняло систему административнаго произвола, то о низшихъ должностныхъ лицахъ и говорить нечего. Что касается помѣщиковъ, то они принадлежатъ къ сословію, имѣвшему вотчинныя права на половину Россіи, и будучи лично заинтересованы въ системѣ произвольнаго крѣпостного правленія, не могли не быть солидарны съ общимъ характеромъ существующаго порядка вещей. Такимъ образомъ во всемъ нашемъ управленіи и даже въ судахъ господствуетъ одинъ произволъ. Законы лежатъ подъ спудомъ въ тяжелыхъ и толстыхъ книгахъ, не имѣя никакого отношенія къ народной жизни. До этихъ поръ народъ жилъ своею жизнью и молчалъ. Помѣщичья половина Россіи молчала по слѣдующимъ причинамъ: произволъ владѣльцевъ умѣрялся отчасти ихъ собственными выгодами и нѣкоторыми остатками древнихъ патріархальныхъ отношеній и поэтому не казался возмутительнымъ; все государственное управленіе было основано на произволѣ: всѣ правительственныя учрежденія уважали только званія, чины и вообще общественное положеніе, а при томъ всеобщемъ порядкѣ вещей крѣпостные люди видѣли въ помѣщикахъ единственныхъ защитниковъ отъ притѣсненій и грабительства чиновниковъ; наконецъ, крѣпостные люди имѣли только вы-

боръ между совершеннымъ бемолвіемъ и явнымъ возстаніемъ. Другая половина Россіи, росписанная по разнымъ вѣдомствамъ, не знала иного порядка вещей и, принадлежа по правамъ и положенію къ крѣпостному сословію терпѣливо сносила произволъ въ своемъ управленіи, тѣмъ болѣе, что помѣстное дворянство, имѣвшее выгоду въ сохраненіи общественнаго спокойствія, умѣряло произволъ мѣстныхъ чиновниковъ, не допуская ихъ до открытаго грабежа. Дворяне-владѣльцы, будучи въ нѣсколько враждебныхъ отношеніяхъ къ сельскому народонаселенію, уединенные отъ всѣхъ сословій и притомъ нѣсколько огражденные выборными правами отъ притѣсненій мѣстнаго управленія, молча пользовались вотчинными правами; чиновники, имѣвшіе личныя выгоды въ произвольномъ и неотвѣтственномъ управленіи, заботились только о благоспѣшномъ проложеніи этой системы управленія, и различными средствами (цензурою и т. п.) не допускали истины до престола; поэтому весь народъ молчалъ, и *сверху казалось* все хорошо и спокойно». Но въ дѣйствительности эта система не приносила ничего, кромѣ зла. «Вся исполнительная власть находится въ рукахъ чиновниковъ-бюрократовъ, чуждыхъ народу и отвѣтственныхъ передъ судомъ только тогда, когда это будетъ угодно ихъ начальникамъ, такимъ же бюрократамъ.

«Вся жизнь народа взята подъ опеку правительства, и потому дѣлъ бездна. Нѣтъ ни одной мелочи, безусловно довѣренной самому народу; все дѣлается съ разрѣшенія высшихъ властей. Народъ не смѣетъ нанять общими средствами одной подводы или лачужки для исполненія подводной или квартирной повинности; не можетъ починить дряннаго мостика; даже не имѣетъ

права нанять общаго учителя грамоты, на все нужно позволеніе разныхъ властей. Наконецъ, эта централизація доведена до того, что планы самыхъ незначительныхъ общественныхъ строеній, не стоящихъ вниманія, должны быть представляемы на утвержденіе высшихъ властей. При всемъ этомъ исполнительной власти вручены всѣ роды дѣлъ: и хозяйственныя, и полицейскія, и судебно-слѣдственныя, и даже чисто судебныя. Всякое исполнительное учрежденіе и должностное лицо имѣетъ надъ человѣческою личностью всѣ роды властей, и кругъ его дѣйствій ограниченъ только географически»...

«... По причинѣ неограниченной правительственной опеки надъ всею жизнію народа, соединенія всего управленія въ рукахъ одной неотвѣтственной исполнительной власти и совершеннаго отсутствія судебной власти, вся администрація наша представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, возведенную на степень государственнаго устройства. Система этого управленія или, лучше сказать, злоупотребленія властью, такъ сильна и послѣдовательна, что она покрываетъ собою всю Россію, не оставляя ни одного живого мѣста для разумно-свободной жизни...

«Многіе говорятъ, что зло не въ системѣ, а въ людяхъ и въ доказательство того приводятъ права разныхъ обществъ по своду законовъ, утверждая, что общества имѣютъ всѣ средства искоренить зло, но не умѣютъ пользоваться данными имъ правами. Справедливо ли это? Гдѣ же тѣ права, которыми общества могли бы воспользоваться для искорененія зла? Они существуютъ только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности, и притомъ самыя законоположенія дѣлаютъ ихъ неосуществимыми. Начнемъ съ дворянства, которое, какъ выс-

[illegible] эльзуется особыми правами. Въ чемъ [illegible] права на самомъ дѣлѣ? Оно избираетъ [illegible] лицъ въ нѣкоторыя судебныя и полицейскія [illegible]я; право избранія судебныхъ должно[illegible] можетъ имѣть большого значенія, [illegible] не имѣетъ никакой власти; что касается [illegible] ейскихъ должностей, то положеніе [illegible] того жалко и низко, что право выбора [illegible] должности почти ничего не значитъ. Можетъ ли быть серьезная рѣчь о правѣ выбора, когда выборныя лица отдаются въ совершенно произвольное распоряженіе правительственныхъ канцелярій, и когда избиратели не имѣютъ никакой возможности защитить своихъ избранныхъ отъ произвола начальства? Притомъ еще выборъ этихъ лицъ долженъ быть утвержденъ начальникомъ губерніи. Одно это право утвержденія часто уничтожаетъ совершенно выборное начало... При этихъ условіяхъ, могло ли дворянство имѣть какое-либо вліяніе въ дѣлѣ управленія? Скажутъ, что дворянство имѣло право представлять правительству о своихъ нуждахъ и пользахъ и такъ далѣе, какъ написано въ сводѣ законовъ; но это могутъ говорить только тѣ, которые не знаютъ практическаго примѣненія нашихъ законовъ. Дворянство убѣдилось опытомъ въ совершенной безполезности этихъ представленій». Кромѣ недостаточныхъ правовыхъ гарантій, пассивность дворянства объясняется и другими причинами. «Никакое сословіе не можетъ совершенно отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ интересовъ; иначе не можетъ быть и жизни въ сословіи. Дворянство не могло сильно протестовать противъ существующаго порядка управленія, потому что оно само произвольно

управляло половиною русскаго народа». Но если даже высшее сословіе не имѣло, по мнѣнію Унковскаго, существеннаго вліянія на дѣла мѣстнаго государственнаго управленія, то объ остальныхъ сословіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Духовенство русское лишено всякаго политическаго значенія; городскія сословія пользуются только нѣкоторыми личными правами, но въ общественныхъ дѣлахъ совершенно безгласны; крестьяне подавлены гнетомъ помѣщичьяго и государственнаго крѣпостного права. «Ясно, что этотъ порядокъ вовсе не можетъ держаться по освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. При этой реформѣ онъ не будетъ имѣть никакой опоры. Если управленіе останется по прежнему, то помѣщичьи крестьяне должны неминуемо подпасть подъ необузданный произволъ чиновниковъ. Въ сущности, вѣдь, все равно—быть ли крѣпостнымъ помѣщика или крѣпостнымъ чиновника, и даже еще лучше быть крѣпостнымъ помѣщичьимъ. Помѣщикъ имѣетъ выгоду въ благосостояніи крѣпостныхъ людей, и власть его не переходитъ изъ рукъ въ руки, къ произволу одного скорѣе можно привыкнуть... Что же можно ждать отъ народа, если онъ будетъ обманутъ въ своихъ надеждахъ? Дворяне владѣльцы не будутъ нисколько заинтересованы въ этомъ порядкѣ вещей; чиновники, навѣрное, не измѣнятъ своего образа дѣйствій, если будутъ неотвѣтственны попрежнему».. Россіи угрожаютъ, такимъ образомъ, серьезныя потрясенія, предотвратить которыя можетъ только коренная реформа всей системы управленія. Частичныя мѣры не принесутъ никакихъ результатовъ. «Все дѣло въ гласности, въ учрежденіи независимаго суда, въ отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ, въ строгомъ раздѣленіи властей и

[illegible] ...іи обществъ въ хозяйственномъ отно-[illegible]. При [illegible]омъ для успѣшнаго развитія новой си[illegible] оно должно быть общимъ для всѣхъ [illegible] какъ при раздѣленіи народа на отдѣль-[illegible] стараго порядка сохранитъ удобную почву для многообразнаго проявленія.

[illegible]кій не настаивалъ на полномъ уничто[illegible]ъ преимуществъ. Онъ полагалъ, что «по-[illegible]во, просвѣщенное болѣе всѣхъ сель-[illegible]ю можетъ руководить и вразумлять на-родъ въ исп[illegible]и правительственныхъ распоряженій».

Что [illegible] способа выработки предполагаемыхъ [illegible]ковскій высказывалъ убѣжденіе, что развитіе началъ, которыя будутъ приняты верховною властью въ основаніе судебныхъ и административныхъ преобразованій, должно быть непремѣнно поручено лицамъ, не состоящимъ на службѣ и не ожидающимъ отъ нея великихъ и богатыхъ милостей. «Правильное развитіе этихъ началъ было бы болѣе всего обезпечено, если бы оно было поручено не должностнымъ лицамъ, а людямъ науки, наиболѣе всѣхъ прочихъ безпристрастнымъ къ лицамъ и партіямъ, предпочтительно спеціалистамъ по части государственныхъ наукъ, и отчасти жителямъ разныхъ мѣстностей, испытавшимъ на себѣ всѣ неудобства настоящаго порядка вещей. Эти неудобства, разумѣется, ближе извѣстны управляемымъ, чѣмъ управляющимъ; притомъ, самыя реформы имѣютъ въ виду болѣе первыхъ, нежели послѣднихъ. Если же проекты реформъ будутъ составляться исключительно лицами, управляющими, то они, вѣроятно, не будутъ вполнѣ соотвѣтствовать ихъ цѣли и скорѣе всего ограничатся нѣкоторыми измѣненіями въ видахъ еще большаго усиленія власти

мѣстныхъ должностныхъ лицъ, ограниченія ихъ отвѣтственности и возможнаго облегченія ихъ трудовъ».

Другой содержательный отзывъ представилъ рязанскій депутатъ Кошелевъ, который во многомъ расходился съ либералами въ своихъ философско-историческихъ взглядахъ, но почти совпадалъ съ ними въ своихъ конкретныхъ требованіяхъ. Напоминая постановленіе меньшинства рязанскаго комитета, которое предполагало устройство сельскихъ, уѣздныхъ и губерискихъ округовъ, гдѣ крестьяне и личные землевладѣльцы должны были бы совмѣстно завѣдывать мѣстными дѣлами, Кошелевъ указываетъ, что редакціонная комиссія не говоритъ, къ кому перейдетъ упраздняемая административная власть помѣщиковъ. «Неужели къ чиновникамъ? — спрашиваетъ онъ. — Но, въ такомъ случаѣ, и благо освобожденія крѣпостныхъ людей не только не можетъ, но неминуемо должно превратиться во зло и это зло тѣмъ большее, что оно въ будущемъ одно, безъ раздѣла со сдерживавшимъ его доселѣ зломъ крѣпостного владѣнія, будетъ пожирать лучшіе соки народа русскаго». Такія предположенія, по мнѣнію Кошелева, невѣроятны, и правительство не можетъ «только что освобождаемыхъ людей и образующихся здоровыхъ, крѣпостнымъ правомъ не искажаемыхъ землевладѣльцевъ передать на окончательное разореніе и порабощеніе чиновниковъ». «У насъ улучшеніе внутренняго управленія возможно только при условіи передачи его, въ возможныхъ предѣлахъ, мѣстной общественной дѣятельности. Эта дѣятельность не должна быть заключена въ тѣсный кругъ сословій; въ округѣ она должна принадлежать всему сельскому населенію: землевладѣльцамъ всѣхъ наименованій, которыя должны всѣ исчез

нуть въ одномъ для всѣхъ общемъ». На тѣхъ же началахъ должно быть организовано уѣздное и губернское управленіе. Но, и по мнѣнію Кошелева, «дворянство, классъ самый образованный и какъ главный землевладѣлецъ, должно, для блага всего края, сохранить преимущественный въ немъ голосъ».

Насколько мысли, высказанныя Унковскимъ и Кошелевымъ, были общи всѣмъ депутатамъ безъ различія направленій, доказываетъ отзывъ Косаговскаго, члена новгородскаго комитета, принадлежавшаго къ группѣ консервативныхъ представителей дворянства. Этотъ отзывъ, между прочимъ, подписанъ и либеральными депутатами Владимірской и Харьковской губерній, Безобразовымъ, Хрущовымъ и Шретеромъ. Косаговскій говоритъ, что изъ трехъ видовъ рабства: крѣпостной зависимости, нищенства и раболѣпія, послѣднее является самымъ худшимъ, такъ какъ оно добровольно, сознательно и потому наиболѣе безнравственно. Это рабство исходитъ изъ циническаго убѣжденія, что должно бояться не суда, а судьи, и распространено преимущественно тамъ, гдѣ служащіе состоятъ изъ людей пришлыхъ, постороннихъ и, слѣдовательно, не связанныхъ съ окружающимъ ихъ обществомъ никакими интересами. Крѣпостная зависимость прекратится скоро; но если вмѣсто нея на долю крестьянъ выпадетъ нищенство, или же они будутъ вынуждены раболѣпствовать предъ такъ называемыми властями, то положеніе ихъ будетъ гораздо хуже теперяшняго; поэтому крестьянскій вопросъ касается не только уничтоженія крѣпостного состоянія, но и всякаго вида рабства. Лучшимъ средствомъ для этого является образованіе «хозяйственно-распорядительнаго самоуправленія».

ГЛАВА VI.

Судьба дворянскихъ заявленій.

Отзывы дворянскихъ депутатовъ показываютъ, что большинство изъ нихъ безъ различія направленій сходилось не только въ отрицательномъ отношеніи къ системѣ бюрократическаго управленія, но и въ положительныхъ требованіяхъ. Гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда, отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ судомъ, строгое разграниченіе власти судебной, административной и полицейской и, наконецъ, хозяйственное самоуправленіе общества въ мѣстныхъ дѣлахъ,—эти программныя требованія были общими въ той или другой степени для всѣхъ депутатовъ. Безъ сомнѣнія, одни представители дворянства были болѣе, другіе—менѣе послѣдовательны; одни сумѣли отрѣшиться отъ пережитковъ прошлаго, надъ другими еще тяготѣло вліяніе умиравшаго россійскаго феодализма: одни почти цѣликомъ отказывались отъ сословныхъ привилегій, другіе стремились ихъ расширить, хотя и примѣнительно къ условіямъ новаго быта, но, въ общемъ, поскольку требованія дворянства выливались въ форму той или иной политической программы, эти требованія различались

только количественно, а не качественно. Принципіальной пропасти между различными направленіями дворянской оппозиціи не существовало, и въ послѣднемъ актѣ борьбы дворянскихъ депутатовъ съ редакціонной комиссіей они выступили противъ нея съ одинаковой энергіей. Этотъ послѣдній актъ подготовлялся всѣмъ ходомъ событій. Редакціонная комиссія, состоявшая изъ прогрессивныхъ чиновниковъ, не могла отрицать справедливости обвиненій, брошенныхъ депутатами въ лицо дореформенной администраціи; она признавала необходимость существенныхъ преобразованій. Но, во-первыхъ, она лелѣяла совершенно иной планъ реформъ, во-вторыхъ, она надѣялась ввести реформы постепенно, путемъ частичныхъ поправокъ, не касаясь основныхъ недостатковъ бюрократическаго строя, безъ творческаго участія общества, благодѣтельными декретами правительства. Поэтому, редакціонная комиссія сосредоточила свое вниманіе исключительно на организаціи сословнаго крестьянскаго управленія, которое она строила внѣ связи съ общимъ мѣстнымъ управленіемъ. Явная несообразность такого плана, горькіе плоды котораго до сихъ поръ отравляютъ существованіе русской деревни, ясно сознавалась депутатами. Но комиссія, съ обычною бюрократическою уклончивостью, оградила себя отъ настойчивости мѣстныхъ людей чисто формальными рамками. Она не признала себя въ правѣ подвергать обсужденію представленные депутатами проекты мѣстной реформы, такъ какъ послѣдняя выходитъ изъ круга дѣятельности, опредѣленнаго для комиссіи, и такъ какъ правительствомъ уже образована особая комиссія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которая занимается составленіемъ проекта пре-

образованія уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій. Эта обычная ссылка на то, что наболѣвшій вопросъ жизни числится по другому вѣдомству, конечно, не могла удовлетворить депутатовъ, тѣмъ болѣе, что другое вѣдомство не только не обнаруживало намѣренія воспользоваться совѣтами депутатовъ, но даже старалось возможно скорѣе освободиться отъ нихъ. Вскорѣ послѣ представленія отзывовъ депутаты получили отъ министра внутреннихъ дѣлъ плохо замаскированное предложеніе оставить Петербургъ. По словамъ Кошелева, «такое недовѣріе къ нимъ правительства, такое неуваженіе въ нихъ лицъ, избранныхъ губернскими комитетами, составленными изъ выборныхъ отъ дворянства, такое униженное положеніе депутатовъ въ отношеніи къ редакціоннымъ комиссіямъ» ясно показали мѣстнымъ людямъ, что духъ стараго политическаго режима остается неприкосновеннымъ даже въ прогрессивной части петербургскаго чиновничества. Депутаты увидѣли и поняли, что ихъ отзывы, которые составили до 2.000 листовъ, обречены сыграть жалкую роль ненужной бумаги, что ни главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, ни государственный совѣтъ не будутъ въ состояніи ознакомиться съ замѣчаніями и соображеніями членовъ губернскихъ комитетовъ. Поэтому они остановились на мысли противопоставить проекту редакціонной комиссіи цѣльный и единый проектъ реформъ, для составленія котораго они рѣшили исходатайствовать непосредственно отъ верховной власти необходимое соизволеніе. На общемъ собраніи депутатовъ былъ выработанъ всеподданнѣйшій адресъ съ самымъ умѣреннымъ текстомъ. Проектъ либеральныхъ депутатовъ, какъ и проектъ консервативнаго представителя симбир-

скаго дворянства были отвергнуты большинствомъ, избѣгавшимъ рѣзкихъ и опредѣленныхъ заявленій. Въ результатѣ адресъ большинства ограничивался общей просьбою дозволить депутатамъ представить ихъ соображенія на труды редакціонныхъ комиссій до передачи ихъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Кромѣ нѣсколькихъ депутатовъ, не подписавшихъ этотъ адресъ по случайнымъ причинамъ, его не подписали изъ принципіальныхъ соображеній симбирскій депутатъ Шидловскій, представившій отъ своего имени всеподданнѣйшее письмо, и депутаты: тверской—Унковскій, харьковскіе—Хрущовъ и Шретеръ, ярославскіе—Дубровинъ и Васильевъ, подавшіе особый адресъ. Эти два документа вносятъ конкретное содержаніе въ туманную формулу адреса большинства. Пять либеральныхъ депутатовъ характеризуютъ освобожденіе крестьянъ, какъ «поворотъ въ исторіи нашего отечества. Ему предстоятъ два пути развитія: одинъ мирный и правомѣрный; другой—путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій». Второй путь явится неизбѣжнымъ результатомъ «неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса, которое не оправдаетъ ожиданій и потребностей народа». Между тѣмъ, труды редакціонной комиссіи не даютъ надежды на удовлетворительную развязку крестьянской реформы. «Мы убѣдились, — говорятъ пять депутатовъ,—что въ большей части губерній помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ по той причинѣ, что, хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ; и потому, что крестьяне только тогда почувствуютъ бытъ свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обяза-

тельствъ предъ владѣльцами и когда сдѣлаются собственниками: ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной.

«Въ установленныхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично-свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ, лежатъ зародыши опасной борьбы сословій». Съ своей стороны депутаты полагаютъ, что крестьянскій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ спокойно и правомѣрно иначе, какъ при дарованіи крѣпостнымъ полной свободы и при коренномъ преобразованіи администраціи, полиціи и суда. Поэтому они ходатайствовали предъ верховной властью о полномъ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ путемъ обязательнаго выкупа, объ учрежденіи выборнаго всесословнаго хозяйственно-распорядительнаго управленія, независимаго суда и свободѣ печати (гласности).

Всеподданнѣйшее письмо Шидловскаго, который, какъ и всѣ члены консервативной оппозиціи того времени, говорилъ болѣе откровеннымъ языкомъ, не содержитъ никакого плана мѣстной реформы. Авторъ какъ бы не сомнѣвается въ томъ, что подобныя указанія безполезны, поскольку они обращаются къ бюрократіи, и ходатайствуетъ непосредственно о созданіи новаго утрежденія, которое могло бы осуществить реформы въ дѣйствительныхъ интересахъ страны, какъ ихъ понималъ Шидловскій. Послѣ обычныхъ нападокъ на бюрократію вообще и въ частности на редакціонныя комиссіи, послѣ обычныхъ прославленій лойяльности и вѣрноподданническихъ чувствъ русскаго дворянства, послѣ обычныхъ предсказаній мрачныхъ послѣдствій потрясенія государственнаго порядка,—Ши-

дловскій опредѣленно высказываетъ свою главную мысль: «удостой призвать, государь, къ подножію престола твоего нарочито избранныхъ уполномоченныхъ отъ дворянства и кончи, подъ личнымъ твоимъ, государь, предсѣдательствомъ дѣло, которое составитъ славу царствованія твоего» *). Несмотря на цвѣты вѣрноподданническаго краснорѣчія, Александръ II оцѣнилъ смыслъ письма Шидловскаго и передалъ его министру внутреннихъ дѣлъ съ надписью: «вотъ какія мысли бродятъ въ головахъ этихъ господъ». Такое отношеніе верховной власти къ консервативной дворянской оппозиціи станетъ вполнѣ понятнымъ при ознакомленіи съ содержаніемъ записки Михаила Безобразова, поданной государю одновременно съ адресами депутатовъ чрезъ шефа жандармовъ князя Долгорукова. Безобразовъ предлагаетъ, какъ лучшій способъ разрѣшить крестьянскій вопросъ, собрать въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу «*настоящихъ* выборныхъ отъ дворянства, которымъ и поручить разсмотрѣніе соображеній редакціонной комиссіи». Этотъ способъ, по мнѣнію Безобразова, отнюдь не противорѣчитъ самодержавному образу правленія. «Собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія: въ немъ только оно можетъ освѣтить силы свои и находить путный свѣтъ. Власть не смѣняется въ своей силѣ таковымъ собраніемъ, а получаетъ вѣрное и правильное понятіе о томъ, что ей надо дѣлать для блага государственнаго. Нѣкоторые, добросовѣстные, впрочемъ, люди думаютъ въ семъ отношеніи различно: одни, что собраніе выбор-

*) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“ Т. II., Стр. 167—180.

ныхъ будетъ какимъ-то собраніемъ штатовъ; другіе, что оно разрушитъ самодержавіе. Первые говорятъ такъ, примѣняя заграничныя мысли къ Россіи; вторые, совсѣмъ не зная русской исторіи, русскаго народа и, главное, не понимая, что такое самодержавіе. Неужели люди здравомыслящіе могутъ вообразить, что самодержавіе есть право дѣлать все и какъ вздумается? Тогда было бы не управленіе, а беззаконіе и хаосъ. Самъ всемогущій Творецъ хранитъ законы, имъ созданные. А верховная власть человѣческая развѣ можетъ уклоняться отъ того же начала безъ потери своего значенія? Тоесть она остается силою, которая покоряетъ, пока можетъ то дѣлать, и противъ которой справедливо бы возстать, когда является къ тому случай; но ее нельзя признать тогда властію, которой подчиняются съ любовью и уваженіемъ, за которую совѣсть обязываетъ стоять твердо, ежели она въ опасности. Самодержавіе иначе и быть не можетъ, какъ властію, облеченною полнымъ довѣріемъ подвластныхъ—съ силою охраняющею законы, на основаніи которыхъ бытіе этихъ подвластныхъ зиждется. Довѣріе не даетъ права нарушать то, что ввѣрено охраненію. Слѣдовательно, самодержавіе не должно считать безграничнымъ, ибо оно имѣетъ обязанности предъ государствомъ, къ исполненію коихъ должно имѣть постоянное, неуклонное направленіе. Дабы достигнуть возможности исполнять обязанности, съ самодержавіемъ сопряженныя, надо имѣть возможность слышать отъ государства, въ чемъ состоятъ его потребности. Для этого у насъ на Руси были выборные отъ земли, которые, не ослабляя нисколько силы власти, доставляли сіи возможность узнать, къ чему и какъ эти силы

примѣнить. Выборные даютъ власти значеніе самодержавія. Безъ нихъ оно имѣетъ характеръ своеволія, несмотря на благія намѣренія, идетъ ощупью и путается въ сѣтяхъ, разставленныхъ бюрократіею, которая вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ власти, дѣлается двигателемъ и руководителемъ. Право земли русской имѣть выборныхъ для совѣта верховной власти существуетъ нынѣ такъ же, какъ существовало прежде. Отнять его никто не можетъ, оно право первосозданное отъ начала бытія народа русскаго. Выборныхъ можно не созывать, мысль о нихъ можно затемнить, но вырвать самое право внѣ силъ человѣческихъ. Можетъ быть, когда-нибудь случится, что необходимость самосохраненія соберетъ выборныхъ такъ же, какъ ихъ при государственныхъ опасностяхъ собирали. Прискорбно будетъ дожить до такого времени. Но радостно будетъ, если не выжидая тяжелыхъ событій, верховная власть созоветъ около себя родныхъ законныхъ своихъ совѣтниковъ и съ ними, возстановя на твердыхъ основаніяхъ колеблющійся нынѣ порядокъ государственный, воздвигнетъ уроненное самодержавіе. Изъ хода предпринятаго преобразованія мы видимъ, какъ мало осталося самодержавія во власти верховной» *)... Въ другихъ частяхъ своей записки Безобразовъ заявляетъ себя рѣшительнымъ противникомъ конституціонной формы правленія и жестоко нападаетъ на либеральную оппозицію, обвиняя ее въ разрушительныхъ тенденціяхъ. Но его усилія не увѣнчались успѣхомъ. Александръ II, прочтя записку, сдѣлалъ на ней много весьма поучительныхъ замѣчаній. Такъ, противъ фразы Безобразова:

*) Ibid. Стр. 225.

«собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія», государь написалъ: «хорошъ софизмъ». Противъ увѣренія, будто сторонники Безобразова «желаютъ видѣть собраніе выборныхъ отъ земли у подножія престола» для того, «чтобы узрѣть самодержавіе въ полномъ его величіи и силѣ, какъ непремѣнное и необходимое условіе блага отечества и твердости государства»,—послѣдовала высочайшая отмѣтка: «онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе» *).

Попытка непосредственнаго обращенія дворянской оппозиціи къ верховной власти не принесла ожидаемыхъ результатовъ. Записка М. Безобразова и адреса дворянскихъ депутатовъ были разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Въ результатѣ Безобразовъ былъ высланъ изъ столицы подъ надзоръ полиціи. Шидловскій и Унковскій получили строгое замѣчаніе и отданы были подъ надзоръ губернаторовъ, четыре депутата, подписавшіе адресъ вмѣстѣ съ Унковскимъ, получили замѣчаніе, и восемнадцать депутатовъ, подписавшіе адресъ большинства, — внушеніе чрезъ губернаторовъ. Мотивы, которыми руководилось правительство, накладывая административныя взысканія на депутатовъ, выясняются съ достаточною ясностью въ «Запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ всеподданнѣйшихъ адресовъ членовъ губернскихъ комитетовъ» отъ 4-го ноября 1859 года. Записка эта указываетъ, что убѣжденія участниковъ въ области собственно крестьянскаго вопроса, весьма различны,

*) Н. Барсуковъ „Жизнь и труды М. И. Погодина". Кн. XV II, стр. 138.

что ихъ соединяетъ только общее недовольство редакціонными комиссіями, и что самою главною и существенною мыслью адресовъ является домогательство разрѣшить крестьянскій вопросъ собраніемъ сословныхъ выборныхъ. Это домогательство и высказано было первоначально въ с.-петербугскомъ губернскомъ комитетѣ. Потомъ оно вошло въ проектъ всеподданнѣйшаго адреса, составленный здѣсь прошлымъ лѣтомъ и повторенный нынѣ (въ краткомъ извлеченіи) членомъ симбирскаго комитета Шидловскимъ. То же стремленіе, хотя въ значительно смягченномъ видѣ, выражается въ адресѣ 18-ти членовъ, а также, въ болѣе серьезной формѣ, обнаруживается въ адресѣ 5-ти членовъ. Объединяя, такимъ образомъ, политическія завленія различныхъ группъ дворянства, составитель записки не скрываетъ ихъ неоднородности, но «для правительства, говоритъ онъ,—по убѣжденію моему, не важны эти второстепенные оттѣнки, проистекающіе отъ личныхъ воззрѣній. Важно то общее направленіе, которое именно въ послѣднее время стало распространяться, заявляя себя свободно и открыто, не только въ означенныхъ адресахъ, но въ разныхъ статьяхъ, рукописныхъ и печатныхъ, особенно на иностранныхъ языкахъ. Смѣю думать, государь, что общая государственная польза требуетъ, чтобы этимъ беззаконнымъ стремленіямъ положенъ былъ предѣлъ» *)... Что разумѣлъ министръ подъ общимъ направленіемъ, которое распространялось повсюду и которому онъ стремился положить предѣлъ, видно изъ другой записки Ланского,

---

*) Изъ „записокъ М. А. Милютиной". Русская Старина, 1899 г., кн. 4.

представленной имъ по поводу напечатанныхъ въ «Русск. Вѣстникѣ» (1859 г., ноябрь) статей В. Безобразова: «Аристократія и интересы дворянства». «При всей неясности изложенія, явномъ смѣшеніи понятій и совершенной непрактичности сужденій,—писалъ министръ,—нельзя не замѣтить стремленія, чтобы дворянству (или правильнѣе землевладѣльцамъ) предоставлено было самостоятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ или такъ называемое самоуправленіе, хотя подъ этимъ именемъ говорится мѣстами собственно о внутреннемъ управленіи сословій (которое, въ извѣстной степени, допускается и нашими законами), но въ другихъ мѣстахъ то же слово принимается какъ будто въ смыслѣ управленія общаго или государственнаго, что уже было бы прямо противно основаніямъ нашего законодательства. Не могу, однако же, скрыть, что и косвенные намеки подобнаго рода при настоящемъ положеніи дѣлъ весьма вредны, если не по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, то по нравственному вліянію на извѣстную среду общества. Нѣкоторые изъ противниковъ крестьянскаго дѣла уже дозволяли себѣ указывать на необходимость предоставленія политическихъ правъ дворянству въ замѣнъ упраздняемаго крѣпостного права... Подобныя притязанія, лишенныя всякой прочной основы на русской почвѣ, противныя всѣмъ народнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, наконецъ, несогласныя, какъ я полагаю, съ общимъ духомъ и понятіями самого дворянства, могутъ волновать лишь людей крайне близорукихъ или ослѣпленныхъ страстями Тѣмъ не менѣе, такія притязанія, очевидно, терпимы быть не могутъ, и потому необходимо зорко слѣдить, чтобы они не находили себѣ пищи даже въ общихъ

и отвлеченныхъ разсужденіяхъ по вопросамъ государственнаго права» *). Съ этой точки зрѣнія борьба бюрократіи противъ членовъ губернскихъ комитетовъ является вполнѣ послѣдовательной. Ланской имѣлъ достаточно основаній утверждать въ запискѣ по поводу лейпцигской брошюры Кошелева: «Депутаты и редакціонныя комиссіи», что «брошюра оправдываетъ образъ правительственныхъ дѣйствій. Изъ нея видно, что задушевное желаніе прибывшихъ сюда депутатовъ перваго приглашенія было составить изъ себя государственное учрежденіе, которое рѣшило бы окончательно крестьянскій вопросъ» **). Но Ланской завѣдомо невѣрно сводилъ всѣ разногласія къ экономическимъ условіямъ освобожденія крестьянъ. Подъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса депутаты понимали обновленіе всего строя русской жизни на началахъ общественной самодѣятельности, при широкомъ участіи имущихъ классовъ въ дѣлахъ государственнаго управленія. Это «общее направленіе» дворянской оппозиціи и было главной причиной столкновенія между депутатами и редакціонной комиссіей.

Бюрократія инстинктивно чувствовала тѣ логическіе выводы, о которыхъ умалчивало большинство депутатовъ, но которые сдѣлала бы жизнь, если бы крестьянская реформа пошла по плану дворянской оппозиціи. Депутаты, за отдѣльными исключеніями, не выставляли конституціонныхъ требованій. Даже тѣ, кто предвидѣлъ возможность «увѣнчанія зданія», считали преждевременнымъ поднимать вопросъ объ этомъ. Въ «письмѣ депутата перваго призыва къ депутату второго пригла-

*) Ibid.
**) Ibid.

шенія», тотъ же Кошелевъ, очевидно, выражалъ мнѣніе большинства дворянства, когда, предлагая депутатамъ второго приглашенія посвятить «главнѣйшія усилія» вопросу о мѣстной реформѣ, писалъ: «Всѣ мы глубоко убѣждены, что въ обширной Русской Имперіи одно самодержавіе можетъ удерживать связь между ея различными частями, хранить въ ней порядокъ и равно благоволить ко всѣмъ состояніямъ въ государствѣ; и потому мы всѣ за самодержавіе; но по той же самой причинѣ, мы всѣ противъ бюрократіи, подкапывающей самодержавіе своимъ своеволіемъ, неуваженіемъ къ людямъ и состояніямъ и неумѣніемъ дѣло вести просто, хорошо и быстро». Поэтому ближайшія политическія задачи, въ формулировкѣ Кошелева, сводились только къ мѣстнымъ преобразованіямъ. «Представленіе права самоуправленія мѣстностямъ, представляемымъ не одними, а всѣми состояніями, въ нихъ живущими; отвѣтственность должностныхъ лицъ не предъ однимъ отдаленнымъ правительствомъ, а и передъ окружающимъ ихъ населеніемъ, и устройство суда гласнаго и изустнаго—вотъ наши кровныя нужды, безъ удовлетворенія которыхъ и самое освобожденіе крѣпостныхъ людей не принесетъ пользы ни крестьянамъ ни государству. На этомъ стойте пуще всего, и если достигнете этого, то *все остальное придетъ само собой*». Однако, и Кошелевъ признаетъ, что бюрократія не способна выработать планъ мѣстныхъ учрежденій самостоятельно, безъ участія дворянства, и онъ требуетъ передачи законопроектовъ на предварительное обсужденіе дворянскихъ депутатовъ. Такимъ образомъ, программа умѣренной части дворянской оппозиціи, которая несомнѣнно пользовалась наибольшею популярностью, сво-

дилась къ преобразованію судебныхъ и мѣстныхъ учрежденій, къ образованію изъ представителей дворянства особаго совѣщанія для обсужденія крестьянскаго дѣла и связанныхъ съ нимъ измѣненій государственныхъ учрежденій. Бюрократическое сопротивленіе редакціонныхъ комиссій требованіямъ общества, безъ сомнѣнія, показало передовымъ представителямъ дворянства необходимость углубленія программы и, во всякомъ случаѣ, привлекло къ борьбѣ за нее пассивное политически большинство дворянскаго сословія. Оппозиція обратилась ко всему сословію и создала цѣлый рядъ политическихъ заявленій со стороны дворянскихъ собраній

ГЛАВА VII.

Дворянскіе адреса 1859—1860 годовъ.

Столкновеніе депутатовъ съ редакціонною комиссіею было встрѣчено въ дворянской средѣ, какъ естественное послѣдствіе «своеволія бюрократіи, которая и безъ того сосредоточиваетъ на себѣ самую глубокую ненависть всѣхъ и каждаго». Бюрократія, писалъ по этому поводу Кошелевъ, «дѣйствуетъ почти революціонно: отъ другихъ же требуетъ слѣпого, безотвѣтнаго повиновенія. Сама во всемъ беретъ инициативу, и существующее въ ея глазахъ не имѣетъ никакихъ преимущественныхъ правъ на дальнѣйшее бытіе; другимъ же она не дозволяетъ даже сказать слово въ свою защиту. Неудовольствіе, даже ожесточеніе всѣхъ противъ бюрократіи въ Петербургѣ, въ Москвѣ и во внутренности Россіи растетъ не по днямъ, а по часамъ. Теперь во многихъ губерніяхъ должны быть обыкновенныя собранія дворянства: нельзя не ожидать тамъ протестовъ, даже скандаловъ»... Дворянство «не должно давать бюрократіи попирать себя по ея прихотямъ. Вѣроятно, дворянство рѣшится почтительно-вѣрноподданнически высказать свои опасенія и

недоумѣнія,—или оно достойно той участи, которую бюрократія ему готовитъ» *).

Предсказанія Кошелева имѣли достаточныя основанія. Положеніе господствующаго сословія въ тотъ моментъ, дѣйствительно, было критическимъ. Дворянство понимало, что развязка приближается, что его дальнѣйшая политическая и экономическая судьба опредѣлится въ зависимости отъ того вліянія, которое дворянамъ удастся оказать на послѣднее рѣшеніе высшей правительственной власти. И дворянство напрягло всѣ усилія, чтобы придать крестьянской реформѣ направленіе, благопріятное для привилегированнаго сословія. Однако, эти усилія не увѣнчались существеннымъ успѣхомъ. Несмотря на относительную широту дворянскаго движенія, его содержаніе не пріобрѣло и не могло пріобрѣсти той глубины, которая была необходима, чтобы измѣнить соотношеніе политическихъ силъ въ періодъ развязки крѣпостного крестьянскаго вопроса. Иной формы для выраженія своего протеста, кромѣ «почтительно вѣрноподданническихъ» адресовъ, дворянство не нашло, не нашло и другихъ требованій, кромѣ выставленныхъ ранѣе болѣе тѣснымъ кругомъ либеральныхъ представителей дворянскаго общества.

Рязанскій адресъ, которымъ открылся рядъ дворянскихъ заявленій, ограничился только областью крестьянскаго вопроса. Сущность его заключалась въ слѣдующихъ словахъ: «По причинѣ безпрестанно стекающихся административныхъ мѣръ относительно двухъ сословій, дворянскаго и крестьянскаго, собранія дѣлаются

---

*) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія", т. II, стр. 192.

со дня на день невыносимѣе и невозможнѣе, а потому дворянство проситъ государя: 1) ускорить разрѣшеніе вопроса и окончательно освободить крестьянъ; 2) совершить освобожденіе посредствомъ мѣстнаго земскаго банка, принимая въ основаніе надѣла норму, предложенную рязанскими депутатами, а въ основаніе банка продовольственный капиталъ рязанской губерніи, простирающійся слишкомъ до 1 милліона рублей серебромъ» *).

Въ тверскомъ собраніи, на которое обрушились наиболѣе тяжелыя административныя кары, оппозиція сосредоточилась исключительно на борьбѣ съ министерскимъ циркуляромъ, объявлявшимъ высочайшее повелѣніе не касаться на дворянскихъ собраніяхъ крестьянскаго вопроса. «Нынѣ, находясь въ полномъ своемъ составѣ въ губернскомъ собраніи, при тѣхъ практическихъ свѣдѣніяхъ, которыя пріобрѣтены имъ въ сельскохозяйственной жизни и вынесены изъ соприкосновеній съ мѣстною администраціею, дворянство могло бы однимъ откровеннымъ обмѣномъ своихъ мыслей подготовить разрѣшеніе значительной части вопросовъ, которые представляютъ важныя затрудненія по крестьянскому дѣлу» **),—въ такихъ скромныхъ выраженіяхъ тверское дворянство пыталось склонить правительство къ признанію дворянскихъ правъ.

Болѣе опредѣленный характеръ носилъ адресъ ярославскаго дворянства. Для того, чтобы Россія могла идти по пути правды и свѣта, гласилъ адресъ, «необходимо осуществленіе трехъ началъ, о которыхъ мы осмѣливаемся всеподданнѣйше просить Ваше Импера-

---

*) Ibid., стр. 267.

**) Ibid., стр. 299.

торское Величество: 1) объ образованіи уѣзднаго и губернскаго хозяйственно-распорядительнаго управленія, общаго для всѣхъ сословій, основаннаго на выборномъ началѣ; 2) объ учрежденіи дѣйствительно независимой судебной власти, т. е. суда присяжныхъ съ публичнымъ словеснымъ и гражданскимъ судопроизводствомъ и непосредственною отвѣтственностью предъ судомъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, и 3) о допущеніи общества, посредствомъ гласности, обнаруживать предъ высшимъ правительствомъ злоупотребленія мѣстныхъ управленій» *).

Во владимірскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи проектъ адреса, въ которомъ выражалось только сожалѣніе о появленіи министерскаго циркуляра и желаніе скорѣйшаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса, былъ отвергнутъ и принятъ проектъ Безобразова и Протопопова, въ которомъ ясно указывалась необходимость общихъ реформъ.

«Вступая на путь вѣковыхъ преобразованій въ законодательствѣ,—говорилось въ адресѣ,—при измѣненіи быта многочисленнѣйшаго въ государствѣ сословія, отечество наше не имѣетъ достаточнаго обезпеченія въ строгомъ исполненіи закона. Вся администрація наша основана на бюрократическомъ началѣ, всѣ общества управляются людьми, чуждыми интересамъ тѣхъ обществъ, которыя притомъ, будучи раздѣлены на уединенныя другъ отъ друга сословія, при совершенной безгласности дѣлопроизводства и безотвѣтственности должностныхъ лицъ, не только не могутъ содѣйствовать правительству къ достиженію его цѣлей

*) Ibid., стр. 299.

но даже не имѣютъ возможности заботиться и о соб. ственныхъ своихъ мѣстныхъ пользахъ. Къ тому же правильность дѣйствій должностныхъ лицъ и исполненіе ими законовъ ничѣмъ не обезпечены, потому что суды наши, обязанные производить дѣла въ глубочайшей тайнѣ и руководствоваться при рѣшеніи ихъ только письменными изслѣдованіями исполнительныхъ властей и установленною регламентаціею доказательствъ, а не внушеніями совѣсти и собственныхъ убѣжденій, совершенно зависятъ отъ произвола слѣдователей и ихъ начальствъ, а поэтому не представляютъ никакихъ гарантій, необходимыхъ для отправленія правосудія. Наконецъ, всѣ должностныя лица, въ случаѣ нарушенія своихъ законныхъ обязанностей, подлежатъ суду только тогда, когда это угодно ихъ административному начальству.

«Все вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что исполненіе законовъ нашихъ зависитъ большею частью отъ личнаго произвола».

Такой порядокъ могъ, по мнѣнію владимірскаго дворянства, существовать только до тѣхъ поръ, пока въ странѣ допускалось крѣпостное право, отрицавшее самое понятіе о законности, но съ уничтоженіемъ этого права система произвола должна отойти въ вѣчность. Для того, чтобы обезпечить мирный и благополучный исходъ крестьянской реформы, правительству необходимо признать, какъ начала предстоящихъ преобразованій:

1) Строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

2) Управленіе общее для всѣхъ сословій.

3) Хозяйственно-распорядительное управленіе для

всѣхъ сословій и отвѣтственное только предъ судомъ и обществомъ, причемъ выборныя лица утверждаются не административною властью, но единственно правильностью избранія.

4) Полицейское управленіе, правительственное и устроенное въ чисто охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.

5) Руководимое только закономъ гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

6) Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго предъ судомъ.

7) Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

8) Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита *).

Въ духѣ владимірскаго адреса составленъ былъ и адресъ 170 дворянъ нижегородской губерніи, которые ходатайствовали о различныхъ полицейскихъ, судебныхъ и иныхъ реформахъ.

Орловское и вологодское дворянство коснулось въ своихъ адресахъ только крестьянскаго вопроса, но на орловскомъ собраніи оппозиціонная партія вела усиленную политическую агитацію и открыто говорила о необходимости конституціи **).

Въ новгородскомъ и калужскомъ дворянскихъ собраніяхъ адреса не могли быть приняты только вслѣд-

---

*) Ibid. стр. 311.

**) Ibid. стр. 301.

ствіе разногласій, которыми искусно воспользовалась администрація.

Въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи вслѣдствіе агитаціи оппозиціонно настроенной аристократіи былъ принятъ адресъ, заканчивавшійся заявленіемъ, что дворянство видитъ «залогъ будущаго благосостоянія всѣхъ сословій» государства въ сохраненіи и правильномъ развитіи подъ кровомъ самодержавной власти, издревле существующаго въ Россіи начала мѣстнаго самоуправленія *). Адресъ, петербурскаго дворянства вызвалъ сильное недовольство въ высшихъ сферахъ главнымъ образомъ потому, что въ немъ было упомянуто слово «самоуправленіе». Это недовольство стремленіями дворянства къ мѣстному самоуправленію весьма важно для оцѣнки реформаторскихъ плановъ бюрократіи того времени. Она также любила говорить о необходимости общественной самодѣятельности, но, очевидно, вкладывала въ понятіе самодѣятельности совершенно иное содержаніе. Дворянство не отличалось наивностью Маргариты, полагавшей, что пасторъ и Фаустъ говорятъ одно и то же, только немного другими словами. Оно понимало, что обѣщанное бюрократіей мѣстное хозяйственно-распорядительное управленіе, отдастъ мѣстное населеніе, а, слѣдовательно, и дворянство, уже не защищенное привилегіями сословно-феодальнаго строя, въ руки арміи чиновниковъ. Вотъ почему, несмотря на опредѣленныя и неоднократныя обѣщанія правительства, дворянскія собранія съ упорною настойчивостью ходатайствовали о такихъ реформахъ, которыя, казалось, уже

*) Ibid. Стр. 327.

предрѣшены правящими сферами. Но обнаруживая въ этомъ случаѣ достаточную зрѣлость политической мысли, дворянство, какъ сословіе, не имѣло возможности правильно оцѣнить общее политическое положеніе. Прежде всего, политическое вліяніе дворянства значительно уменьшалось внутренними противорѣчіями и разногласіями въ его средѣ.

ГЛАВА VIII.

Различныя теченія среди оппозиціоннаго дворянства.

Сословное единство не могло обезпечить единства экономическихъ интересовъ. По даннымъ Кеппена, приводимымъ въ извѣстной работѣ кн. Васильчикова, русское дворянство еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія раздѣлилось на группы, противоположныя по своимъ экономическимъ и политическимъ интересамъ. Въ 1834 году, по таблицамъ Кеппена, считалось 1453 помѣщичьихъ семействъ, владѣвшихъ 1000 и болѣе душами. Имъ принадлежало 3.556. 959 ревизскихъ душъ, т. е., около одной трети всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Къ этой группѣ примыкали 2.273 помѣщичьихъ семейства, во владѣніи которыхъ состояло 1.562 831 крестьянъ, по 687 ревизскихъ душъ, въ среднемъ, на каждое семейство.

Эти двѣ группы, заключавшія въ себѣ 3276 помѣщичьихъ семействъ и владѣвшія 5.119.790 ревизскими душами, т. е. болѣе, чѣмъ половиной всего крѣпостного крестьянства, составляли группу крупнаго землевладѣнія, которая пользовалась огромнымъ и экономическимъ и политическимъ вліяніемъ.

Во второмъ ряду стояли средніе помѣщики, владѣвшіе отъ 100 до 500 ревизскими душами; такихъ помѣщиковъ считалось 16740, и принадлежало имъ 3.634.194 крѣпостныхъ крестьянъ. Этотъ слой дворянства также пользовался значительнымъ вліяніемъ въ мѣстныхъ дѣлахъ. Наконецъ, третью группу составляли мелкопомѣстные дворяне, изъ общаго числа которыхъ

Библіотека Контроля

106.000—17000 вовсе не имѣли земли и владѣли только крѣпостными людьми, 58000—владѣли, въ среднемъ, 77 ревизскими душами, и 81.000—только 49 душами *).

Представители крупнаго дворянскаго землевладѣнія, какъ наиболѣе обезпеченные и способные, безъ особыхъ затрудненій, преобразовать хозяйство согласно новымъ требованіямъ рынка, не были заинтересованы въ непремѣнномъ сохраненіи крѣпостного права. Они заботились, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы условія освобожденія крестьянъ обезпечили крупнымъ хозяйствамъ наличность свободныхъ рукъ и о томъ, чтобы политическое вліяніе крупнаго землевладѣнія было достаточно сильно для поддержанія его экономическаго преобладанія. Въ адресахъ и проектахъ отдѣльныхъ представителей этой группы сплошь и рядомъ встрѣчаются сочувственныя ссылки на вліятельную роль англійскаго дворянства и пользу «свободнаго» земледѣльческаго сословія, которое не имѣетъ надобности въ собственной землѣ, такъ какъ обладаетъ возможностью обрабатывать арендованную помѣщичью землю. Съ этой точки зрѣнія вмѣшательство государства въ ликвидацію крѣпостныхъ отношеній не представляло никакой цѣнности; наоборотъ, всякое регулированіе новыхъ отношеній, возникающихъ въ процессѣ уничтоженія крѣпостной зависимости, казалось даже вреднымъ такъ какъ оно ослабляло неизбѣжную зависимость труда отъ капитала. Поэтому представители крупнаго землевладѣнія высказывались, по большей части, за личное

---

*) Кн. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Изданіе второе. Т. I. Спб. 1881. Стр. 423, 424.

освобожденіе крестьянъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, настойчиво требовали расширенія политическихъ правъ дворянскаго сословія. Колебанія правительства въ вопросѣ о надѣленіи крестьянъ землею и явное стремленіе ослабить политическое вліяніе дворянства возбуждали среди крупныхъ землевладѣльцевъ крайнее раздраженіе и ставили ихъ, до 19 февраля 1861 года, въ оппозиціонное отношеніе къ правительству, причемъ дворянская знать проявляла это отношеніе въ самыхъ рѣзкихъ формахъ, откровенно требуя созыва всероссійскаго дворянскаго собранія для разрѣшенія крестьянскаго и другихъ связанныхъ съ нимъ вопросовъ, бюрократическое разрѣшеніе которыхъ якобы поведетъ Россію къ неминуемой гибели.

Въ иномъ положеніи находилось въ этотъ періодъ среднее и мелкое дворянство. Всемірный экономическій кризисъ пятидесятыхъ годовъ сильно подорвалъ благосостояніе дворянскаго хозяйства. Къ 1 января 1856 года въ государственномъ заемномъ банкѣ и сохранной казнѣ было заложено болѣе половины (около 56 проц.) ревизскихъ душъ. Ликвидація этого долга и пріобрѣтеніе капитала для приспособленія хозяйства къ новымъ экономическимъ условіямъ, связанныя съ паденіемъ крѣпостного права, заставляли большую часть средняго и мелкаго дворянства сочувствовать освобожденію крестьянъ, хотя часть этой группы, не обладая ни большими земельными площадями ни значительными денежными средствами, несомнѣнно, предпочитала старый порядокъ. Еще болѣе энергичными сторонниками освобожденія являлись мелкопомѣстные дворяне. По словамъ князя Васильчикова, крѣпостные крестьяне у мелкихъ помѣщиковъ и до освобожденія являлись фактически

батраками и годовыми рабочими, крѣпостная зависимость которыхъ только налагала на помѣщика различныя обязательства и обрекала его на всѣ невыгоды подневольнаго труда. Кромѣ того, значительная часть мелкопомѣстныхъ дворянъ уже тогда оторвалась отъ земли. «Люди бодрые и молодые -пишетъ Васильчиковъ,—искали другихъ занятій и промысловъ и, получивъ кое какое воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ, въ уѣздныхъ школахъ, поступали на службу въ армію или въ канцелярію губернскихъ присутствій, вскорѣ забывали свое дворянское происхожденіе, содержали себя личнымъ трудомъ, службой и скуднымъ жалованьемъ и составляли, такимъ образомъ, въ средѣ дворянства огромнѣйшее большинство, 84 проц., родовитыхъ, на бѣдныхъ дворянъ, вовсе чуждыхъ интересамъ прочихъ помѣщиковъ и питающихъ къ нимъ чувства болѣе враждебныя, чѣмъ сами крестьяне. Въ послѣднее время, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ этотъ классъ мелкопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ дворянъ сдѣлалъ огромные успѣхи въ образованіи, едва-ли не большіе, чѣмъ высшее дворянство. Пользуясь образовательными средствами, сосредоточенными въ большихъ городахъ, молодые люди получали высшее образованіе, и изъ нихъ постепенно выходили ученые, литераторы, художники, армейскіе офицеры и гражданскіе чиновники, дворяне по роду и племени, но составлявшіе главную оппозицію противъ дворянскихъ привилегій и, въ особенности, противъ крѣпостного права и аристократическаго преобладанія крупнаго землевладѣнія» *). Представители послѣдней группы дворянскаго сословія въ скоромъ

*) Ibid. Стр. 425.

времени заняли видное мѣсто въ загорѣвшейся революціонной борьбѣ. Но до 19 февраля 1861 года и мелкопомѣстное и среднее дворянство еще не могли занять по отношенію къ правительству такую боевую позицію, какую заняли крупные землевладѣльцы. И среднее и мелкое дворянское землевладѣніе нуждалось въ деньгахъ для преобразованія крѣпостного хозяйства на началахъ свободнаго труда или даже для ликвидаціи сельско-хозяйственной дѣятельности и для вступленія въ «новую» жизнь. Эти деньги можно было получить только при соотвѣтственномъ вмѣшательствѣ государства въ видѣ выкупныхъ платежей за надѣльную землю и за личность крѣпостныхъ крестьянъ. Поэтому, наи, болѣе демократическіе слои дворянской оппозиціи были, до паденія крѣпостного права, крѣпко связаны экономическими нитями съ прогрессивной бюрократіей и съ враждебнымъ недовѣріемъ относились къ политическимъ притязаніямъ дворянской знати. Опасаясь гнета ненавистной олигархіи, они не могли, при всѣхъ своихъ либерально-демократичеекихъ порывахъ, окончательно порвать съ правительственною властью.

Яркимъ проявленіемъ этого недовѣрія является, напримѣръ, письмо находившагося въ это время въ сибирской ссылкѣ М. А. Бакунина къ Герцену, гдѣ знаменитый анархистъ съ восторгомъ отзывается о программѣ сибирскаго генералъ-губернатора Муравьева-Амурскаго, четвертый пунктъ которой гласилъ: народное самоуправленіе съ уничтоженіемъ бюрократіи съ возможной децентрализаціей Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и болтливый дворянскій парламентъ, а временная желѣзная диктатура»... подъ эгидой самодержавія.

Такимъ образомъ, внутреннія противорѣчія въ средѣ дворянтва были настолько глубоки, что, даже соединяясь для общихъ дѣйствій, оно не могло пойти дальше болѣе или менѣе эффектныхъ демонстрацій.

Эта слабость дворянскаго движенія въ концѣ пятьдесятъ девятаго и шестидесятаго годовъ усиливалась еще тѣмъ, что всѣ направленія дворянской оппозиціи одинаково были и чужды и даже враждебны стремленіямъ крестьянскихъ массъ. И безземельное освобожденіе, проектируемое крупнымъ дворянствомъ, и освобожденіе съ землею за выкупъ по тройной цѣнѣ, проектируемое либеральнымъ среднимъ и мелкопомѣстнымъ дворянствомъ, въ равной мѣрѣ исключали возможность союза оппозиціонныхъ силъ съ крестьянскими массами Народное движеніе всѣми оттѣнками дворянскаго либерализма считалось величайшею опасностью.

Насколько дворянство далеко было отъ мысли дѣйствовать съ народомъ и черезъ народъ, показываетъ, напримѣръ, то негодованіе, съ которымъ депутаты встрѣтили оглашоніе трудовъ редакціонныхъ комиссій. Кошелевъ, въ цитированной неоднократно лейпцигской запискѣ, утверждаетъ, что опубликованіе трудовъ редакціонныхъ комиссій было одной изъ важныхъ причинъ конфликта между дворянствомъ и прогрессивной бюрократіей. «Извѣстіе, что труды редакціонныхъ комиссій печатаются въ количествѣ восьми или даже двѣнадцати тысячъ экземпляровъ и должны быть пущены въ продажу по дешевой цѣнѣ съ цѣлью сдѣлать невозможными большія измѣненія въ предположеніяхъ комиссіи, это извѣстіе чрезвычайно встревожило большинство депутатовъ, видѣвшихъ въ такой

мѣрѣ изощреніе топоровъ противъ нихъ, противъ ихъ семействъ и собраній» *).

Слѣдовательно, въ то время, какъ прогрессивная бюрократія могла обратиться къ народу, дворянство признавало только одинъ путь защиты своихъ интересовъ: обращеніе къ высшей власти, и съ тревогою смотрѣло на взволнованное народное море. Между тѣмъ, только обращеніе къ народу могло бы придать дворянству ту силу, безъ которой борьба съ бюрократіей завѣдомо должна была окончиться неудачей. Сторонники идей Наполеона III, вродѣ Милютина, ясно понимали это больное мѣсто дворянской оппозиціи.

«Русское дворянство,—писалъ князь Вяземскій въ запискѣ, поданной великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ,—лишенное корней какъ въ матеріальныхъ условіяхъ своего быта, такъ и въ общественномъ мнѣніи, совершенно не въ состояніи бороться одно противъ правительства. Оно можетъ доставить нѣсколько докучливыхъ хлопотъ, но оно успѣло бы предпринять серьезную борьбу лишь постольку, поскольку видѣло бы себѣ поддержку, съ одной стороны, въ либеральномъ мнѣніи, съ другой — въ низшихъ классахъ. А этой послѣдней поддержки, по крайней мѣрѣ, еще съ полвѣка будетъ ему не доставать, и едва ли даже этотъ долгій промежутокъ времени окажется достаточнымъ, чтобы заставить исчезнуть и позабыть тысячи глубокихъ причинъ недовѣрія, вскормленнаго среди крестьянства двухъ съ половиною вѣковымъ грубымъ

---

*) „Матеріалы т. II, стр. 205.

*) „Матеріалы“, т. II, стр. 205.

[illegible]. Благодаря же традиціонному презрѣнію дво[illegible]нямъ, священникамъ и проч. людямъ [illegible], недовѣріе это не преминуло зародиться [illegible] этихъ классахъ, которые, казалось бы, ме[illegible] претерпѣть отъ дворянства.

[illegible], либеральная часть общественнаго мнѣнія въ да[illegible] [illegible]новится какъ будто благосклоннѣе къ [illegible]ворянству, и на первый взглядъ сдается, что она должна [illegible]ржать его оппозиціонныя попытки. Но, очевидно, однако, что этотъ преходящій и случайный союзъ не переступаетъ предѣла чисто поверхностнаго [illegible]сенія, и что продленіе его могло бы быть к[illegible]ворянствомъ лишь цѣною столь серьезныхъ [illegible], что повело бы къ коренному измѣненію этого сословія въ самомъ существѣ.

Поэтому добрая часть настоящей провинціальной джентри (помѣстнаго дворянства), чуждая происходящему вокругъ движенію, уже черезчуръ склонна заподозрить доброе къ себѣ расположеніе прессы и не чувствуетъ себя въ безопасности отъ такого союза (такъ, напр., на послѣднихъ выборахъ (1862 г.), подписывая адреса и баллотируя привезенные изъ Москвы проекты, тульское дворянство тщательно отклоняло всякую мысль о сліяніи землевладѣльческихъ классовъ); на счетъ своей политической будущности, какъ сословія, она готова воскликнуть съ латинскимъ поэтомъ: «Timeo Danaos et dona ferentes». Дѣйствительно, какія условія большая часть прессы старается навязать своему новому кліенту въ вознагражденіе за сомнительную поддержку, которую она не прочь предложить ему въ данную минуту? Эти условія не равносильны ли полному добровольному отреченію отъ своего

собственнаго существованія какъ спеціально привилегированнаго сословія—юридическому и нравственному самоубійству?» *).

На такое «нравственное и юридическое самоубійство» ни одно изъ направленій дворянской оппозиціи не было способно.

Въ результатѣ широкое дворянское движеніе остановилось на безплодной литературѣ всеподданнѣйшихъ увѣщаній, на ходатайствахъ о полезныхъ и необходимыхъ учрежденіяхъ безъ всякаго сознанія, какими гарантіями обезпечивается и введеніе и существованіе гласнаго суда, мѣстнаго самоуправленія и т. д. Большаго дворянство, въ цѣломъ, дать не могло. И въ этомъ была не вина, а бѣда его. Несомнѣнно, пониманіе необходимости конституціонныхъ гарантій не было чуждо отдѣльнымъ членамъ дворянскихъ собраній, но соціальная природа сословія, экономическія условія существованія различныхъ его элементовъ, не позволили дворянскому движенію подняться на ту высоту, которая могла бы обезпечить побѣду общества надъ бюрократіей. Даже либерально - демократическая часть дворянства, выставившая идеалы буржуазной свободы, не имѣла возможности сгруппировать около себя сильную партію, такъ какъ она не могла опереться на матеріальныя условія, безъ которыхъ достиженіе идеала являлось пустою мечтою и которыя создались лишь долгое время спустя, съ развитіемъ капитализма и укрѣпленіемъ буржуазіи. Въ то же время, когда убожество промышленности и почти полное отсутствіе

*) Кн. О. Трубецкая, Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, т. I, книга 2, Москва, 1904 г., приложеніе № 17, стр. 111.

частнаго разночиннаго землевладѣнія замыкали буржуазно-демократическое движеніе въ узкія и тѣсныя рамки, ограниченныя къ тому же и различными сословными пережитками,—передовая часть дворянства фатально обречена была погибнуть и разсѣяться между сциллой аристократовъ - конституціоналистовъ и харибдой народныхъ массъ. Правительство при такихъ условіяхъ смѣло и рѣшительно монополизировало въ свою пользу представительство народныхъ интересовъ и, чувствуя за собою поддержку крестьянства и разныхъ «людей третьей статьи», по выраженію кн. Черкасскаго, спокойно выдерживало натискъ противниковъ, разрозненныхъ непреодолимою силою антагонистическихъ интересовъ. Высылка наиболѣе энергичныхъ представителей либеральнаго движенія въ сѣверныя губерніи, замѣчанія и выговоры предводителямъ дворянства—вотъ чѣмъ отвѣтило правительство на политическія притязанія оппозиціоннаго дворянства.

ГЛАВА IX.

Общественное движеніе послѣ 19-го февраля 1861 года.

19-го февраля 1861 года крѣпостное право пало. Этотъ фактъ значительно измѣнилъ соотношенія соціально-политическихъ силъ русской жизни. Если до уничтоженія рабства бюрократія и твердая центральная власть, въ той или другой степени, играли прогрессивную роль, монополизируя представительство крестьянскихъ интересовъ, то теперь эта роль была сыграна и сыграна далеко не удачно. Прежде всего, бюрократія, какъ и слѣдовало ожидать, не оправдала ни радикальныхъ, ни либеральныхъ надеждъ на государственную власть. Послѣ побѣды надъ дворянскою оппозиціею, правительство пошло на уступки крупнымъ землевладѣльцамъ. «Положеніе» 19-го февраля 1861 года подверглось въ Государственномъ Совѣтѣ существеннымъ измѣненіямъ съ точки зрѣнія крупнаго дворянства. Идея надѣленія крестьянъ всей той землею, которую они обрабатывали, не получила осуществленія. Установленіе дарственнаго надѣла дало возможность дворянству обмануть крестьянъ и отнять у нихъ три четверти той земельной площади, которою они владѣли до освобожденія. Замѣна обязательнаго выкупа добровольнымъ также явилась результатомъ настояній дворянской знати, которая могла выдерживать кризисъ, ожидая, пока крестьяне согласятся на дополнительные платежи и, вообще, на условія, поставленныя помѣщиками, въ то время, какъ мелкопомѣстное дворянство немедленно должно было

прибѣгнуть къ обязательному выкупу, часто на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Для крестьянства же лишеніе земли и выкупные платежи были одинаково неожиданными и нежелательными результатами «освобожденія».

Бюрократическое разрѣшеніе вопроса, двусмысленное и нерѣшительное, запутало и безъ того сложныя отношенія и создало многочисленные поводы къ недовольству и въ крестьянской и въ дворянской средѣ. Великая цѣпь порвалась, но — «порвалась и ударила однимъ концомъ по барину, другимъ — по мужику». Крестьянскія волненія въ 29 губерніяхъ были первымъ привѣтствіемъ дворянско-бюрократическому «освобожденію». Они были подавлены вслѣдствіе разрозненности и низкаго уровня политическаго сознанія крестьянства, соотвѣтствовавшаго низкой ступени его экономическаго развитія, но призракъ ихъ остался въ русской деревнѣ. Вслѣдъ за крестьянскими послѣдовали—въ иной, конечно, формѣ — волненія дворянскія и волненія розночинной городской интеллигенціи. Нѣсколько субъективно, но ярко охарактеризовано общее настроеніе въ брошюрѣ Кошелева: «Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія», изданной имъ въ январѣ 1862 года.

«Вездѣ: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, во внутренности Россіи, на сѣверѣ, на югѣ, на востокѣ и на западѣ—всѣ недовольны, всѣ чувствуютъ себя стѣсненными, оскорбленными, бѣдствующими; всѣ убѣждены, что Россіи въ такомъ положеніи долго оставаться нѣтъ возможности. Дворянство, лишенное перваго самаго значительнаго своего права,—права владѣть людьми и населенными имѣніями, которое доставляло ему

привилегированное положеніе въ государствѣ, и утратившее это преимущество не по собственному изволенію, не послѣ борьбы съ властью, а такъ почти нежданно-негаданно (?) и притомъ въ видѣ, всего менѣе соотвѣтственномъ его желаніямъ, крайне ропщетъ, жалуется, тревожится и чего-то домогается.

«Крестьяне услышали давно желанное слово свобода, но она явилась къ нимъ безъ прекращенія барщины и помѣщичьяго оброка, безъ окончательной развязки съ прежними ихъ владѣльцами, въ сопровожденіи новыхъ чиновниковъ изъ дворянъ и почти по избранію сихъ послѣднихъ, при розгахъ, хотя и съ ариѳметическими ограниченіями, и при прогулкахъ солдатъ, для крестьянъ всегда обременительныхъ, а иногда и весьма бѣдственныхъ. А потому крестьяне говорятъ: царь хотѣлъ намъ дать волю, да бары его обманули и насъ себѣ вновь закабалили. Многіе изъ крестьянъ ожидаютъ настоящей воли черезъ два года; а нѣкоторые дерзко прибавляютъ: пока будутъ бары, не бывать у насъ воли. Дворовые, ожидавшіе или поземельнаго надѣла, или иного какого-то болѣе обезпеченнаго положенія, не принимаютъ предлагаемыхъ имъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, ждутъ чего-то и не хотятъ вѣрить, что царь оставилъ ихъ безпріютными сиротами.

«Купечество, крайне стѣсненное безденежьемъ въ торговлѣ, общимъ недовѣріемъ другъ къ другу и къ правительству и невѣдѣніемъ того, что будетъ завтра, сокращаетъ свои кредиты, прячетъ капиталы и не знаетъ что дѣлать, а между тѣмъ жалуется и чего-то ищетъ.

«Мѣщанство, бѣдное мѣщанство страдаетъ, съ горя

пьянствуетъ, обманываетъ, кого можетъ, и призываетъ всякую перемѣну, будучи убѣждено, что какая бы ни была, она можетъ улучшить, но не ухудшить его положеніе.

«Даже духовенство пріобщается къ общему неудовольствію.

«Даже бюрократія, могущественная бюрократія, людъ чиновный съ мала до велика, всѣ недовольны. Послушайте станового, исправника, судью, губернатора, министра, — всѣ говорятъ: нѣтъ! Такъ дѣла идти не могутъ; мы изнемогаемъ подъ бременемъ нескончаемыхъ бумагъ, а общая путаница только растетъ и усиливается.

«А литераторы, ученые, профессора, студенты,— о нихъ и говорить нечего: ихъ жалобамъ на цензуру, становящуюся опять день ото дня нелѣпѣе, и на разныя другія стѣсненія, налагаемыя просвѣщенію, такимъ жалобамъ нѣтъ ни числа, ни конца... Все у насъ зашевелилось, все двигается, всякій ищетъ себѣ простора, желаетъ узнать свои права и получить въ нихъ удостовѣреніе и обезпеченіе.

«А между тѣмъ, бюрократія думаетъ, что и съ живыми людьми можно управляться также, какъ и съ мертвецами; она предписываетъ, подтверждаетъ, запрещаетъ, разрѣшаетъ, отмѣриваетъ, отсчитываетъ и проч., а жизнь захватываетъ все болѣе и болѣе мѣста, издѣваясь надъ регламентаціями, оставляя въ сторонѣ покойниковъ, предъявляя новыя требованія и выдвигая новые вопросы. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ неизбѣжны путаница и неурядицы; онѣ даже необходимы: въ нихъ кроется, посредствомъ ихъ

развивается сѣмя, не заимствованное, не силою внесенное, а свое родное, туземное».

Это цѣнное сѣмя будущаго заключалось въ распространявшемся все шире и шире сознаніи, что рядомъ частныхъ реформъ нельзя замѣнить одну основную реформу, въ зависимости отъ которой легко и просто разрѣшатся многочисленные вопросы русской жизни. «Нѣтъ!—говоритъ Кошелевъ въ той же брошюрѣ,—новаго вина въ старые мѣха вливать нельзя; старое платье новыми заплатами не исправляется, не чинится, а только безобразія его становятся ярче и невыносимѣе. Бюрократію и устройство, ею порожденное и покровительствуемое, измѣнить постепенно и по частямъ невозможно. Надобно пресѣчь зло въ корнѣ».

Сознаніе необходимости «пресѣчь зло въ корнѣ» выразилось и въ оживленіи политической дѣятельности той дворянской и разночинной городской интеллигенціи, которая до 19 февраля 1861 г. сознательно и безсознательно стояла, если не на сторонѣ правительства, то, во всякомъ случаѣ, противъ его враговъ, какими являлись дворяне-конституціоналисты. Неудовлетворенная «Положеніемъ» 19 февраля, встревоженная явными призраками политической реакціи и выбитая изъ обычной колеи новымъ строемъ жизни, безпомѣстная и мелкопомѣстная дворянская интеллигенція заволновалась и въ университетахъ, и въ арміи, и въ канцеляріяхъ, и въ литературѣ. Къ ней примкнула и разночинная интеллигенція, стремившаяся къ политической свободѣ и политическимъ правамъ. Въ 1861 году возникаютъ первыя тайныя общества конституціоналистовъ. Ихъ было немного и существовали они не-

долго. Въ 1861 году образовалась тайная организація, которая съ августа по ноябрь этого года выпустила три номера листка подъ заглавіемъ «Великоруссъ». Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1862 года въ Петербургѣ была распространена прокламація, въ которой извѣщалось о возникновеніи «партіи» «Земская Дума». Наконецъ, въ 1863 году организовалось тайное общество «Земля и воля», которое выпустило нѣсколько прокламацій и, между прочимъ, два листка «Свобода» *). Послѣднее общество, впрочемъ, отличалось уже нѣкоторыми чертами, сближающими его съ послѣдующимъ революціоннымъ движеніемъ, хотя оно и не проповѣдывало соціалистическихъ идеаловъ. Въ первомъ номерѣ своего органа «Свобода» землевольцы заявляютъ, что ихъ «организація составилась изъ людей, непоколебимо убѣжденныхъ, и по слишкомъ очевиднымъ даннымъ, что, при неспособности правительства, революція въ Россіи неизбѣжна, что она *неминуемо* разразится въ возстаніи ограбленнаго и подавленнаго народа и что, при жестокости и тупоуміи правительства, она можетъ получить исполинскіе размѣры кровавой драмы, если все или, по крайней мѣрѣ, большинство способное и честное изъ образованныхъ классовъ не станетъ на сторону доведеннаго до возстанія народа и не обезсилитъ тѣмъ самымъ окончательно правительства, лишивъ его какой бы то ни было пользы въ дикомъ упорствѣ. Такимъ образомъ, выступая на борьбу съ правительствомъ за права народныя, Народный Комитетъ въ настоящее время ставитъ себѣ одною изъ задачъ—привлеченіе образован-

*) О „Землѣ и Волѣ“ 1863 года см. Л. Ф. Пантелѣевъ „Изъ воспоминаній прошлаго“ Спб. 1905.

ныхъ классовъ на сторону интересовъ народа и, значитъ, ихъ собственныхъ». Общество «Земля и Воля» должно «неуклонно и постоянно вести дѣло къ предположенной цѣли—къ разрушенію императорскаго самодержавія и къ торжеству народныхъ интересовъ, которое должно выразиться прежде всего въ созваніи *Народнаго Собранія* изъ выборныхъ представителей свободнаго народа»... Только это собраніе, которое землевольцы въ другой своей прокламаціи: «Офицерамъ всѣхъ войскъ», называютъ «безсословнымъ Земскимъ Соборомъ», «можетъ осуществить право народа на землю и волю, областное и союзное самоуправленіе»... *) Эти цитаты показываютъ, что первые землевольцы совершенно опредѣленно ставили вопросъ о преобразованіи Россіи на революціонную почву и стремились къ учредительному собранію, выросшему изъ побѣдоноснаго вооруженнаго возстанія, причемъ общество должно было сыграть роль временнаго революціоннаго правительства, которое обезпечило бы свободу выборовъ и безопасность работъ Учредительнаго Собранія. Менѣе ясно ставилъ вопросъ о политическомъ строѣ листокъ «Земская Дума», появившійся въ апрѣлѣ 1862 года. Этотъ листокъ заявляетъ только, что партія «Земская Дума», которая образовалась для того, «чтобы измѣнить существующій порядокъ управленія, основанный на насиліи, беззаконіи и произволѣ, разоряющій Россію, развращающій народъ», ставитъ себѣ двѣ цѣли: 1) полное освобожденіе крестьянъ со всею владѣемою ими

*) Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ. Первое приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, издающимся подъ редакціей В. Богучарскаго. № 2. Спб. 1906. Стр. 67.

землею и 2) созваніе Земской Думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій для возстановленія новаго «Уложенія и опредѣленія размѣровъ и способовъ вознагражденія помѣщиковъ средствами всего государства» *). «Земская Дума», повидимому, не произвела впечатлѣнія на широкіе слои современнаго общества. Другую судьбу имѣлъ «Великоруссъ», который, дѣйствительно, является самымъ яркимъ и полнымъ выраженіемъ политическихъ взглядовъ переходнаго—и очень краткаго—момента въ исторіи русской интеллигенціи. «Великоруссъ» увѣренъ, что положеніе дѣлъ въ Россіи неизбѣжно повлечетъ крестьянское возстаніе. Онъ указываетъ даже время возстанія: лѣто 1863 года. Но, во-первыхъ, онъ не питаетъ никакой приверженности именно къ возстанію и называетъ его «пугачевщиной»; во-вторыхъ, онъ, при всей видимой увѣренности въ необходимости возстанія, считаетъ болѣе вѣрнымъ и удобнымъ другой, мирный путь, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, конституціонный строй можетъ быть достигнутъ и безъ возстанія. «Прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, династія не можетъ». «Заставить правительство согласиться на требованіе публики будетъ легко». Что касается самаго содержанія требованій, то «Великоруссъ» полагалъ, «что всего важнѣе, чтобы друзья свободы дѣйствовали заодно». Поэтому, онъ предлагалъ «передовымъ патріотамъ» «ограничиться на первое время только тѣмъ, чтобы помогать умѣренной партіи», которая стремилась къ конституціонной монархіи.

«Если нынѣшній государь,—замѣчаетъ «Велико-

*) Ibid. стр. 49.

руссъ», — добросовѣстно откажется отъ произвола, проигрышъ республиканской партіи будетъ не очень великъ. Истинно-конституціонная монархія мало отличается отъ республики».

Исходя изъ этой точки зрѣнія, «Великоруссъ» намѣчалъ слѣдующій планъ дѣйствій: «Должно подать государю адресъ. Проектъ адреса мы разсылаемъ. Онъ написанъ въ самомъ умѣренномъ духѣ, чтобы всѣ либеральные люди могли принять его. Что же дѣлать съ нимъ? Должно пользоваться существующими собраніями, чтобы пропагандировать его принципы и мысль о необходимости подать его государю». «Рѣшительныя дѣйствія: собираніе подписей къ адресу и назначеніе депутатовъ для представленія его государю—надобно будетъ начать только тогда, когда большинство публики будетъ приготовлено къ этому» предшествующей пропагандой, «когда эту демонстрацію можно будетъ исполнить спокойно, торжественно, съ непреодолимою силою, передъ которою робко преклонится правительство». Проектъ адреса, распространенный «Великоруссомъ», послѣ различныхъ доказательствъ, что ни воля самодержавнаго монарха, ни дѣятельность бюрократическаго правительства не способны разрѣшить очередные вопросы народной жизни, указывалъ, что «только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту», и заканчивался двумя ходатайствами: «благоволите государь, создать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей поль-

ской націи въ ея столицѣ, Варшавѣ, чтобы они устроили судьбу своей родины сообразно ея потребностямъ».

Мысль о подачѣ всенароднаго адреса была, повидимому, очень популярна въ этотъ періодъ. Объ адресѣ подумывалъ И. С. Тургеневъ. Проектъ адреса былъ составленъ и редакціей «Колокола». Послѣдній, въ виду его историческаго интереса, приводимъ полностью.

«Государь! Положеніе Россіи съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣе и опаснѣе. Гроза растетъ, и между тѣмъ никто не знаетъ, что дѣлать и какимъ путемъ выйти изъ бѣды мирно, невредимо, съ обновленными силами на устройство новой, спокойной и обильной жизни.

«Народъ молчитъ въ недоумѣніи. Никто не знаетъ, чего онъ хочетъ; онъ самъ не можетъ уяснить себѣ своихъ потребностей, потому что у него отняты средства столковаться. Онъ не имѣетъ права собираться для обсужденія своихъ нуждъ и заявленія своего голоса. О его нуждахъ никто его не спрашиваетъ; слово, сказанное имъ вслухъ, само правительство Вашего Величества сочло бы за преступленіе противъ власти а между тѣмъ затаенная сила нѣмого множества втихомолку выростаетъ до взрыва. Дворянство, утративъ помѣщичью власть, не пріобрѣло нравственнаго вліянія на народъ и не можетъ пріобрѣсти его до тѣхъ поръ, пока народъ видитъ въ немъ особое, отдѣльное сословіе съ особымъ названіемъ и особыми льготами; сословіе, которое отъ начала прошлаго столѣтія и до сего времени держалось отъ народа особо, жило своею, народу чуждою, жизнью и встрѣчалось съ народомъ

---

*) Ibid. стр. 18—25.

только ради разорительнаго и жестокаго угнетенія его во имя помѣщичьяго крѣпостного права и безнаказнаго чиновничьяго. Само дворянство, въ своей гибельной оторванности отъ народа, утратило живое пониманіе народныхъ нуждъ и, не смотря на свою образованность, не въ силахъ уяснить ихъ себѣ, не спросивъ о нихъ у самого народа, и между тѣмъ не видитъ возможности столковаться съ народомъ къ пользѣ общей иначе, какъ напередъ отказавшись отъ всѣхъ своихъ сословныхъ льготъ и преимуществъ, отъ своего сословнаго названія и своей уединенности, или— что все одно и то же—не признавъ за народомъ общей, всѣмъ одинаковой, равноправности.

«Правительство Вашего Императорскаго Величества, несмотря на Ваши искреннія, добрыя и благія начинанія, государь, оказалось не въ силахъ постановить ясныя и опредѣленныя преобразованія. «Положеніемъ» о крестьянахъ оно, не распутавъ окончательно стараго узла, навязало къ нему такъ много новыхъ петлей, что, если теперь не поспѣшить распутать ихъ общими народными силами, узелъ въ скоромъ времени затянется до того, что его развѣ мечомъ или топоромъ перерубишь, а не развяжешь работою мирныхъ рукъ.

«Вслѣдствіе запутанности «Положенія» о крестьянахъ дворянство остается безъ вознагражденія за утраченное, безъ пособій для работы и, смѣло скажемъ, безъ пособій для пропитанія, исключая дворянъ чиновниковъ, получающихъ казенное жалованіе и награды, которыя падаютъ на народъ тяжелымъ налогомъ. Правительство Вашего Величества вмѣсто пособія дворянству поспѣшило отнять у него помощь обычнаго казеннаго кредита и чрезъ это лишило

дворянство послѣдняго довѣрія со стороны народа, потому что никто не идетъ работать по найму къ помѣщику, который не въ состояніи заплатить за работу. Барщина стала невозможною. Помѣщичьи земли остаются необработанными.

«Между тѣмъ «Положеніе» дало возможность урѣзать крестьянскую землю. Крестьянинъ не увѣренъ, что онъ завтра сохранитъ землю, которую обрабатываетъ сегодня. Толки объ уставныхъ грамотахъ, въ которыхъ онъ безъ основанія боится быть обманутымъ и своею подписью отказаться отъ собственныхъ выгодъ и лучшей будущности—отнимаютъ у него время и охоту для обработки собственныхъ полей. Выкупъ обременительный и невозможный по способу, принятому, «Положеніемъ», подвигается относительно цѣлаго населенія въ размѣрахъ булавочныхъ головокъ и не успокаиваетъ народа. Его положеніе становится невыносимо; онъ видитъ попрежнему и даже больше, чѣмъ прежде, въ каждомъ помѣщикѣ своего врага и въ распоряженіяхъ Вашего правительства—хитрыя козни чиновниковъ. Мировые посредники не въ состояніи помочь дѣлу; подъ вліяніемъ сбивчивыхъ предписаній министерства, они бѣгутъ отъ должностей, оставляютъ мѣста, на которыхъ не могутъ принести пользы, и народъ, и безъ того взволнованный, попадаетъ подъ власть посредниковъ недобросовѣстныхъ и окончательно озлобляется противъ всего, что не принадлежитъ къ народу по платью, по обычаю, по сословнымъ преимуществамъ.

«Такимъ образомъ, земля русская остается невоздѣланною. Покупатели безъ денегъ; купцы не могутъ сбывать своихъ товаровъ, и, слѣдовательно, неохотно

покупаютъ ихъ у производителей. Фабрики останавливаются, города разоряются. Все дорого, денегъ нѣтъ, и между тѣмъ кредитные билеты постоянно падаютъ въ цѣнѣ. Довѣріе къ государственной состоятельности колеблется, частнаго кредита не существуетъ. Государственные займы лягутъ новыми налогами на страну, которая перестаетъ производить, и нисколько не помогутъ возстановленію денежнаго курса, потому что звонкой монеты въ непроизводящей странѣ держать нельзя.

«Государственные крестьяне безмолвно ждутъ себѣ новой участи, съ увѣренностью, что правительство, состоящее изъ чиновниковъ, исказитъ благія намѣренія царя; общее экономическое разстройство не только не позволитъ имъ приступить къ выкупу своихъ даровыхъ земель, какъ предполагало министерство Вашего Величества, къ выкупу равно обременительному и несправедливому,—но окончательно вызоветъ ненависть къ управляющему ими чиновничеству. Всеобщее разореніе подвигается быстрыми шагами. Всеобщая нужда подвергаетъ опасности самый престолъ Вашего Величества.

«Государь! не спросясь народа, нельзя спасти государство. Безъ Земскаго Собора, который одинъ въ состояніи найти изъ совокупности мѣстныхъ экономическихъ средствъ способъ спасти разоренное государство и безденежное правительство, нельзя обойтись безнаказанно.

«Изъ всѣхъ новыхъ учрежденій, введенныхъ по указанію Вашего Величества, одно имѣло полный успѣхъ: это сельскіе и волостные выборы судей, старостъ и старшинъ. Крестьянскіе выборы повсюду были добросовѣстны и безошибочны. Очевидное доказатель-

ство, что народъ знаетъ хорошо своихъ избранныхъ и способенъ избрать людей, могущихъ обсуждать общія нужды и спасти Россію надлежащими постановленіями и указаніями, чего сдѣлать уже не въ силахъ ни сословное дворянство, ни правительство Вашего Величества, составленное изъ дворянъ, чиновниковъ.

«Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, мы, нижеподписавшіеся, безбоязненно, добросовѣстно и искренно, обращаемся къ Вамъ, Государь, просимъ и хотимъ, молимъ и требуемъ, чтобы народъ былъ спрошенъ объ общихъ нуждахъ черезъ своихъ избранныхъ людей и призванъ на общій Земскій Соборъ для постановленія, какимъ образомъ, какими учрежденіями спасти, успокоить, обновить и возвеличить русскій народъ и всѣ племена его, русскую землю и всѣ ея области.

«Для чего мы просимъ:

«1) Чтобы по всѣмъ губерніямъ были учреждены волостные и городскіе сходы для избранія посланцевъ на общій Земскій Соборъ.

«2) Чтобы выбирали всѣ совершеннолѣтніе люди безъ различія сословій, вѣроисповѣданій и толковъ, поголовно, крестьяне срочно-обязанные, крестьяне удѣльные, крестьяне государственные, дворяне, купцы, мѣщане, духовенство и люди всякаго званія.

«3) Чтобы для устраненія недовѣрія со стороны крестьянъ, дворяне для подачи голоса приписывались къ любой волости своего уѣзда, исключая той, къ которой принадлежатъ крестьяне, бывшіе у нихъ въ крѣпости.

«4) Чтобы дворяне при подачѣ голосовъ не имѣли никакихъ преимуществъ по сословію или по чину.

«5) Чтобы лица духовнаго чина господствующей церкви приписывались бы для подачи голосовъ къ волостямъ или городамъ, но не къ волостямъ, къ которымъ относится село ихъ прихода, а въ городахъ къ кварталамъ, къ которымъ не относится ихъ приходъ.

«6) Чтобы лица духовнаго званія также не имѣли никакого преимущества при подачѣ голоса ни по сословію ни по чину.

«7) Чтобы въ городахъ купцы не имѣли ни по сословію ни по гильдіи никакого преимущества передъ мѣщанами и разночинцами.

«8) Чтобы мѣстныя власти были вовсе устранены отъ подачи голосовъ и всякаго вмѣшательства въ устройство, веденіе и рѣшеніе выборовъ. Люди, сюда относящіеся, могутъ приписываться для подачи голоса только къ мѣстностямъ, гдѣ они не составляютъ власти.

«9) Чтобы избранные волостями и городами люди изъ среды своей избрали, какого бы то званія и чина ни было, трехъ кандидатовъ на уѣздъ, и послали бы имена ихъ по волостямъ, селамъ и деревнямъ уѣзда и по городу на утвержденіе народомъ одного изъ нихъ по большинству голосовъ.

«10) Чтобы утвержденный народомъ кандидатъ и былъ избранникомъ отъ уѣзда на общій Земскій Соборъ.

«11) Чтобы, такимъ образомъ, Земскій Соборъ состоялъ изъ избранниковъ отъ всей Русской Имперіи.

«12) Чтобы на ономъ Земскомъ Соборѣ, вслѣдъ за опредѣленіемъ порядка засѣданій и подачи голо-

совъ, были обсуждены во всеуслышаніе и постановлены: права поземельнаго владѣнія и всякой собственности, вознагражденіе дворянства, смотря по уступкѣ земель, способъ выборнаго управленія, сельскаго, волостного и городского, соединеніе уѣздовъ въ области и способъ областного самоуправленія, составъ и размѣръ податей и повинностей, денежныхъ и натуральныхъ, роспись государственныхъ расходовъ и приходовъ, устройство судовъ гражданскихъ и уголовныхъ, устройство высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, *устройство церковныхъ приходовъ*, устройство сельскихъ, волостныхъ, областныхъ и государственныхъ кредитныхъ учрежденій, и, вообще, были бы обсуждены и рѣшены всѣ вопросы, которые Земскій Соборъ почтетъ нужнымъ обсудить и рѣшить.

«Изъ любви къ отечеству и народу русскому, мы, нижеподписавшіеся, охотно, искренно и безпрекословно подчиняемся рѣшенію народныхъ избранцевъ на общемъ Земскомъ Соборѣ и глубоко уповаемъ, что изъ любви къ отечеству и народу русскому также охотно, искренно и безпрекословно подчинитесь Ему Вы Сами, Государь, какъ единственному способу спасти, успокоить, обновить и возвеличить государство.

«Государь!

«Съ вѣрою и преданностью подписываемъ наши имена».

Но безсословное конституціонно-демократическое движеніе не развилось въ сколько-нибудь замѣтную силу. Ни одному изъ тайныхъ обществъ начала шестидесятыхъ годовъ не удалось пріобрѣсти серьезнаго политическаго вліянія. Наибольшій успѣхъ имѣлъ, повидимому, «Великоруссъ», политическій обликъ кото-

раго, въ общихъ чертахъ, напоминаетъ отчасти современный «союзъ освобожденія», но и онъ не создалъ сильной организаціи. По крайней мѣрѣ, въ извѣстной прокламаціи: «Молодая Россія», рѣзко отрицательно отзывавшейся о содержаніи проповѣди «Великорусса», говорится, что «успѣхъ «Великорусса» былъ громадный, что и надо было предвидѣть вначалѣ. Удовлетворяя и, какъ нельзя лучше, совпадая съ желаніями нашего либеральнаго общества, т. е. массы помѣщиковъ, сгремящихся хоть чѣмъ-нибудь нагадить правительству и опасающихся въ то же время даже имени революціи, грозящей поглотить ихъ самихъ; кучки бездарныхъ литераторовъ, сданныхъ за ветхостью въ архивъ, а во времена Николая считавшихся за прогрессистовъ, онъ все-таки не могъ составить около себя партіи. Его читали, о немъ говорили, да и только». «Молодая Россія» объясняла безплодность проповѣди «Великорусса» его недостаточною революціонностью. Но это объясненіе приходится отвергнуть. «Великоруссъ» редактировался и распространялся людьми, достаточно революціонными въ смыслѣ личнаго мужества. Какъ извѣстно, за его распространеніе былъ осужденъ на трехлѣтнія каторжныя работы сотрудникъ «Современника», поручикъ гвардіи В. А. Обручевъ. «Великоруссъ» распространялся и офицерами, разстрѣлянными по дѣлу Аргольдта и др. Но «Великоруссъ» не создалъ партіи потому, почему ее не могли создать и другія организаціи того же типа: въ то время буржуазно-демократическая платформа лишена была реальной общественной почвы. Между «обществомъ», даже потерявшимъ свои феодальныя привилегіи, и разночинной буржуазной демократіей,

только нарождавшейся и въ городѣ и въ деревнѣ, зіяла слишкомъ глубокая пропасть, чтобы они могли слиться. Передовой разночинецъ долженъ былъ обратиться и обратился къ широкимъ народнымъ массамъ. При томъ, возникшее среди демократической интеллигенціи народническое направленіе вскорѣ, подъ вліяніемъ анархической пропаганды Бакунина, выработало отрицательное отношеніе не только къ конституціонализму, но и ко всякимъ формамъ буржуазнаго политическаго строя и къ участію въ политической борьбѣ буржуазнаго общества. Предполагали, что соціалистическіе инстинкты русскаго крестьянства дадутъ возможность избѣжать экономическаго и политическаго господства буржуазіи. При такихъ условіяхъ, конституціонно-демократическое движеніе обречено было умереть при рожденіи. Нужно было сорокъ лѣтъ капиталистическаго развитія, чтобы оно снова возродилось и приняло значительные размѣры.

ГЛАВА X.

Дворянскіе адреса 1862 65 годовъ.

Безсильное развиться въ широкое общественное движеніе броженіе городской интеллигенціи, однако, не оставалось безплоднымъ.

Въ 61 и 62 гг. тайныя демократическія общества существенно поддерживали конституціонное дворянское движеніе, принявшее уже опредѣленныя формы. Кошелевъ, чутко отмѣчавшій и отражавшій смѣну общественныхъ настроеній, въ цитированной брошюрѣ ясно формулировалъ очередную задачу момента, какъ она понималась передовыми представителями дворянства. «Единственный исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія, исходъ вѣрный и истинно русскій, есть проявленіе царскаго довѣрія къ народу — созваніе на общій совѣтъ выборныхъ отъ всей земли русской, созваніе Общей Земской Думы въ Москвѣ». Правда, Кошелевъ высказывался противъ конституціи, но онъ высказывался только противъ конституціи писанной, бумажной, и требовалъ, чтобы «государственное уложеніе, достойное этого имени» создалось фактически. Очевидно, земская дума представлялась ему первымъ этапомъ по пути конституціоннаго развитія, и онъ сосредоточивалъ на ней все вниманіе, думая, что все остальное приложится само собою, какъ раньше онъ думалъ, что «все остальное» приложится само собою къ земскимъ учрежденіямъ. Къ 62 году это заблужденіе разсѣялось, и онъ подвергъ безпощадной критикѣ тѣхъ, кто продолжалъ требовать постройки

съ фундамента, съ организаціи и укрѣпленія губернскихъ и уѣздныхъ всесословныхъ земскихъ собраній. «При указываемомъ способѣ,—писалъ Кошелевъ,—положеніе для губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій должно быть сочинено въ Петербургѣ бюрократіею, хотя бы даже съ призывомъ экспертовъ и депутатовъ и съ повтореніемъ всего того, что дѣлалось на берегахъ Невы по случаю освобожденія крестьянъ. Такимъ образомъ, сочиненное положеніе не можетъ не быть для всѣхъ гражданъ равно неудовлетворительнымъ и къ тому же неудобоисполнимымъ; ибо оно зачнется при опасеніяхъ чего-то, будетъ составляться подъ вліяніемъ желанія дать какъ можно меньше и удержать какъ можно больше, будетъ разсматриваться въ комитетѣ, гдѣ на одного депутата посадятъ трехъ чиновниковъ, и, наконецъ, оно подвергнется окончательному пересмотру въ такомъ учрежденіи, гдѣ никто Россіи не вѣдаетъ, и гдѣ озаботятся лишь тѣмъ, какъ бы рѣшительнаго, положительнаго сказать поменьше и дѣло съ рукъ сбыть. Постановленіе, въ такомъ видѣ утвержденное, отправится къ исполненію въ губерніи. Начальники губерній, подражая пославшимъ ихъ, всячески постараются еще стянуть петли, приготовленныя бюрократіею, и непремѣнно сочтутъ долгомъ вмѣшиваться въ дѣла собраній. Вѣдь необходимо этимъ сановникамъ представлять собранія бунтующими, доносить, что ловкостью и энергіею эти ярые крамольники были укрощены, и, такимъ образомъ, добывать себѣ чины, звѣзды, земли или аренды. Уѣздныя и губернскія собранія при такомъ порядкѣ вещей не успокоятъ, не удовлетворятъ ни вотчинниковъ, ни крестьянъ, ни горожанъ, а, напротивъ того, они послужатъ только

къ общему раздраженію умовъ. Они даже не доставятъ мѣстностямъ улучшеній по управленію, по устройству дорогъ, мостовъ и проч., ибо навѣрное и тутъ въ пользу власти удержатся инструкціи, разрѣшенія, утвержденія и проч. Правительство съ своей стороны будетъ все болѣе и болѣе раздражаться неблагодарностью людей, не чувствующихъ того, что для нихъ сдѣлано и простирающихъ свои домогательства все далѣе и далѣе...

«Мы рѣшительно не допускаемъ пользы и дѣйствительности уѣздныхъ и губернскихъ собраній безъ одновременнаго объявленія о созывѣ Общей Земской Думы». Такъ, наконецъ, земская мысль ясно и опредѣленно поставила вопросъ объ увѣнчаніи зданія.

Насколько вѣрно Кошелевъ выразилъ настроеніе значительной части дворянства, видно изъ того, что во многихъ дворянскихъ собраніяхъ 1862 и 1863 годовъ были не только возбуждены вопросы въ необходимости представительнаго правленія, но и приняты всеподданнѣйшіе адреса съ соотвѣтственными ходатайствами. Въ Новгородѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Твери, Тулѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ дворянство подало голосъ въ пользу созыва народныхъ представителей, хотя подъ народными представителями оно нерѣдко разумѣло представителей дворянства.

Большинство этихъ адресовъ составлено по обычной формѣ, какъ, напримѣръ, записка царскосельскаго предводителя дворянства Платонова о необходимости созванія выборныхъ земли русской, государственной думы. «Необходимо,—говорилъ Платоновъ,—не только въ видахъ народнаго блага, но и для прочнѣйшаго утвержденія верховной власти изыскать надежныя

средства къ познанію народныхъ потребностей, поставить преградъ самовластью правительственныхъ лицъ и установить правильный путь, по коему голосъ народа восходилъ бы до престола вѣрно и своевременно. Достиженія сего можно найти лишь въ допущеніи участія гражданскихъ сословій въ управленіи государственномъ и въ установленіи общаго народнаго представительства посредствомъ соединенія въ одну государственную думу людей отъ всѣхъ частей государства».

Въ симбирскомъ адресѣ губернское дворянство заявляло, что «оно высказываетъ положительно насущную потребность приступить къ кореннымъ преобразованіямъ управленія, признаваемымъ всѣми, какъ единственное средство къ охраненію Россіи отъ окончательнаго ея разстройства», и требовало созыва дворянскихъ представителей для окончательнаго обсужденія преобразованій.

Совершенно другой характеръ носятъ постановленія и адресъ тверского дворянскаго собранія 1862 года. Они представляютъ высшую точку развитія либерально-демократическаго движенія въ дворянской средѣ. Протоколъ тверского губернскаго дворянскаго собранія является историческимъ актомъ, который при другихъ условіяхъ могъ повлечь выдающіяся историческія событія.

«1862 года февраля 3-го дня,—гласитъ этотъ протоколъ,—чрезвычайное тверское губернское дворянское собраніе, по всестороннемъ обсужденіи вопроса объ устройствѣ земскаго банка, пришло къ слѣдующимъ соображеніямъ;

«1) для возрожденія кредита необходимы слѣдующія реформы:

«а) преобразованіе финансовой системы въ томъ смыслѣ, чтобы она зависѣла отъ народа, а не отъ произвола,

«б) учрежденіе независимаго и гласнаго суда, безъ котораго невозможенъ не только частный кредитъ, но и государственный и

«в) введеніе полной гласности во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управленія.

«Безъ этой гласности не можетъ быть никакого довѣрія къ правительству и къ прочности общественнаго порядка.

2) Кромѣ всѣхъ этихъ реформъ, нужно уничтоженіе тѣхъ враждебныхъ отношеній между сословіями, которыя являются слѣдствіемъ законоположеній 19-го февраля 1861 года, возбудившихъ только вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, но не рѣшившихъ его окончательно. Уничтоженіе антагонизма сословій можетъ быть произведено не иначе, какъ ихъ полнымъ сліяніемъ.

Дворянство, будучи глубоко проникнуто сознаніемъ безотлагательной необходимости выйти изъ этого антагонизма и желая уничтожить всякую возможность въ томъ, что оно составляетъ преграду на пути общаго блага, объявляетъ предъ лицомъ всей Россіи, что оно отказывается отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій и не считаетъ нарушеніемъ своихъ правъ обязательное предоставленіе крестьянамъ земли въ собственность съ вознагражденіемъ помѣщиковъ при содѣйствіи всего государства.

3) Осуществленіе этихъ реформъ невозможно тѣмъ путемъ правительственныхъ мѣръ, которыми до сихъ поръ двигалась наша общественная жизнь. Предпо-

лагая даже полную готовность правительства произвести реформы, дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ народа, а иначе будутъ одною только мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе. Посему дворянство обращается къ правительству съ просьбою о совершеніи этихъ реформъ, но, признавая свою несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на которомъ оно должно служить для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій».

Согласно съ этимъ протоколомъ былъ составленъ и всеподданнѣйшій адресъ тверского дворянства.

«Собравшись въ первый разъ послѣ обнародованія законоположеній 19 го февраля 1861 года, тверское дворянство привѣтствуетъ русскаго царя, который приступилъ къ освобожденію крестьянъ и къ искорененію всякой неправды на землѣ русской.

Тверское дворянство объявляетъ торжественно, что оно искренно сочувствуетъ добрымъ намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества и готово слѣдовать за Вами путемъ, ведущимъ къ благоденствію русскаго народа.

Въ доказательство нашей готовности и полнаго довѣрія къ лицу Вашего Императорскаго Величества мы рѣшаемся представить на благоусмотрѣніе Ваше откровенное изложеніе нашихъ мыслей безъ всякой лжи и утайки.

Манифестъ 19-го февраля, объявившій волю наро-

ду, улучшилъ нѣсколько матеріальное благосостояніе крестьянъ, но не освободилъ ихъ отъ крѣпостной зависимости и не уничтожилъ всѣхъ беззаконій, порожденныхъ крѣпостнымъ правомъ. Здравый смыслъ народа не можетъ согласить объявленной Вашимъ Величествомъ воли съ существующими обязательными отношеніями къ помѣщикамъ и съ искусственнымъ раздѣленіемъ сословій.

Народъ видитъ, что онъ со временемъ можетъ освободиться только отъ обязательнаго труда, но долженъ оставаться вѣчнымъ оброчникомъ, преданнымъ во власть тѣхъ же помѣщиковъ, названныхъ мировыми посредниками. Государь! Мы признаемся откровенно, что сами не понимаемъ этого положенія. Такое громадное недоразумѣніе ставитъ все общество въ безвыходное положеніе, грозящее гибелью государству. Что же мѣшаетъ устранить его? Въ обязательномъ предоставленіи земли въ собственность крестьянъ мы не только не видимъ нарушенія нашихъ правъ, но считаемъ это единственнымъ средствомъ обезпечить спокойствіе страны и наши собственные имущественные интересы.

Мы просимъ привести эту мѣру въ исполненіе общими силами государства, не полагая всей тяжести ея на однихъ крестьянъ, которые менѣе другихъ виновны въ существованіи этого права.

Дворяне въ силу сословныхъ преимуществъ избавлялись до сихъ поръ отъ исполненія важнѣйшихъ общественныхъ повинностей. Государь! Мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ жить и пользоваться благами общественнаго порядка на счетъ другихъ сословій. Неправеденъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ и копейки. Это могло быть

терпимо при крѣпостномъ правѣ, но теперь ставитъ насъ въ положеніе тунеядцевъ, совершенно безполезныхъ своей родинѣ.

«Мы не желаемъ пользоваться такимъ позорнымъ преимуществомъ, и дальнѣйшее существованіе его не принимаемъ на свою отвѣтственность. Мы всеподданнѣйше просимъ Ваше Величество разрѣшить намъ принять на себя часть государственныхъ податей и повинностей соотвѣтственно состоянію каждаго. Кромѣ имущественныхъ привилегій, мы пользуемся исключительнымъ правомъ поставлять людей для управленія народомъ. Въ настоящее время мы считаемъ беззаконіемъ исключительность этого права и просимъ распространить его на всѣ сословія.

«Всемилостивѣйшій Государь! мы твердо увѣрены, что Вы искренно желаете блага Россіи и потому считаемъ священнымъ долгомъ высказать откровенно, что между нами и правительствомъ Вашего Величества существуетъ страшное недоразумѣніе, которое препятствуетъ осуществленію Вашихъ благихъ намѣреній. Вмѣсто дѣйствительнаго осуществленія обѣщаной воли сановники изобрѣли временно обязанное положеніе, невыносимое какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. Вмѣсто одновременнаго обязательнаго обращенія крестьянъ въ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ они изобрѣли систему добровольныхъ соглашеній, которая грозитъ довести до крайняго разоренія и крестьянъ и помѣщиковъ; нынѣ они находятъ необходимымъ сохраненіе дворянскихъ привилегій, тогда какъ мы сами, болѣе всѣхъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, желаемъ ихъ отмѣненія.

«Этотъ всеобщій разладъ служитъ лучшимъ дока-

зательствомъ, что преобразованія, требующіяся нынѣ крайнею необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. Мы сами не беремся говорить за весь народъ, несмотря на то, что мы стоимъ къ нему ближе, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности не только для удовлетворенія, но даже и для указанія народныхъ потребностей. Мы увѣрены, что всѣ преобразованія остаются безуспѣшными потому, что принимаются безъ спроса воли народа. Созваніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19-го февраля.

«Представляя на разсмотрѣніе Вашего Величества всеподданнѣйшее прошеніе о созваніи земскаго собранія, мы надѣемся, что искреннее желаніе общаго блага, одушевляющее тверское дворянство, не подвергнется превратному толкованію. Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣемъ счастье именоваться Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные». 112 подписей.

Тверской адресъ и отказъ тверского дворянства отъ сословныхъ привилегій вызвалъ тревогу даже въ оппозиціонно настроенной дворянской средѣ. Правительство же отвѣтило тверскимъ дворянамъ суровыми репрессіями. Но броженіе въ дворянской средѣ не прекращалось еще въ теченіе нѣкотораго времени. Разрабатываемые правительствомъ проекты земской и судебной реформы продолжали волновать дворянство. Вскорѣ внутреннія неурядицы перестраивавшейся жизни осложнились волненіями въ Польшѣ, перешедшими въ открытое возстаніе. Неспособность бюрократическаго

правительства мирно урегулировать взаимныя отношенія двухъ націй дѣлала еще болѣе труднымъ и безъ того трудное и тяжелое положеніе. И въ началѣ 1863 года дворянскія собранія снова поднимаютъ вопросъ о такихъ формахъ государственной жизни, при которыхъ могли бы получить удовлетвореніе не только назрѣвшія нужды русскаго народа, но и тѣхъ національностей, которыя связаны съ нимъ историческою судьбою. Въ рядѣ дворянскихъ адресовъ, даже составленныхъ съ цѣлью протеста противъ польскаго возстанія, дворянство снова и снова ходатайствовало предъ верховною властью о созывѣ выборныхъ земли русской. Наибольшее впечатлѣніе изъ этихъ ходатайствъ произвелъ адресъ московскаго дворянства, принятый въ засѣданіи губернскаго дворянскаго собранія 11-го января 1865 года. Этотъ адресъ, вышедшій изъ среды, которая по традиціи считалась вѣрнѣйшимъ оплотомъ исконныхъ уставовъ русской жизни, вызвалъ даже спеціальный императорскій рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ съ запрещеніемъ дворянскимъ собраніямъ касаться вопросовъ общегосударственнаго значенія. Между тѣмъ, московскій адресъ не отличался отъ обычнаго типа дворянскихъ адресовъ, всегда носившихъ печать нѣкотораго византійства. «Московское дворянство,—гласитъ адресъ,—въ настоящемъ собраніи не можетъ не высказать Вашему Императорскому Величеству чувствъ глубокой преданности и благодарности за Ваши мудрыя начинанія, всегда клонящіяся къ благу нашего отечества. Мы готовы, Государь, содѣйствовать Вамъ словомъ и дѣломъ на трудномъ, но великомъ пути, Вами избранномъ. Мы убѣждены, Государь, что Вы не остановитесь на этомъ пути, и что Вы пойдете

впередъ, опираясь на Ваше вѣрное дворянство, на весь русскій народъ. Въ дружномъ единствѣ и цѣльности— сила нашего отечества. Собравъ Вашу разъединенную доселѣ Россію въ одно цѣлое, сплотивъ ее твердо и замѣнивъ права отдѣльныхъ ея частей одними правами, Вы искорените возможность мятежа и междоусобій.

«Призванному Вами, Государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено навѣки упрочить славу и крѣпость Россіи.

«Довершите же, Государь, основанное Вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству. Назначьте съ этою же цѣлью, по Вашему усмотрѣнію, лучшихъ людей изъ Вашего столбового дворянства, этой твердой опоры русскаго престола.

«Не считаясь на государственной службѣ, не пользуясь сопряженными съ ней наградами, безвозмездно исполняя свой долгъ изъ рода въ родъ для пользы отечества и порядка, они по самымъ условіямъ своего государственнаго положенія, будутъ призваны охранять драгоцѣнныя для народа и необходимыя для истиннаго благоустройства нравственныя и политическія начала, на которыхъ зиждется государственный строй.

«Этимъ путемъ, Государь, Вы узнаете нужды нашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ, Вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, Вы достигнете точнаго соблюденія законовъ всѣми и каждымъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны.

«Правда будетъ доходить безпрепятственно до Вашего престола; внѣшніе и внутренніе враги замолчатъ когда народъ въ лицѣ своихъ представителей, съ лю-

бовію окружая престолъ, будетъ слѣдить постоянно, чтобы измѣна не могла ни откуда проникнуть» *).

Въ томъ же, 1865 году, въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи А. П. Платоновъ возбудилъ вопросъ о необходимости ходатайствовать предъ правительствомъ о центральномъ земскомъ выборномъ учрежденіи для завѣдыванія государственными земскими повинностями. Собраніе, въ принципѣ, отнеслось сочувственно къ предложенію Платонова, но согласилось съ гр. Шуваловымъ, который указалъ на преждевременность этого ходатайства и на неизбѣжность такого учрежденія, какъ слѣдствія всеобщаго желанія и естественнаго теченія земскаго самоуправленія.

Вообще въ этотъ періодъ дворянская оппозиція начинаетъ пріобрѣтать менѣе боевой характеръ. Она явно погасаетъ. Съ одной стороны на дворянство охлаждающимъ образомъ подѣйствовало развитіе революціоннаго движенія, которое подъ знаменемъ соціализма старалось пробиться въ крестьянскую массу, и дѣлало первые и успѣшные опыты въ средѣ городской интеллигенціи и, главнымъ образомъ, въ офицерской и отчасти солдатской средѣ. Это движеніе, исповѣдуя послѣдовательно демократическіе принципы, относилось вполнѣ отрицательно къ пропитаннымъ сословнымъ духомъ дворянскимъ оппозиціоннымъ заявленіямъ. Конституціонныя стремленія, окрашенныя въ крупноземлевладѣльческіе и феодальные цвѣта, встрѣчали здѣсь убѣжденныхъ враговъ. Столь же отрицательно, какъ и

*) Хроника моей жизни. Автобіографическія замѣтки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверского и кашинскаго. Св.-Тр. Серг. Лавра 1901 г. Т. III, стр. 222. Тамъ же проектъ другой, болѣе опредѣленной редакціи адреса.

сознательные элементы демократіи, относились къ попыткамъ дворянской оппозиціи и политически темные представители мелкой буржуазіи и крестьянства. Въ воспоминаніяхъ священника Базарова приводится письмо В. П. Титова, гдѣ разсказывается любопытный эпизодъ, который можетъ служить примѣромъ взаимнаго антагонизма дворянства и буржуазіи, антагонизма, приносившаго огромную пользу правительству. Описывая рязанское земское собраніе 1866 года, В. П. Титовъ разсказываетъ, что «всего казуснѣе были два послѣднія засѣданія. При закрытіи предложено принести государю всеподданнѣйшую признательность за права, дарованныя земству. Гласный Офросимовъ возразилъ цѣлымъ цицероновскимъ спичемъ въ такомъ смыслѣ, что находитъ это преждевременнымъ, несовмѣстимымъ съ тою благоговѣйною осторожностью, какой требуетъ всякое заявленіе, подносимое высочайшей власти; посмотримъ-де, какъ все пойдетъ на дѣлѣ; позже будетъ время для признательныхъ заявленій и т. д.

Это повело ко многимъ другимъ спичамъ, гдѣ говорили, кромѣ нѣсколькихъ дворянъ, и крестьяне, и купцы, и вашъ духовный собратъ...

Обмѣномъ рѣчей разъяснилось, за что и въ какихъ предѣлахъ желательно теперь же принести признательность. Священникъ сказалъ: «Духовенство доселѣ жило отлученное отъ свѣтскихъ интересовъ, теперь призвано въ нихъ участвовать и подавать голосъ отъ имени церкви». Крестьяне, благодаря за право участвовать въ совѣщаніяхъ такого почтеннаго собранія, объяснили, что въ 1861 году дѣло шло лишь о двухъ сословіяхъ, а теперь всѣ созываются земскими учрежденіями какъ

бы въ одну семью, гдѣ и они почитаютъ себя счастливыми занимать свое мѣсто» *).

Возраженія Офросимова остались безплодными. Демонстрація была сорвана буржуазной демократіей, которая, остерегаясь дворянской олигархіи, тѣмъ болѣе цѣнила непосредственно получаемыя ею отъ самодержавія права.

Такимъ образомъ, оппозиціонныя стремленія дворянства, поскольку оно не могло отрѣшиться отъ сословныхъ преимуществъ, поскольку оно, даже выступая противъ правительства, добивалось политическаго преобладанія только для себя, разбивались или о недовѣріе или о равнодушіе крестьянства и городской буржуазіи.

*) Русск. Старина, 1906 г. кн. 10. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.

ГЛАВА XI.

Правительственные проекты земскаго представительства.

Если равнодушіе и недовѣріе народа обезсиливали дворянскую оппозицію снизу, то сверху ее обезсиливала успокоительная политика правительства. Правительство приложило всѣ усилія, чтобы примирить съ собою дворянство. Н. Милютинъ и Я. Соловьевъ, демократическій цезаризмъ которыхъ казался дворянству краснымъ революціонизмомъ, были удалены въ отставку. Въ Государственномъ Совѣтѣ Положеніе 19 февраля подверглося измѣненіямъ въ интересахъ дворянской знати. Валуевъ, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, считалсь защитникомъ идеи о политическомъ преобладаніи дворянскаго сословія и сторонникомъ умѣренно-либеральныхъ реформъ. Эта политика вновь привлекала къ правительству дворянскую знать, тѣмъ болѣе, что въ этотъ періодъ Александръ II неоднократно говорилъ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ о томъ, что начатыя реформы получатъ своевремено необходимое развитіе, что онъ принципіально сочувствуетъ конституціонносу строю и т. д. Крупное дворянство, прочно связанное съ придворнымъ міромъ, знало, что за этими туманными фразами скрывается дѣйствительно подготовляемыя въ правительственныхъ сферахъ реформы, которыя должны были обезпечить верхнему слою дворянскаго сословія значительную политическую роль. 13-го апрѣля 1863 года министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ онъ говорилъ, что «правительству трудно будетъ по-

стоянно отклонять просьбы о нѣкоторомъ участіи общества въ дѣлахъ законодательства». «Если же трудно отклонить ихъ окончательно, то не лучше ли ихъ предупредить»—спрашивалъ онъ и развивалъ слѣдующія основы допустимаго по его мнѣнію участія общества въ законодательной дѣятельности. Исходнымъ пунктомъ валуевскаго проекта были земскія учрежденія, введеніе которыхъ тогда подготовлялось правительствомъ. Центральное представительство должно было увѣнчать зданіе земскихъ учрежденій. Съ этою цѣлью проектировалось собраніе представителей, избираемыхъ мѣстными земскими собраніями. Валуевъ не видѣлъ надобности въ отдѣльныхъ представителяхъ отъ городовъ, допуская, впрочемъ, изъятія изъ этого правила для столицъ или для значительнѣйшихъ торговыхъ или губернскихъ городовъ, каковы Одесса, Рига, Кіевъ. Участіе представителей въ дѣлахъ общаго государственнаго управленія должно было быть только совѣщательнымъ, и поэтому собраніе представителей пріурочивалось къ Государственному Совѣту, какъ уже существовавшему совѣщательному органу при верховной власти. Компетенція земскихъ представителей обнимала только часть компетенціи Государственнаго Совѣта, именно: вопросы законодательные и главные вопросы по части государственнаго хозяйства, какъ то: разсмотрѣніе государственной приходо-расходной смѣты и установленіе новыхъ налоговъ. Участіе представителей въ дѣятельности Совѣта должно было осуществиться путемъ допущенія ихъ въ самыя засѣданія Совѣта, но «съ принятіемъ надлежащихъ предосторожностей, на тотъ конецъ, чтобы за членами Совѣта по назначенію отъ правительства была сохранена надлежащая доля

*

вліянія на ходъ дѣлъ и на составляемыя по онымъ постановленія».

Эти начала были развиты Валуевымъ въ составленномъ имъ осенью 1863 года «Проектѣ новаго учрежденія Государственнаго Совѣта». Земскіе представители получаютъ здѣсь названіе государственныхъ гласныхъ. Они состоятъ при Государственномъ Совѣтѣ, но не прямо входятъ въ его составъ, а образуютъ отдѣльный «Съѣздъ». Кромѣ гласныхъ, выбранныхъ губернскими и земскими собраніями и 18 гласныхъ отъ большихъ городовъ (всего около 180), вводилась категорія гласныхъ, назначаемыхъ Высочайшею властью въ количествѣ не свыше одной пятой выборныхъ гласныхъ.

Созываемый ежегодно на срокъ, всякій разъ опредѣляемый указомъ о созывѣ, Съѣздъ государственныхъ гласныхъ долженъ былъ имѣть назначеннаго предсѣдателя при двухъ выбранныхъ вице-предсѣдателяхъ и изъ штатнаго статсъ-секретаря при трехъ выборныхъ. Дѣла, входившія въ компетенцію государственныхъ гласныхъ, вносились въ Съѣздъ исключительно предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, но обсуждались Съѣздомъ отдѣльно отъ Совѣта. Если рѣшеніе Съѣзда не встрѣтило бы согласія ни въ большинствѣ членовъ соотвѣтствующаго департамента Государственнаго Совѣта, ни у соотвѣтствующаго министра, тогда дѣло должно было возвращаться на вторичное обсужденіе Съѣзда. Затѣмъ окончательное рѣшеніе принадлежало общему собранію Государственнаго Совѣта. Въ это собраніе Съѣздъ посылалъ двухъ своихъ вице-предсѣдателей и 14 членовъ, всякій разъ спеціально для этого выбранныхъ Съѣздомъ, съ пра-

вомъ голоса при разсмотрѣніи соотвѣтствующаго дѣла.

Въ 1865 году такая же «Записка» была представлена великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, но высокопоставленный либералъ отводилъ земскимъ представителямъ еще меньшую роль въ законодательной дѣятельности, чѣмъ Валуевъ.

Эти проекты совершенно ясно показываютъ, что правительство, подъ давленіемъ общественнаго движенія, шло на уступки въ пользу высшихъ классовъ. Государственные гласные должны были избираться губернскими земскими собраніями, которыя даже послѣ почти полувѣкового существованія земства остались почти исключительно дворянскими. Но этого мало. Законосовѣщательный характеръ «Съѣзда» велъ къ тому, что дѣйствительное вліяніе на ходъ государственной жизни получала только незначительная кучка дворянъ. Если представительное учрежденіе представляетъ на утвержденіе верховной власти только различныя мнѣнія своихъ членовъ, то, очевидно, что будетъ утверждено то мнѣніе, которое принадлежитъ близкой ко двору и непосредственно на него вліяющей дворянской знати. Законосовѣщательное представительство всегда является только узаконенной формой господства расширенной комариль. Тѣмъ не менѣе, лжеконституціонные проекты правительства привлекали къ нему и широкіе слои дворянства, разсчитывавшаго сквозь первую пробитую брешь въ крѣпости самодержавія овладѣть и всею крѣпостью. Соглашеніе съ самодержавною властью казалось дворянству единственнымъ средствомъ обезпечить свои политическіе и экономическіе интересы. Какъ бы мало ни давало такое соглашеніе, оно все же было болѣе по душѣ привилегиро-

ванному сословію, чѣмъ борьба, принимавшая рѣзко революціонный характеръ. Введеніе земскихъ учрежденій, гдѣ дворянству было обезпечено первенствующее положеніе, судебная реформа, установившая то относительное «равенство предъ закономъ», которое диктовалось развивающимся капитализмомъ, нѣкоторая свобода печати,—все это еще болѣе ослабляло дворянскую оппозицію, отчасти удовлетворяя желанія либеральной части дворянства, отчасти переводя на сторону правительства остальныя сословія, которыя, при томъ, не имѣли никакихъ основаній поддерживать требованія олигархической конституціи въ духѣ валуевскаго проекта.

Къ концу шестидесятыхъ годовъ дворянская оппозиція уже не играла никакой серьезной роли, и скоро совсѣмъ сошла со сцены. Ходатайство петербургскаго земства о необходимости разработать законъ о земскомъ обложеніи «совокупными силами и одновременнымъ трудомъ центральной администраціи и земства», ходатайство, вызвавшее временное закрытіе земскихъ учрежденій петербургской губерніи, заканчиваетъ въ 1867 году періодъ бурнаго политическаго броженія дворянства, пробужденнаго крестьянскою реформою. Репрессіи, постигшія петербургскихъ земцевъ, не вызвали отклика ни въ дворянскихъ, ни въ земскихъ собраніяхъ. Конституціонное движеніе шестидесятыхъ годовъ замерло, не добившись «увѣнчанія зданія»

И т о г и.

Конституціонная оппозиція шестидесятыхъ годовъ не достигла той главной цѣли, къ которой она стремилась: конституціи. Широкое и богатое красками общественное движеніе не привело къ желанному «увѣнчанію зданія». Реакція, начавшаяся въ правящихъ сферахъ вслѣдъ за утвержденіемъ Положенія 19 февраля, одержала побѣду. Удаленіе Н. Милютина было первымъ признакомъ поворота назадъ. Вскорѣ для реакціи оказался слишкомъ либеральнымъ даже Валуевъ съ его планами законосовѣщательнаго дворянскаго представительства. Въ 1866 году онъ былъ уволенъ, а съ нимъ вмѣстѣ сданы въ архивъ всѣ проекты какихъ бы то ни было представительныхъ учрежденій. Правительство пошло прямымъ путемъ къ бѣлому террору, разыгравшемуся затѣмъ кровавой бурей и увѣнчанному актомъ 1 марта 1881 года. Другого конца конституціонная эпопея шестидесятыхъ годовъ и не могла имѣть.

Силы конституціонной оппозиціи, вообще слабыя, раздѣлялись на два теченія, которыя должны были, рано или поздно разойтись и стать враждебными другъ другу.

Одна часть дворянской оппозиціи, состоявшая,

главнымъ образомъ, изъ представителей знатнаго и владѣвшаго крупными земельными площадями дворянства, но охватывавшая отчасти и среднее дворянство, явно стремилась къ олигархическому управленію страной привилегированнаго сословія, опиравшагося на свою экономическую мощь. Эта часть проявляла свое оппозиціонное настроеніе часто въ весьма рѣзкой формѣ; но за рѣзкою формою не скрывалось соотвѣтствующаго содержанія. Стремленіе къ олигархіи, конечно наиболѣе полно удовлетворялось учрежденіемъ законосовѣщательнаго представительства. Однако, даже такая «конституція» не являлась необходимымъ условіемъ установленія олигархическаго господства дворянской знати. Олигархія могла быть и была достигнута, какъ показала вся послѣдующая исторія Россіи, и при неограниченной власти самодержавнаго монарха. Поэтому, какъ только въ высокихъ сферахъ была закончена та преобразовательная работа, которая вызывалась и нескрываемою боязнью «революціи снизу», и неотложными потребностями государственнаго механизма, какъ только высшая власть снова благосклонно обратилась въ сторону дворянской знати, верхніе слои дворянскаго сословія немедленно повернули въ сторону реакціоннаго правительства. Уже въ самомъ началѣ 1865 года, въ нашумѣвшемъ адресѣ московскаго дворянства зазвучали ноты, больно задѣвшія дѣйствительныхъ друзей свободы. Московское дворянство закончило адресъ зловѣщимъ указаніемъ, что представительное правленіе является одною изъ самыхъ вѣрныхъ гарантій противъ нападеній внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Этотъ аргументъ въ пользу конституціоннаго режима, какъ средства для истребленія крамолы, съ тѣхъ поръ и до самаго послѣд-

няго времени неоднократно повторялся и повторяется представителями россійской либеральной оппозиціи, несмотря на то, что его цѣнность была по достоинству опредѣлена еще въ моментъ его рожденія. «Нѣтъ, господа, этимъ путемъ до свободы не дойдете», — съ предвидѣніемъ пророка замѣтилъ по поводу московскаго адреса Герценъ. Этимъ «господамъ» и не нужно было доходить до свободы; они стремились къ власти, къ вліянію, которое на нѣкоторое время поколебалось при освобожденіи крестьянъ, и, какъ только они получили эту власть, крупное земельное дворянство немедленно заняло ту реакціонную позицію, которую оно занимаетъ и до настоящаго времени.

Другая часть дворянской оппозиціи, состоявшая изъ представителей промышленныхъ губерній, гдѣ уже чувствовалось дыханіе нарождавшагося капитализма, обладала способностью болѣе правильно взвѣсить политическое положеніе. Она могла отказаться отъ сословныхъ привилегій во имя политическаго равенства гражданъ. Но она была слишкомъ малочисленна, чтобы стать рѣшающей силой въ разгорѣвшемся политическомъ спорѣ, и она не имѣла возможности увеличить свое вліяніе. Принимая принципы политическаго равенства, она, во-первыхъ, придавала этому равенству ограниченный смыслъ, включая въ число полноправныхъ гражданъ только собственниковъ; во-вторыхъ, даже эта часть дворянской оппозиціи находилась въ коренномъ противорѣчіи съ подавляющимъ большинствомъ населенія, съ крестьянствомъ. Въ то время, какъ послѣднее стремилось къ захвату всей земли или, по крайней мѣрѣ, большей части земли, либеральное дворянство стремилось къ сохраненію за собой возможно большей

земельной площади и къ полученію непомѣрно высокихъ выкупныхъ платежей за землю, отведенную крестьянамъ, и за личность крѣпостныхъ крестьянъ. При такихъ условіяхъ крестьянство въ цѣломъ было противъ дворянства, противъ его политическихъ притязаній, а, поскольку въ крестьянскомъ умѣ представленіе о способѣ полученія земли связывалось съ самодержавнымъ царемъ, то и за царя въ томъ идеаллистическомъ пониманіи его, какое было свойственно крестьянству. Та армія, которая могла бы поддержать стремленія передовой части дворянства къ цензовой конституціи, въ то время еще не сформировалась. Ни деревенская, ни городская буржуазія не составляли тогда сколько нибудь замѣтнаго общественнаго слоя.

Въ результатѣ, конституціонная оппозиція шестидесятыхъ годовъ повисла въ воздухѣ. Съ одной стороны, конституція олигархическая *уже* не могла быть осуществлена; съ другой—для конституціи либерально-демократической *еще* не было почвы. Какъ усилія Наполеона I, нанесшаго смертельный ударъ феодальному строю почти во всей Европѣ, разбились о стѣну примитивныхъ производственныхъ отношеній Россіи Александра I, такъ и усилія Унковскаго, Кошелева и другихъ вождей либеральнаго движенія шестидесятыхъ годовъ разбились о стѣну примитивныхъ хозяйственныхъ отношеній Россіи Александра II.

Но конституціонная оппозиція «освободительной» эпохи не прошла безслѣдно. Укрѣпленная революціоннымъ движеніемъ, она заставила правительство уступить цензурную, судебную, воинскую и земскую реформы. И если, сейчасъ же послѣ ихъ проведенія, эти реформы сдѣлались пунктами яростныхъ нападокъ реакціи, то,

во всякомъ случаѣ, одна изъ нихъ—земская—на долгое время осталась крѣпостью,—правда, весьма плохо защищенною,—въ которой не только сохранились обломки дворянскаго конституціоннаго движенія, но и выросло новое либерально-демократическое—результатъ сліянія покаявшагося дворянина-феодала съ покаявшимся разночинцемъ-соціалистомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Основныя черты дореформеннаго мѣстнаго управленія. 1

ГЛАВА II.

Разложеніе сословно-крѣпостного строя 16

ГЛАВА III.

Пробужденіе общества 26

ГЛАВА IV.

Первые шаги дворянской оппозиціи 33

ГЛАВА V.

Вопросъ о мѣстной реформѣ въ редакціонной комиссіи . 61

ГЛАВА VI.

Судьба дворянскихъ заявленій 82

ГЛАВА VII.

Дворянскіе адреса 1859—1860 годовъ 96

ГЛАВА VIII.

Различныя теченія среди оппозиціоннаго дворянства . 104

ГЛАВА IX.

Общественное движеніе послѣ 19-го Февраля 1861 года . 114

ГЛАВА X.

Дворянскіе адреса 1862—65 годовъ 132

ГЛАВА XI.

Правительственные проекты земскаго представительства 146

Итоги 151

Федеративная Советская Республика
Центральная Библіотека Государственнаго Контроля

„За два года“

(изданіе С. Н. Салтыкова).

Сборникъ статей изъ „Искры“: П. Аксельрода, М. Б—ова, Ф. Дана, В. Засуличъ, Кольцова, Л Мартова, Мартынова, Н. Негорева, Парвуса, Г. Плеханова, Старовѣра, П. Стрѣльскаго, Н. Троцкаго.

Содержаніе.

Ч. I. Статьи общаго характера. Либерализмъ, демократія и студенчество. Война. Миръ. Ч. II. Русская Революція и Европа. Международный соціализмъ. Основы тактики.

Стр. 931. Цѣна за обѣ части 2 р. 25 к.

А. ПОТРЕСОВЪ (Старовѣръ)

(изд. О. Н. Поповой).

Этюды о русской интеллигенціи. Сборникъ статей.—Ц. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Артельная эпопея.—О „наслѣдствѣ“ и „наслѣдникахъ“.—О разночинцѣ-скитальцѣ.—Что случилось.—Современная весталка.—О двуликой демократіи.—Наши злоключенія.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

15

Цѣна 30 коп.

Складъ изданія—книжный магазинъ «ОБЩЕСТВЕ
НАЯ ПОЛЬЗА» (СПБ., Б. Подъяческая, 39, соб.